

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

ГОДЪ ШЕСТОЙ

С.-ПЕТЕРВУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимирскій пр., № 12

1896

Печатано по распоряжению Императорского Спб. Русского Географического Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Грихъя-сутры, какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры.

Сравнительное языкознаніе со своими неопровергнутыми выводами о родствѣ индоевропейскихъ языковъ, вызвало къ жизни новую науку, которая имѣеть цѣлью возстановить первоначальную жизнь праиндоевропейскаго народа. Если путемъ сравненія словъ индоевропейскихъ языковъ можно возстановить слова языка, изъ которыхъ развились слова сравниваемыхъ языковъ, то совершенно естественно является вопросъ: не свидѣтельствуютъ-ли эти слова о томъ, что праиндоевропейскій народъ зналъ предметы, называемые ими? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отрицательно невозможно. А отсюда очень легко сдѣлать выводъ (мы не касаемся при этомъ вопроса, насколько спра-ведливъ такой выводъ), что путемъ сопоставленія словъ мы можемъ дойти и до возстановленія всей обстановки жизни нашихъ индоевропейскихъ предковъ: окружавшей ихъ природы, ихъ утвари, образа жизни, занятій, обычаевъ, религіи и проч. Такія мысли и вызвали довольно рано попытки нарисовать по возможности полную картину жизни праиндоевропейскаго народа. Здѣсь мы не будемъ входить въ критику добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній, а укажемъ только на одну слабую сторону этихъ изслѣдованій. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ нашей науки стала сказываться неполнота добытыхъ свѣдѣній. Добываемые съ большимъ трудомъ остатки обще-индоевропейской культуры оказывались настолько бѣдны, что изъ нихъ нельзя было склеить и плохой мозаичной картины. Если эта картина все-таки получалась, то только благодаря болѣе или менѣе живой фантазіи ее творцовъ. Однако такое положеніе не могло долго просуществовать, такъ какъ фантазіи очень скоро разрушались при малѣйшемъ прикосновеніи критики. Поэтому самые серьезные представители новой науки рѣшили ограничиваться пока добываніемъ новыхъ

данныхъ для будущей картины или возстановлять ее при помощи другихъ болѣе надежныхъ средствъ, чѣмъ собственная фантазія. Такъ, напр., во второмъ изданіи своей книги «Sprachvergleichung und Urgeschichte» Шрадеръ сопоставляетъ данные, добытныя лингвистическимъ путемъ, съ остатками швейцарскихъ свайныхъ построекъ и высказываетъ предположеніе, что это и есть остатки культуры общихъ предковъ европейской группы индоевропейскихъ народовъ. Онъ же пользуется еще и сравнительнымъ изученіемъ обычаевъ этихъ народовъ. Однако, какъ мы кажемся, о значеніи этого подспорья при возстановленіи картины первоначальной общей жизни индоевропейцевъ у нашихъ изслѣдователей нѣтъ опредѣленнаго, точнаго представленія. Мы кажемся даже, что сравнительное изученіе обычаевъ оказывало ученымъ услугу помимо ихъ собственнаго сознанія: сопоставленія известныхъ сходныхъ обычаевъ существуютъ уже, и изслѣдователь, сопоставляя слова, вкладываетъ въ нихъ содержаніе, известное уже ему изъ сопоставленія обычаевъ. Такимъ образомъ выводъ, къ которому приходитъ ученый, до известной мѣры уже существовалъ въ сравниваемыхъ обычаяхъ. Поэтому мы кажемся необходимымъ остановиться на этомъ вопросѣ, и онъ прямо приведетъ насъ къ нашей темѣ.

Какъ странно было-бы въ настоящее время сказать, что цѣль сравнительного языкоznанія заключается въ возстановленіи языка, которымъ говорили наши общіе предки. Центръ тажеsti науки въ настоящее время перешелъ на сравнительное изученіе фактовъ отдѣльныхъ языковъ. Если при этомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что въ праязыкѣ существовала такая-то система звуковъ, такія-то формы словъ и такія-то синтаксическая соченія, то это есть результатъ нашего изслѣдованія, результатъ очень важный, но почему мы стали-бы придавать ему значеніе цѣли всего изслѣдованія? Нужели только потому, что это древнѣйшая доступная намъ ступень въ историческомъ развитіи индоевропейскихъ языковъ? Этого, конечно, еще очень мало. Въ настоящее время никто не станетъ спорить противъ того, что возстановленіе праязычныхъ формъ находится въ полной зависимости отъ точности изслѣдованій отдѣльныхъ языковъ. Поэтому сравнительный языковѣдъ обыкновенно восходитъ къ древности отъ фактовъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Совершенно тоже самое можно сказать и о сравнительномъ изученіи обычаевъ индоевропейскихъ народовъ. Нельзя сказать, чтобы возстановленіе картины жизни индоевропейцевъ составляло цѣль этого изученія. Это— самая трудная задача его, къ решенію которой мы можемъ прійти только путемъ тщательного сравнительно исторического изслѣдованія обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. И это совершенно понятно. Картина жизни индоевропейцевъ должна быть возстановлена; ея не существуетъ на са-

момъ дѣлъ. Всякое возстановленіе зависитъ отъ точности нашихъ знаній въ тѣхъ областахъ, которые даютъ матеріалъ для возстановленія этой картины. Словомъ сказать, нельзя называть цѣлью науки возстановленіе картины жизни индоевропейцевъ уже потому, что въ этой картинѣ не будетъ и не можетъ быть ничего нового для насъ. Въ ней будетъ только то, что мы сумѣли добыть изъ изученія обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. Однимъ словомъ изученіе должно быть направлено не на тѣ отдѣльныя стороны обычаевъ, которые даютъ поводъ къ сопоставленіямъ, а на изученіе обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ,—изученіе по возможности всестороннее, т. е. въ связи со всѣми окружающими обычай условіями жизни данного народа. Я потому обращаю особенное вниманіе на это послѣднѣе требованіе, что возведеніе какого-нибудь обычая въ достоинство индоевропейского обычая ни на іоту недвигаетъ впередъ нашего знанія. Это только фигуральное выраженіе того факта, что данный обычай мы находимъ у многихъ индоевропейскихъ народовъ. Наше пониманіе обычая остается все на той же примитивной ступени, на которой было и раньше. А изслѣдованіе обычая въ его исторической обстановкѣ и сравненіе аналогичныхъ обычаевъ (тоже предварительно обслѣдованныхъ) другихъ индоевропейскихъ народовъ, дастъ намъ не только выводы относительно принадлежности обычая къ праиндоевропейской стариинѣ, но и прочная историческая точка опоры для объясненія возникновенія и развитія этого обычая. Наконецъ задача наша усложняется еще и тѣмъ, что мы должны здѣсь болѣе, чѣмъ въ сравнительномъ языкознаніи, считаться съ возможностью заимствованія обычая у другого народа. Здѣсь не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на существенную разницу между результатами, добытыми сравнительнымъ языкознаніемъ и результатами изслѣдованія индоевропейской культуры. При помощи сравнительного языкознанія мы научились возстановлять праказычные формы, совершенно отличныя отъ исторически зафиксированныхъ формъ отдѣльныхъ языковъ. Между тѣмъ мы не имѣмъ до сихъ поръ ничего въ области изслѣдованій индоевропейской культуры, что можно было бы сравнить съ вышеупомянутыми выводами языкознанія. Мы просто переносимъ на индоевропейцевъ нѣкоторыя историческая черты,—ступень, на которой находилось и языкознаніе. Этотъ фактъ по моему сильнѣе всего свидѣтельствуетъ о недостаточности сравнительно-исторической разработки обычаевъ индоевропейскихъ народовъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ признать, что въ настоящемъ время мы пожалуй не можемъ и мечтать о рисовавшейся прежде нашему воображенію картинѣ, а должны всѣ свои силы направить на изученіе обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. Это положеніе не ново. Его высказалъ напр. Шра-

деръ, въ упомянутой уже книгѣ. Но высказывается это тамъ нѣсколько иначе и при томъ такъ, что по моему мнѣнію все значеніе этого положенія теряется. На стр. 351 Шрадеръ говорить: «Мы будемъ... исходить изъ результатовъ сравнительного языкоznанія... Но такимъ образомъ мы исполнимъ только половину нашей задачи. Прежде всего вопросъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы въ историческомъ преданіи индоевропейцевъ найти остатки первобытной жизни, на которые указываютъ факты языка. Къ сравнительному языкоznанію при изслѣдованіи праиндоевропейской исторіи должно присоединиться сравнительное изученіе старины» (*vergleichende Alterthumskunde*). Здѣсь, слѣдовательно, за языкоznаніемъ признается руководящая роль, которой оно по моему никогда не можетъ имѣть. Это, конечно, не лишаетъ его того значенія, которое оно должно имѣть въ ряду другихъ фактovъ, но мы не можемъ предпочтать факты языкоznанія другимъ прямымъ свидѣтельствамъ.

Я сдѣлалъ это небольшое введеніе для того, чтобы выяснить ту точку зренія, съ которой долженъ оцѣнивать изслѣдователь индоевропейской культуры памятники отдельныхъ народовъ, служащіе источниками нашихъ свѣдѣній объ индоевропейской культурѣ. Съ этой именно точки зренія мы и будемъ оцѣнивать одинъ изъ важныхъ источниковъ древне-индійской культуры, именно грихья-сутры, т. е. правила домашняго ритуала. Совершенно понятно, что мы должны прежде всего обратить вниманіе на условія, среди которыхъ сложился этотъ разрядъ памятниковъ. Грихья-сутры относятся къ тому періоду древне-индійской жизни, который обыкновенно называется періодомъ сутръ. Онъ характеризуется появлениемъ сборниковъ краткихъ правилъ (*sutram* и значитъ «нить, правило»), касающихся всѣхъ сторонъ индійской частной религіозной и общественной жизни. Сборники эти представляютъ своды по возможности всего того, что было выработано предшествующей культурой. Составлены были они учеными по тому времени брахманами. Это обстоятельство оказало довольно сильное вліяніе на наши памятники. Въ этой кастрѣ жрецовъ сосредоточивалась вся тогдашняя наука, въ ней же развилась довольно рано религіозная философія, философія жертвы. Эта философія оказывала сильное вліяніе на религію индусовъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ. Мы конечно не можемъ сомнѣваться, что существовали кромѣ того и другія религіозныя теченія, живѣе сохранившія старыя преданія, но вообще вліяніе брахманства несомнѣнно. Само оно дѣлилось на множество различныхъ толковъ, но это дѣленіе не основывалось на какихъ-нибудь коренныхъ различіяхъ, а ограничивалось только разницей въ мелочахъ обрядовой стороны религіи. Однимъ

словомъ брахманство очевидно перерабатывало старинные предметы религії по своимъ философско-религіознымъ возврѣніямъ. Примитивная брахманская философія конечно не могла достигнуть полной независимости отъ старинного преданія, которое и давало матеріаль для ихъ размышленій. Такимъ образомъ она старается разъяснить преданіе, придать тотъ или другой смыслъ обряду. Конечно о систематическомъ объясненіи всѣхъ обрядовъ не можетъ быть и рѣчи; но несомнѣнно, мнѣ кажется, работа мысли сказывалась также и въ томъ, что некоторые обряды отвергались, если казались несоответствующими, противорѣчашими какому-нибудь положенію. Попытки эти вообще рѣдки и робки, въ особенности въ самый древній періодъ, но такие факты, какъ появление буддизма, джайнизма и другихъ противныхъ брахманству сектъ, дошедшихъ до отрицанія древнихъ божествъ свидѣтельствуютъ о развитіи этого духа критики и отрицанія. Таково направленіе дѣятельности брахмановъ въ философско-религіозной области. Въ области жизни общественной вліяніе ихъ сказывалось въ дружномъ отстаиваніи своего первенства между всѣми другими кастами и въ неустанномъ и беззастѣничномъ выставлении себя на первый планъ, требованіи себѣ всевозможныхъ даровъ и приношеній. Во всѣмъ видны слѣды той мирной борьбы, которую вели брахманы противъ другихъ кастъ. Они сознательно стремились къ захвату въ свои руки всей религіозной области, которая тогда сплеталась многочисленными нитями со всѣми другими сферами жизни. Брахманы проповѣдовали, что они нужны вездѣ, что безъ нихъ не можетъ обойтись никто, такъ какъ они одни—хранители всѣхъ знаній вообще, и въ особенности знанія, какъ нужно приносить жертву, безъ которой не обходился ни одинъ даже самый обыденный случай жизни. Такимъ образомъ главный пунктъ, на который направлялась ихъ атака, была жертва: завоевавши этотъ пунктъ легко можно было управлять и главенствовать во всѣхъ другихъ сферахъ. О сознательности такихъ завоевательныхъ стремленій свидѣтельствуетъ напр. тотъ фактъ, что брахманы дѣствовали дружно, и если одинъ брахманъ почему-либо отказывался совершить жертвоприношеніе для индуса, то ни одинъ другой брахманъ уже не соглашался совершать для него жертвоприношенія. Конечно не честолюбіе было главнымъ двигателемъ этихъ завоевательныхъ стремленій: мы имѣемъ множество неопровергимыхъ доказательствъ того, что такимъ двигателемъ было корыстолюбіе. Уже въ Ригъ-ведѣ мы находимъ насмѣшки надъ брахманами, которые подобно плотникамъ, ищущимъ, не прогнилъ ли гдѣ-нибудь домъ, выматриваютъ, не найдется ли кто, кому нужно было бы совершить торжественное жертвоприношеніе. И во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ мы находимъ прославленіе особенно щедрыхъ къ брахманамъ лицъ, а

описанія жертвенныхъ ритуаловъ никогда не забываютъ прибавить, что должны получить за такую то жертву брахманъ, при чмъ обыкновенно предупредительно разрѣшается давать и больше. Въ иѣкоторыхъ случаяхъ, очевидно имѣющихъ въ виду менѣе богатыхъ жертвователей, разрѣшается давать и меныше, но давать все-таки необходимо. Я остановился на этой характерной чертѣ брахманства потому, что она особенно рѣзко сказывается въ грихья-сутрахъ, и имѣть для насъ значеніе при критикѣ тѣхъ свѣдѣній, которыхъ мы получаемъ изъ этого памятника. Первое, что подпало подъ власть брахманства, были наиболѣе торжественные жертвоприношенія, а именно жертвоприношеніе сомою, которое такъ прославлено въ Ригъ-ведѣ. Завоеванія свои брахманы распространяли захватывая въ свои руки прежде всего руководительство въ подобныхъ торжествахъ. Изъ случаевъ частной жизни отдалѣнаго человѣка, какъ кажется, прежде всего стали соединяться съ жертвоприношеніемъ сомою—свадьба и погребеніе (см. Oldenberg, Sacred Books of the East. vol. XXX introd. стр. X). Такимъ образомъ брахманы уже проникли въ частную жизнь. При дальнѣйшихъ ихъ захватахъ труднѣе всего давалась имъ въ руки повседневная жизнь человѣка. Здѣсь они болѣе всего были связаны преданіями, переходившими по наслѣдству отъ родителей къ дѣтамъ. Бороться съ ними имѣло не подъ силу, и они ограничивались только тѣмъ, что стремились, и иногда съ успѣхомъ, присвоить себѣ то или другое мѣсто въ этомъ домашнемъ ритуалѣ. Въ грихья-сутрахъ мы часто встрѣчаемъ заявленія, что для такого-то обряда долженъ быть приглашеннъ брахманъ, но ему предписывается только слѣдить за правильностью совершеннія обряда и получить за это подарокъ. Въ такихъ случаяхъ совершенно ясно, что мы имѣемъ дѣло съ насильственнымъ захватомъ брахманами того мѣста, которое прежде принадлежало главѣ семьи; это тѣмъ болѣе ясно, что сами брахманы признавали существованіе различій между обычаями различныхъ родовъ, следовательно ихъ руководительство есть только довольно прозрачная придирка къ случаю. Грихья-сутры, обыкновенно предписываютъ угощеніе брахмановъ, смотря по средствамъ домохозяина, послѣ всякаго обряда домашнаго культа (Gobh. I, 1, 6); между тѣмъ мы знаемъ, что большинство домашнихъ обрядовъ совершалъ хозяинъ дома самъ. Такое же вторженіе брахмановъ мы видимъ въ слѣдующемъ предписаніи грихья-сутры, приписываемой ученому *Arastamb'*: «Женихъ долженъ послать иѣсколькоихъ друзей (для сватовства), знающихъ веды», т. е., конечно, брахмановъ. Комментаторы этого правила прибавляютъ, что за неимѣніемъ брахмановъ, можно послать и другихъ друзей—не брахмановъ (см. *Ar.* 4, 1, и Winternitz Das Altindische Hochzeitsrituell S. 21, 39). Вообще для насъ огромную важ-

ность имѣютъ такія уступки, какъ напримѣръ только что упомянутая. Какое значеніе имѣть въ такомъ случаѣ предписаніе сутры, если разрѣшается въ концѣ концовъ поступать, какъ хочешь? Это опять таки одинъ изъ обыкновенныхъ пріемовъ брать подъ свое покровительство совершеніе обряда. И такъ во всемъ: на все брахманъ хочетъ наложить свою руку. Но домашній ритуалъ оказывается имъ довольно сильное сопротивленіе именно въ силу своего частнаго характера, въ силу того, что этотъ ритуалъ былъ неразрывно связанный съ преданіями даннаго рода, куда брахманъ не могъ ворваться уже потому, что онъ не принадлежалъ къ этому роду. Поэтому здѣсь онъ ограничивался только ролью ассистента и старался по мѣрѣ силъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ урвать свою долю. Къ такимъ неразрывно съ родомъ связаннымъ обрядамъ домашнаго культа относилось и почитаніе предковъ. Брахманъ не могъ совершать этихъ обрядовъ, потому что не принадлежалъ къ роду, не былъ потомкомъ тѣхъ лицъ, кому приносилась жертва; но, не будучи потомкомъ, онъ ухитрился изображать самихъ предковъ. Между обрядами культа предковъ мы находимъ обрядъ, называемый *eraddha*, въ которомъ предкамъ приносить въ жертву пищу; но здѣсь въ качествѣ предковъ фигурируютъ брахманы, которые и съѣдаются приносимую пищу. Слѣдовательно, и здѣсь брахманъ появляется въ видѣ позднѣйшаго украшенія обряда. Ольденбергъ въ уже цитированномъ выше введеніи къ своему переводу грихья-сутръ (стр. XXI) предполагаетъ, что многіе обряды, изложенные въ грихья-сутрахъ, были, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, первоначально совершаемы только въ томъ случаѣ, если совершающій ихъ надѣялся такимъ путемъ достичь какихъ нибудь особыхъ преимуществъ. Предположеніе это очень вѣроятно для нѣкоторыхъ обрядовъ. Въ грихья-сутрахъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ отдылы, гдѣ говорится о жертвахъ, соединенныхъ съ особыми желаніями, и эти жертвы легче всего было взять подъ свое покровительство брахманамъ. Въ виду всего того, что было раньше сказано о дѣятельности брахмановъ, мнѣ кажется, что мнѣніе Ольденberга нужно измѣнить слѣдующимъ образомъ: не совершающій жертву надѣялся получить особыхъ выгоды отъ даннаго способа принесенія жертвы, а брахманы распространяли ту мысль, что они знаютъ особенно благодѣтельные способы принесенія жертвы. Очень вѣроятно, что именно такимъ путемъ удалось брахманамъ отвоевать нѣкоторыя области домашнаго культа.

И такъ при разборѣ данныхъ, добытыхъ изъ грихья-сутръ, мы всегда должны отдавать позднѣйшее—брахманское отъ старого, перешедшаго по преданію. Конечно самое брахманство, его раздробленіе на разнообразныя школы и взаимное отношеніе школъ между собою—все это можетъ составлять.

предметъ изслѣдованія, но для изслѣдованія индоевропейской бытовой культуры вопросы эти интересны постольку, поскольку они научаются его отдѣлять старое отъ новаго, т. е. раскрываютъ древнійшую доступную намъ исторію обряда на индійской почвѣ. Такимъ образомъ для такого изслѣдователя наиболѣе цѣнными оказываются именно тѣ памятники, где старое сохраняется въ наибольшей чистотѣ и где его легче всего отдѣлить отъ новаго. Мы видѣли, что грихья-сутры и въ томъ и въ другомъ отношеніи представляютъ большія преимущества передъ другими памятниками. Относительно того, что они сохранили въ себѣ очень древнія преданія, мы имѣемъ, какъ мнѣ кажется, даже прямое указаніе. Грихья-сутра *Prastash'ы* въ одномъ мѣстѣ говорить: «обычаямъ нужно научиться отъ женщинъ» (Ar. 2,15). (Здѣсь говорится специально о свадебныхъ обычаяхъ; но то же примѣнено и ко многимъ другимъ отдѣламъ грихья-сутръ). Понимать это нужно въ томъ смыслѣ, что тѣ обычай, для которыхъ нѣтъ особыхъ предписаній въ сутрахъ, остаются въ полномъ распоряженіи самихъ совершающихъ обрядъ. Главными же носителями преданій являются женщины, и потому брахманъ совсѣмъ учится обычаямъ у нихъ. Но несомнѣнно, что и сами брахманы, предписывавшіе извѣстные обряды, учились имъ у женщинъ: иначе они не давали бы такой рекомендаци. И въ этомъ я вижу несомнѣнное доказательство того, что брахманство сохранило домашніе обряды въ наибольшей чистотѣ: оно само признало здѣсь своимъ источникомъ преданіе.

Теперь мы перейдемъ къ вопросу, какой именно фактическій материалъ даютъ грихья-сутры. Для этого намъ нужно сдѣлать краткій обзоръ ихъ содержанія. Грихья-сутры дошли до насъ въ различныхъ редакціяхъ, принадлежащихъ различнымъ брахманскимъ школамъ. Но не смотря на это ихъ содержаніе во всѣхъ редакціяхъ одно и тоже. Конечно существуетъ различіе въ большей или меньшей подробности описанія обрядовъ, въ тѣхъ или другихъ мелочахъ, которые быть можетъ основывались на разнообразнѣ мѣстныхъ обычаяхъ, наконецъ главнымъ образомъ въ порядкѣ распределенія материала. Но все это нисколько не нарушаетъ тождественности ихъ содержанія, обусловленной главнымъ образомъ всеобщимъ распространеніемъ однихъ и тѣхъ же обычаяхъ. Даже порядокъ изложенія, при многочисленныхъ отклоненіяхъ, остается всегда въ существѣ тѣмъ же: обыкновенно описываются обряды въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны располагаться въ жизни самостоятельнаго домохозяина. Разница заключается только въ томъ, что одна редакція принимаетъ одну, другая другую исходную точку въ жизни человѣка. Такъ одни сутры начинаютъ изложеніе со свадьбы, другія—со времени обучения мальчика. Въ зависимости отъ этого части переставляются конечно, но по-

рядокъ ихъ въ сущности не нарушается. Для того чтобы дать представление о содержаниі грихья-сутръ, разсмотримъ подробнѣе содержаніе одной изъ нихъ, именно приписываемой брахману Gobhila и принадлежавшей къ школѣ Шаша-веды.

Сутра начинается съ самыхъ общихъ опредѣленій о томъ, когда можно совершать домашніе обряды, т. е. какие дни и мѣсяцы считаются благопріятными для этого, какъ долженъ держать себя совершающій обрядъ. Всякій домашній обрядъ соединенъ съ опредѣленнымъ даромъ брахманамъ и за нимъ слѣдуетъ угощеніе брахмановъ. Такъ какъ всѣ домашніе обряды соединены съ жертвой, для которой необходимъ домашній огонь, то за этими общими предписаніями слѣдуетъ описание обряда разложенія огня. Его разводить человѣкъ, окончившій ученіе, когда онъ собирается вступить въ бракъ. На этомъ домашнемъ огнѣ совершаютъ домохозяинъ свои ежедневныя утренія и вечернія жертвы. Жертвы эти состоятъ въ приношеніи приготовленной или не приготовленной пищи въ даръ вечеромъ—огни, а утромъ—солнцу. Ихъ могла совершать и жена домохозяина. Послѣ принесенія этихъ жертвъ, жена говорить, что юда готова, и домохозяинъ молча совершаетъ приношенія различнымъ назішимъ божествамъ, которымъ предписывается давать часть отъ всякой пищи, даже специально приготовленной для приношенія предкамъ. Далѣе къ такимъ же постояннымъ жертвоприношеніямъ относятся и совершаемыя въ дни новолуния и полнолуния. Въ самый день новолуния и полнолуния хозяинъ и его жена должны поститься: иначе ихъ жертва не достигнетъ цѣли, они не будутъ любезны людямъ, и ихъ потомство будетъ становиться все хуже и хуже. Слѣдующую ночь они должны провести на голой землѣ цѣломудренно и не спать все время, а частью спать, частью проводить время въ чтеніи благочестивыхъ разсказовъ. Затѣмъ послѣ обычной утренней жертвы, но до полудня, приносится торжественная жертва, для которой приглашаются брахманы. Жертва приготавливается изъ растопленного масла, сесамового масла, кислого молока и сладкаго молока или каші изъ зеренъ съ медомъ. Жертва приносится съ особою обстоятельностью и повторяется отъ двухъ до пяти разъ. То, что остается отъ жертвы, хозяинъ отдаетъ брахману. Про эту жертву говорятъ: «я буду доволенъ такъ, какъ будуть довольны брахманы», и потому хозяинъ долженъ стараться хорошимъ угощеніемъ привлечь на свою сторону брахмановъ (Gobh. I, 9, 3 5). Кромѣ того за это жертвоприношеніе брахману полагается полная мѣра приготовленной или неприготовленной пищи. Можно давать и больше, напр. иѣкій Судасъ сынъ Пиджаваны далъ сто тысячъ мѣръ. Въ случаѣ, если хозяинъ не можетъ достать жертвоприношенню пищи или необходимоаго для жертвы брахмана, онъ можетъ совершить жертву и позд-

ибо, хотя бы листьями травъ и деревьевъ, пригодныхъ для жертвы, а въ крайнемъ случаѣ даже одною водой.

Таковы постоянныя наиболѣе частныя жертвы, приносимыя самостоятельнымъ хозяиномъ. Затѣмъ описывается свадьба. Подходящую невѣсту выбираетъ человѣкъ, знающій это дѣло, по известнымъ признакамъ; если же вопросъ не ясенъ, то она выбирается по жребію. Потомъ невѣсту ея близкій родственникъ моетъ, произнося соотвѣтствующія слова. Затѣмъ передъ домомъ на расчищенномъ мѣстѣ ставятъ домашній огонь. Невѣсту одѣваютъ въ новое платье, и тогда женихъ беретъ ёё за руки. Потомъ невѣста зернами совершаеть жертвоприношеніе въ огнѣ, и женихъ обводить невѣсту вокругъ огня. Жертва и хожденіе вокругъ огня повторяются три раза. Послѣ этого невѣсту ведутъ къ дому почтеннаго брахмана. Тамъ ёё сажаютъ на разостланную красную воловью шкуру. Невѣста, сидя на ней, дожидается появленія звѣздъ. Женихъ приносить шестикратную жертву масломъ и показываетъ невѣстѣ (уже поднявшейся съ воловьей шкуры) полярную звѣзду, которая должна давать невѣстѣ своею неподвижностью примѣръ постоянства. Три дня послѣ этого женихъ и невѣста должны спать вмѣстѣ на землѣ, соблюдая цѣломудріе, и не єсть ничего соленаго. Возвращеніе брачной пары домой сопровождается тоже особыми обрядами, при чмъ предусмотрѣны даже такіе мелкіе случаи, какъ поломка оси. Когда они возвращаются домой, то благочестивыя, имѣющія дѣтей, жены брахмановъ встрѣчаютъ молодую, сажаютъ ёё на воловью шкуру и даютъ ей на колѣна мальчика, держащаго цвѣтокъ лотоса. Послѣ того молодой приносить восьмикратную жертву масломъ, и молодая торжественно кланяется наиболѣе почетнымъ родственникамъ жениха.

Свадебные обряды индусовъ уже не разъ служили предметомъ изслѣдованія. Хаазъ, Веберъ, Винтерницъ и Шрёдеръ указывали на параллели въ обычаяхъ другихъ индоевропейскихъ народовъ. Повидимому нѣкоторые изъ описанныхъ обрядовъ восходятъ къ индоевропейской старинѣ. Таковы, по мнѣнію Винтерница, нѣкоторыя подробности сватовства, бана невѣсты, обычай брать невѣсту за руку, обведеніе ея вокругъ огня, сидѣніе ея на шкурѣ, забрасываніе зернами (о которомъ наша сутра не упоминаетъ), наконецъ, быть можетъ и обычай давать на руки невѣстѣ мальчика. Но вообще эти результаты нельзя считать вполнѣ достаточными: требуется еще обслѣдовать вопросъ о связи всѣхъ этихъ обычаевъ между собою, дабы выяснить ихъ генезисъ. Послѣ такого изслѣдованія, можно надѣяться число подобныхъ праиндоевропейскихъ обычаевъ значительно увеличится, и тогда быть можетъ разъяснится и связь отдельныхъ церемоній и первоначальная основа всего свадебнаго ритуала.

Далѣе сутра описываетъ обряды, совершаемые во время беременности жены домохозяина. На третью мѣсяцѣ беременности совершается обрядъ, которому приписывается такая сила, что послѣ его совершения долженъ родиться непремѣнно мальчикъ. Для этого обряда въ сутрѣ дается даже два рецепта, отражающіе вѣроятно какіе-нибудь мѣстныя различія въ обрядахъ. Понятна важность этого обряда, если припомнить, что пріобрѣтеніе сына поставляется даже въ обязанность каждому индуису. На четвертомъ, шестомъ или восьмомъ мѣсяцѣ беременности совершается обрядъ расчесыванія пробора; отзвукъ того же обычая быть можетъ сохранился въ распространеннѣи у насъ обычай расчесывать молодухѣ волосы на двѣ косы. Затѣмъ слѣдуютъ обряды, сопровождающіе рожденіе сына. Ему дается два имени, одно во время его появленія на свѣтѣ: это имя остается никому неизвѣстнымъ, кромѣ родителей, а другое дается на десятый или сотый день или же черезъ годъ послѣ рожденія. Все это сопровождается жертвами въ честь соответствующихъ божествъ. На третью году жизни мальчика совершается обрядъ стрижки волосъ, для которого приглашается цирульникъ съ бритвою. Волосы обстригаются по обычью данного рода и семьи; потомъ обстриженные волосы кладутъ на коровій навозъ и зарываютъ въ землю. Слѣдующее важное событие въ жизни мальчика это отдача его въ обученіе брахману. Для мальчика изъ касты брахмановъ обученіе начинается съ восьмого года послѣ зачатія, для касты воиновъ—съ одиннадцатаго, а для касты мѣщанъ—съ двѣнадцатаго. Мальчику тщательно обстригаютъ голову, одѣваютъ въ новые одежды. Брахманъ, его будущій учитель, даетъ своему ученику новое имя, беретъ его за руку и даетъ ему краткія наставленія объ его будущихъ обязанностяхъ. Ученика опоясываютъ поясомъ и даютъ ему деревянную палку. Онъ просить милостыни у своей матери и подругъ и осталѣную часть дня проводить стоя и въ молчаніи. Съ этого обряда начинается периодъ обученія. На шестнадцатомъ году совершается обрядъ бритья бороды совершенно такъ же, какъ и обрядъ стрижки волосъ. Обученіе бываетъ очень различно, смотря по желанію и положенію обучающагося. Оно можетъ длиться отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ. По окончаніи этого срока ученикъ приносить почетный даръ своему учителю, выбираетъ съ его разрѣшенія себѣ будущую жену и тогда приступаетъ къ обряду, заканчивающему обученіе. Съ особенной торжественностью онъ развязываетъ поясъ, угощаетъ брахмановъ, ему стригутъ волосы на головѣ и на тѣлѣ, брѣютъ бороду, обрѣзаютъ ногти, и тогда онъ купается; поэтому человѣкъ, окончившій обученіе, называется «выкупавшійся»—snataka. Такому человѣку предписывается солидное поведеніе: онъ не долженъ бѣгать, даже если дождь идетъ; не долженъ лгать, смотрѣть въ колодезь, юсть разо-

грѣтую пищу и т. под. мелочи. Этимъ собственно и заканчивается жизнен-
ный кругъ индуа: мы опять приходимъ къ свадѣбѣ, о которой было гово-
рено выше. Но остаются еще некоторые очень важные обряды, не имѣющіе
такого постояннаго характера и не такъ тѣсно связанные съ жизнью домо-
хозяина. Тутъ идуть и различныя предписанія въ родѣ того, какъ достиг-
нуть благополучія въ коровьемъ хозяйствѣ, какую жертву нужно приносить,
если занимаешь деньги, различныя жертвы въ случаяхъ особенныхъ желаній,
выборъ мѣста для постройки дома и самая постройка его, приемъ почетнаго
гостя, жертвы при посѣѣ и жатвѣ. Но тутъ же излагаются и особы жер-
твы въ различные мѣсяцы года, приносимыя различнымъ божествамъ, между
которыми особенно важны приношенія душамъ предковъ.

Таково содержаніе грихья-сутръ. Уже изъ этого бѣглого обзора его
видно, какой богатый фактическій матеріалъ даютъ они. Кроме того нужно
указать еще и на то, что они даютъ много свѣдѣній и о материальной об-
становкѣ индусовъ, чего конечно при пересказѣ содержанія нельзя было пе-
редать.

Итакъ наши выводы слѣдующіе: Богатыя фактическія данныя бытовой
жизни древнихъ индусовъ сохранились въ грихья-сутра въ наибольшей полнотѣ
и неприкословенности. Вліяніе брахманства не могло затемнить первоначальнаго
значенія домашнихъ обрядовъ, и потому изслѣдователю сутръ сравнительно
легче отѣлить старое отъ новаго и такимъ образомъ достичь возможнаго
выясненія исторіи обрядовъ и ихъ первоначальнаго смысла. Къ сожалѣнію,
почти все работы европейскихъ санскритистовъ имѣютъ характеръ только пе-
ресказа содержанія сутръ и индійскихъ комментаріевъ къ нимъ, и удѣляютъ
слишкомъ мало мѣста изслѣдованію исторіи обрядовъ. Минѣ кажется, что только
этимъ путемъ, привлекая конечно и данные этнологіи, мы можемъ надѣяться
на выясненіе индоевропейской основы обрядовъ и ихъ значенія, которое часто
уже не ясно самимъ совершающимъ эти обряды.

Д. Кудрявскій.

Декабрь, 1895 года.

Великорусскія фамиліи и ихъ происхож- деніе.

Историко-этнографический очеркъ.

Вопросъ о происхожденіи великорусскихъ фамилій до сихъ поръ еще не былъ затронутъ никѣмъ изъ нашихъ изслѣдователей, не смотря на то, что вопросъ этотъ въ историческомъ отношеніи представляетъ весьма значительный интересъ.

Въ силу этого мы и считаемъ нелишнимъ съ своей стороны высказать здѣсь нѣсколько соображеній относительно происхожденія и характера нашихъ великорусскихъ фамилій.

Фамилія, какъ показываетъ это уже и самое значеніе этого слова (*familia*—семейство, фамилія, родъ) есть ничто иное, какъ прозвище цѣлаго рода, передающееся отъ родоначальника къ его потомкамъ. За неимѣніемъ подъ рукою достаточно историческихъ данныхъ мы не можемъ съ точностью опредѣлить, когда появился на Руси обычай называть человѣка кромѣ его личнаго имени или прозвища еще родовыемъ прозвищемъ или фамиліей. Во всякомъ случаѣ въ XII вѣкѣ обычая этого, повидимому, еще не было. Лѣтописи, упоминая о различныхъ русскихъ князьяхъ, называютъ этихъ князей только по имени и отчеству, для отличія же ихъ другъ отъ друга упоминаютъ не рѣдко обѣ имени дѣда даннаго князя или о мѣстѣ его княженія. «Въ лѣто 6693 Святославичъ Игорь, внукъ Олговъ, пойха изъ Новагорода, мѣсяца априла въ 23 день» ¹⁾), читаемъ мы въ лѣтописномъ сказаніи о «полку Игоревѣ».

Обычай присоединять къ личному имени или прозвищу извѣстнаго человѣка еще и родовое его прозвище, какъ намъ кажется, стоитъ въ тѣсной связи съ существовавшимъ на Руси обычаемъ именовать лицо двумя именами, языческимъ и христіанскимъ вмѣстѣ. Въ древней Руси обычай этотъ почти не встрѣчается: народное или языческое имя стоять постоянно отдельно ²⁾.

¹⁾ Полное собрание русскихъ лѣтописей, т. II, 129—134 стр.

²⁾ «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинкахъ» А. И. Соболевскаго, «Живая Старина», 1890 г., вып. II, стр. 99.

Съ X^{VI} в. князья и бояре начинаютъ именоваться двумя именами, христіанскими и языческими вмѣстѣ; эти языческія имена и переходить затѣмъ въ фамиліи (Даниилъ Щеня — Щенятыи и т. д.), какъ мы увидимъ ниже.

Съ X^{VI} в. употребленіе фамилій между высшими классами общества уже широко распространено; мы говоримъ: «между высшими», такъ какъ низшіе классы и даже средніе до самыхъ позднѣйшихъ временъ фамилій почти никогда не употребляли, а если и употребляли, то очень рѣдко, называясь въ дѣловыхъ бумагахъ только по имени, рѣже по имени и отчеству ¹⁾). Даже и въ настоящее время среди крестьянъ нерѣдко можно встрѣтить не имѣющихъ фамилій, а подписывающихся въ дѣловыхъ бумагахъ и письменныхъ сношеніяхъ только именемъ и отчествомъ. Послѣднєе нерѣдко переходитъ затѣмъ въ фамиліи: Павелъ Ивановъ, Петръ Михайловъ. Въ средѣ духовенства до половины нынѣшняго столѣтія было въ обычай писаться только однимъ именемъ безъ отчества напр., попъ Михаилъ, іерей Василій, старецъ Евфремъ, а до второй половины X^{VII} в. иногда и уменьшительнымъ: пономарь Матвѣйко, попъ Иванко и т. д. (преимущественно въ членобитныхъ и т. п. просительныхъ бумагахъ) ²⁾). Нѣмѣніе духовенствомъ фамилій и послужило по-водомъ къ обычаямъ каждому мальчику, поступающему въ духовное училище или семинарію, давать вновь фамилію, обычая существовавшему до половины текущаго столѣтія и въ настоящее время искоренившемуся вполнѣ, вслѣдствіе законодательныхъ распоряженій. Все великорусское духовенство въ послѣднєе время имѣть свои фамиліи, переходящія затѣмъ, согласно закону, въ родъ — отъ отца къ сыну.

Фамиліи среди служилого сословія, точно также, какъ и фамиліи среди «высшихъ классовъ», т. е. бояръ, дворянъ и имевитыхъ купцовъ встрѣчаются еще въ X^{VII} в.: «Андрей Челинъ, Иванъ Пѣнкинъ, дьякъ Анисимъ Невѣжинъ, подьячій Александръ Ершовъ» ³⁾, читаемъ мы въ скрѣпахъ официальныхъ бумагъ X^{VII} столѣтія.

За послѣднєе время, благодаря существующимъ узаконеніямъ, вслѣдствіе развитія грамотности въ народѣ, вслѣдствіе всесословной воинской повинности, а также вслѣдствіе развитія въ народѣ письменныхъ дѣловыхъ сношеній, число «безфамильныхъ» даже среди крестьянъ все болѣе и болѣе уменьшается. Прой-

¹⁾ Обычай называть лица низшихъ сословій въ дѣловыхъ бумагахъ только однимъ именемъ исчезаетъ уже во второй половинѣ X^{VIII} вѣка, какъ это видно изъ письменныхъ книгъ и т. п. документовъ этого времени.

²⁾ Обычай этотъ исчезаетъ во второй половинѣ X^{VII} в.

³⁾ Грамота преосвященнаго Юны митрополита Ростовскаго, Исааковой пустыни. Грамота царя Алексея Михайловича 7171 г. и др. «Пошечонская Исаакова пустынь, Ярославской епархіи, Ярославль 1877.

деть еще несколько десятковъ лѣтъ и лицо, не имѣющее фамиліи, будетъ рѣдкостью.

Такова въ общихъ чертахъ исторія великорусскихъ фамилій, какъ прозвищъ.

Относительно происхожденія этихъ фамилій можно привести слѣдующія соображенія:

1. Нѣкоторыя великорусскія фамиліи происходятъ отъ мѣста жительства родоначальника означеній фамиліи. Дѣдъ пишущаго настоящіе строки по мѣсту своего рожденія с. Семеновскаго, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи носилъ фамилію Семеновскій. Въ настоящее время намъ извѣстенъ одинъ о. діаконъ Пошехонскаго уѣзда, не имѣвшій ранѣе фамиліи и принявшиій затѣмъ фамилію Георгіевскій, по мѣсту своего рожденія (с. Егорій въ Яловцѣ или Давыдовское что въ Яловцѣ). Такимъ образомъ можетъ быть объяснено происхожденіе фамилій: Шуйскій, Ростовскій, Бѣлосельскій, Черкасскій, Пошехоновъ, Ярославскій, Давыдовскій, Патраболовъ (Патраболь с. въ Пош. у., Ярославской губерніи), Волоцкой, Туношенскій (с. Туношина, Ярославской губ.) и т. д. ¹⁾). Нѣкоторые изъ такихъ фамилій представляютъ изъ себя видоизмененное наименованіе городовъ, сель и деревень, служившихъ мѣстомъ рожденія родоначальниковъ означенныхъ фамилій или мѣстомъ ихъ жительства, таковы напр. фамиліи, упомянутыя нами выше. Другія фамиліи произошли отъ наименованія различныхъ областей, земель и т. д. откуда вышли родоначальники этихъ фамилій, таковы напр. фамиліи Волынскихъ, Ухтомскихъ, Ордынскихъ и т. д. Къ слову нѣлишнимъ считаемъ замѣтить, что не всегда подобного рода фамиліи указываются на мѣсто рожденія или жительства родоначальника фамиліи: нерѣдко они указываютъ только на то, что родоначальникъ этотъ вѣдѣлъ только извѣстными селомъ, городомъ или деревней, давшей затѣмъ ему фамилію.

2. Множество фамилій произошло также отъ отчества, имени или прозвища одного изъ родоначальниковъ извѣстной фамиліи. Таковы общераспространенные фамиліи Андреевыхъ, Андроновыхъ, Антоновыхъ, Арсеньевыхъ, Аѳанасьевыхъ, Александровыхъ, Борисовыхъ, Максимовыхъ, Николаевыхъ и т. д. Превращеніе отчества родоначальника въ фамилію рода намъ приходилось наблюдать и въ недавнее время нѣсколько разъ среди нашего купечества, духовенства, а также среди крестьянъ и мѣщанъ. Въ с. Давыдов-

¹⁾ Мы беремъ для примѣра фамиліи только дѣйствительно существующія, но отнюдь не вымышленныя. Фамиліи мы беремъ изъ адресъ-календарей, газетъ, списковъ гласныхъ, присяжныхъ засѣдателей и т. п. источниковъ, очень, приблизимъ, немногочисленныхъ.

скомъ въ Яловцѣ, Пощеконскаго уѣзда, Ярославской губ. намъ извѣстенъ безфамильный крестьянинъ, принялъ на себя ио своему отчеству фамилию Евгеньевъ, дѣти и внуки этого крестьянина носятъ въ настоящее время уже фамилию Евгеньевыхъ. Въ г. Пощеконъѣ купецъ Григорій Федоровичъ положилъ начало фамилии Федоровыхъ, крестьянинъ д. Ежова, Давыдовской волости, Федоръ Васильевъ положилъ начало фамилии Васильевыхъ. Такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество.

Безъ сомнѣнія весьма многія изъ нашихъ старинныхъ фамилій получили свое начало подобнымъ же образомъ отъ отчества родоначальника извѣстной фамиліи.

Такъ какъ въ общежитіи очень часто встречались лица, имѣвшія одинаковое имя, то для отличія ихъ другъ отъ друга въ житейскихъ и официальныхъ документахъ, какъ мы уже видѣли и выше ¹⁾, стало необходимъ упоминать обѣ имени отца или даже дѣда данныхъ лицъ. «Михайло Губа Микулинъ сынъ, Иванъ Жиха Власьевъ сынъ, Гурей Малюта Фоминъ сынъ, Кошкинъ; Шарапъ Васильевъ сынъ», читаемъ мы въ актахъ Федотова-Чеховскаго ²⁾.

Какъ въ нынѣшнее время, такъ и въ старину имя отца родоначальника могло переходить въ прозвища, а затѣмъ и въ фамилію. Михайло Микулинъ сынъ могъ называться просто Михайло Микулинъ ³⁾ и это отчество Микулинъ въ качествѣ прозвища переходило уже затѣмъ на дѣтей этого Михайлы. Такимъ образомъ возникла фамилія Микулинъ. Такъ какъ въ XVI—XVII вв. было въ обычай у высшихъ классовъ писать свое отчество на «вичъ», то неудивительно и происхожденіе великорусскихъ фамилій съ подобнымъ окончаніемъ. Такія фамиліи въ Великоруссіи встречаются впрочемъ довольно рѣдко, за то въ юго-западной Россіи они обычное явленіе ⁴⁾. При этомъ, съ своей стороны мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что съ теченіемъ времени въ нашемъ дѣлопроизводствѣ официальномъ прежнее прибавленіе къ имени лица «сынъ такой то» стало относиться уже не къ отчеству этого лица, а къ его фамиліи. «Сказка обѣ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ», «Иванъ Васильевъ, сынъ Квасоваровъ» ⁵⁾, «Петръ Федоровъ, сынъ Масловъ».

¹⁾ Полное собрание русскихъ хѣтописей, т. II, 129—134 стр.

²⁾ Акты Федотова-Чеховскаго, I, 70 и далѣе.

³⁾ Въ обыденной жизни у крестьянъ отчество и употребляется, какъ родовое прозвище: «Вавиличи», называютъ обыкновенно дѣтей Вавилы. Жена носить прозвище по имени мужа: Степаниха, Вавилича (жена Степана, Вавилы) или же по его фамиліи Шалаиха (Шалаева), Громиха (Громова).

⁴⁾ Таковы напр. фамиліи Мамонычей и вѣк. другія.

⁵⁾ «Житіе и страданіе преподобномуученика Адріана игумена Пощеконскаго»,

Очень многія изъ великорусскихъ фамилій произошли и отъ языческихъ, нехристіанскихъ именъ, носимыхъ въ старину родоначальниками этихъ фамилій, или же отъ прозвищъ этихъ родоначальниковъ.

Относительно нехристіанскихъ именъ, употреблявшихся въ Россіи, мы считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее:

Въ первое время послѣ принятия на Руси христіанства языческія имена вполнѣ замѣняли собою христіанскія, отодвигая послѣднія на задній планъ. Такъ намъ извѣстенъ Чеголь (щеголь) — писецъ словъ Григорія Богослова въ XI в., Воронъ — писецъ житія Саввы Освященаго XIII—XIV в. Документы XV—XVII в., особенно московскіе имѣютъ подобныя имена въ большомъ количествѣ. Въ нихъ упоминаются Баринъ Филиповъ, Горностай Гавриловичъ, Заяцъ Захарьинъ, Овца Владимировъ, Шаукъ Ивановъ, Волкъ Курицынъ. XVI и XVII вв. были у насъ временемъ сильнаго распространенія этихъ именъ. Въ это время языческія имена стали употребляться наряду съ христіанскими и принимать нерѣдко характеръ прозвищъ. Въ прошломъ вѣкѣ нехристіанскія имена встрѣчаются уже довольно рѣдко, хотя и въ текущемъ столѣтіи встрѣчались и встрѣчаются среди нашего народа имена языческія (укажемъ напр. на такія имена, какъ Любимъ, Гордѣй, Маргарита и т. п.).

Съ полнѣйшко вѣроятностю можно предположить, что значительная часть языческихъ, некалендарныхъ именъ въ XV—XVI в. давалась какъ прозвище ребенку при самомъ его рождѣніи, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, бывшихъ при его рождѣніи. Такъ какъ обстоятельства при рождѣніи ребенка бываютъ довольно ординарны, то и языческія имена этого разряда наиболѣе употребительныя имена. Таковы имена: Баженъ (желанный), Жданъ (жданный), Нежданъ (незданный), Нечай (нечаянныи), Первый, Второй, Третьякъ, Четвертый, Шатый, Шестой (очевидно, который ребенокъ въ семье), Меньшой, Суббота и т. п. Сопровождалось ли нареченіе этого имени-прозвища ребенку какими-нибудь обрядами или же нѣтъ, мы не можемъ до сихъ поръ сказать по этому поводу ничего положительнаго.

Нѣкоторыя нехристіанскія имена могли даваться ребенку уже послѣ его рождѣнія, а иногда и взрослому человѣку. Имена эти обозначаютъ характеръ или занятія человѣка или тому подобныя обстоятельства. Таковы имена Безсонъ, Молчанъ, Утѣшъ, Быкъ и др. въ этомъ родѣ. Всѣ эти имена-про-

Яросл., 1877 г. Это произошло отъ безграмотной постановки знаковъ препинанія. Первоначально писалось: «Иванъ Васильевъ сынъ, Квасоваровъ», затѣмъ: «Иванъ Васильевъ сынъ Квасоваровъ», а потомъ уже: «Иванъ Васильевъ, сынъ Квасоваровъ».

звища, если были мѣтки, не только удерживались за человѣкомъ, но даже и совершенно замѣнили его христіанское имя. Въ нашихъ деревняхъ и глу-хихъ уѣздныхъ городахъ встрѣчаются и нынѣ лица, извѣстныя подъ именемъ Мокрицы, Клипариса, Моржухи, Махалы и т. п. Иногда бываетъ, что весь уѣздный городъ знаетъ какого нибудь Махалу, но христіанское его имя иногда знаютъ въ городѣ не болѣе двухъ трехъ человѣкъ. Точно то же самое, конечно только въ большемъ размѣрѣ, могло быть и въ прежнее время. Такія прозвища въ то время попадали даже и въ офиціальные документы: формы старинаго дѣлопроизводства не соответствовали нынѣшнимъ по своей строгости и точности. Въ старинныхъ писцовыхъ книгахъ можно встрѣтить иногда сполна имя, отчество и прозвище лица, иногда только прозвище, а иногда наконецъ только имя лица.

Очень можетъ быть, что многія некалендарныя имена могли даваться въ XVI—XVIII в. вмѣсто христіанскихъ именъ самими священниками по нерѣ-жеству этихъ священниковъ. Припомнимъ, что даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія понадобились неоднократные указы Св. Синода о томъ, чтобы при-ходскіе священники давали имена дѣтямъ только тѣ, какія находятся въ святцахъ. Доселѣ напр. довольно распространено имя Маргариты, имя нека-лендарное, несуществующее въ церковныхъ святцахъ. Очевидно, что нареченіе священниками языческихъ именъ вмѣсто христіанскихъ въ прежнее время было явленіемъ довольно обычнымъ.

Такъ какъ употребленіе некалендарныхъ именъ въ прежнее время было весьма распространено, то неудивительно, что многія изъ такихъ некалендар-ныхъ именъ, носимыхъ родоначальниками фамилій, дали затѣмъ начало этимъ фамиліямъ. Можно съ полной увѣренностию сказать, что половина извѣст-ныхъ намъ некалендарныхъ именъ XVI—XVII в. легла въ основу различ-ныхъ великорусскихъ фамилій.

Для примѣра укажемъ только на извѣстныя намъ языческія имена XVI в., давшія начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ ¹⁾:

Адашъ (Адашевъ), т. е.	Баженъ (Баженовъ),	Безобразъ (Безобра-
сынъ Адаша,	Барсукъ (Барсуковъ),	зовъ),
Алмазъ (Алмазовъ),	Басманъ (Басмановъ),	Бесонъ (Бесоновъ),
Асанъ (Асановъ),	Бахтиаръ (Бахтиаровъ),	Бѣлый (Бѣляевъ),

¹⁾ Имена эти мы выбрали изъ списковъ языческихъ некалендарныхъ именъ въ XVI в., напечатанныхъ въ Энногр. Обозр. за 1893 г. № 1 и 3. Фамиліи, произшедшія отъ этихъ именъ, можно найти въ адресъ-календарѣ Ярославской губ. за 1889 г. Боль-шинство же этихъ фамилій встрѣчается повсемѣстно въ великорусскихъ губерніяхъ.

Багоръ (Багровъ),
Богатырь (Богатыревъ),
Булатъ (Булатовъ),
Булгакъ (Булгаковъ),
Бурнашъ (Бурнашевъ),
Бухара (Бухаринъ),
Безстужъ (Безстужовъ),
Большой (Большовъ),
Будиль (Будиловичъ),
Быкъ (Быковъ),
Веригъ (Веригинъ),
Вешнякъ (Вешняковъ),
Ворошило (Ворошилинъ).
Воинъ (Воиновъ),
Верещагъ (Верещагинъ),
Внукъ (Внуковъ),
Волынецъ (Волынцевъ),
Гвоздь (Гвоздевъ),
Голова (Головинъ),
Горбатый (Горбатовъ),
Горянинъ (Горяниновъ),
Грида (Гридинъ),
Губа (Губинъ),
Гуляй (Гуляевъ),
Гордій (Гордіевъ),
Грязной (Грязновъ),
Добрына (Добрынинъ),
Дорохъ (Дороховъ),
Дроздъ (Дроздовъ),
Дружина (Дружининъ),
Дунай (Дунаевъ),
Душа (Душинъ),
Дѣй (Дѣевъ),
Ежъ (Ежовъ),
Жданъ (Ждановъ),
Жукъ (Жуковъ),
Замятня (Замятнинъ),
Заяцъ (Зайцевъ),

Злоба (Злобинъ),
Зоря (Зоринъ),
Истома (Истоминъ),
Каблукъ (Каблуковъ),
Казаринъ (Казариновъ),
Калина (Калининъ),
Капуста (Капустинъ),
Квашня (Квашнинъ),
Китай (Китаевъ),
Кокорь (Кокоревъ),
Колобъ (Колобовъ),
Курба (Курбатовъ),
Лизунъ (Лизуновъ),
Лопата (Лопатинъ),
Любимъ (Любимовъ),
Лапунъ (Лапуновъ),
Меньшикъ (Меньшиковъ),
Молчанъ (Молчановъ),
Мамонъ (Мамоновъ),
Мансуръ (Мансуровъ),
Масло (Масловъ),
Мизинъ (Мизиновъ),
Мордвинъ (Мордвиновъ),
Мосоль (Мосоловъ),
Надѣй (Надѣйинъ),
Невзоръ (Невзоровъ),
Нежданъ (Неждановъ),
Неклюдъ (Неклюдовъ),
Нечай (Нечаевъ),
Некрасъ (Некрасовъ),
Немиръ (Немировъ),
Обида (Обидинъ),
Одинецъ (Одинцовъ),
Ощера (Ощеринъ),
Образецъ (Образцовъ),
Олтухъ (Алтуховъ),
Онциферъ (Анциферовъ),

Первой (Первовъ),
Первуша (Первушинъ),
Постникъ (Постниковъ),
Пѣшка (Пѣшкинъ),
Ратай (Ратаевъ),
Рудакъ (Рудаковъ).
Русинъ (Русиновъ),
Рычко (Рычковъ),
Ратманъ (Ратмановъ),
Рюмя (Рюминъ),
Саблукъ (Саблуковъ),
Салтанъ (Салтановъ),
Смага (Смагинъ),
Смирной (Смирновъ),
Страхъ (Страховъ),
Субота (Суботинъ),
Севринъ (Севриновъ),
Суворъ (Суворовъ),
Суханъ (Сухановъ),
Сапунъ (Сапуновъ),
Смولا (Смолинъ),
Суморокъ (Сумороковъ),
Сурьянинъ (Сурьяниновъ),
Томило (Томилинъ),
Третьякъ (Третьяковъ),
Тучко (Тучковъ),
Тихоміръ (Тихоміровъ),
Тишина (Тишининъ),
Торопъ (Тороповъ),
Тугаринъ (Тугариновъ),
Уланъ (Улановъ),
Урусь (Урусовъ),
Ушакъ (Ушаковъ),
Фуникъ (Фуниковъ)¹),
Худякъ (Худяковъ),
Чернай (Черняевъ),
Чижъ (Чижовъ),
Шарапъ (Шараповъ),

¹) Фамилия Фуниковыхъ была въ XVI в. «Синодикъ царя Иоанна Васильевича Грознаго», присланной въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Шестакъ (Шестаковъ),
Ширай (Ширайевъ),
Шемяка (Шемякинъ),

Шишко (Шишкінъ),
Юда (Юдинъ),

Ярепъ (Ярцевъ),
Якушъ (Якушкинъ).

Для примѣра мы привели здѣсь только незначительную часть некалендарныхъ именъ, давшихъ начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ. Проф. А. И. Соболевскій въ статьѣ своей «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ Былинахъ» (Жив. Стар. 1890 г. вып. II) указываетъ множество великорусскихъ фамилій, происшедшихъ исключительно только отъ былинныхъ именъ, употреблявшихся въ прежнее время вмѣсто христіанскихъ именъ или наряду съ христіанскими именами. Таковы напр. Чуриловы, Дюковы, Буслаевы и мн. др.

Подобнымъ же образомъ нѣкоторыя великорусскія фамиліи произошли отъ личныхъ прозвищъ; иногда эти прозвища, соединяясь съ фамиліею, образовали двойную фамилію. Такъ напр. намъ известно, что одинъ изъ предковъ Кутузовыхъ носилъ прозвище Голенища; потомки этого Голенища впослѣдствіи и стали носить фамилію Голенищевыхъ-Кутузовыхъ.

Какимъ образомъ давались прозвища въ старину, обѣ этомъ по аналогіи можно заключить, что они давались такъ же, какъ даются эти прозвища и нынѣ. Производя по этому поводу наблюденія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи, мы пришли къ тому выводу, что прозвища, даваемыя простымъ народомъ другъ другу, указываютъ: а) на происхожденіе лица изъ известной мѣстности, какъ напр. Рязанка ¹⁾, Московка и т. п., б) на занятія лица—Кузнецъ, Скориачиха и т. д., в) на наружность, характеръ и нѣкоторыя личныя качества данного лица такъ, напр. Бѣлоусъ, Моржуха, Махала, Багоръ и т. п., г) на любимыя поговорки известнаго лица. Такъ напр. крестьянинъ, употреблявшій часто въ разговорѣ поговорку: «малина въ ротъ», получаетъ прозвище «малина»; другой, имѣвшій обыкновеніе къ дѣлу и не къ дѣлу говорить поговорку «елка-палка», получаетъ прозвище «елка-палка» и т. д. Иногда прозвище дается вслѣдствіе известныхъ происшествій съ даннымъ лицомъ, такъ напр. одинъ крестьянинъ, сдѣлавшій попытку украсть на базарѣ сазана и уличенный на мѣстѣ преступленія въ кражѣ, получилъ въ окружѣ кличку «сазана», которая и осталась за нимъ до самой его смерти. Другой, известный намъ, крестьянинъ подобнымъ же образомъ получилъ кличку Елику.

Многія изъ такихъ прозвищъ на нашихъ глазахъ перешли въ фамиліи,

¹⁾ Лица, носящія приводимыя здѣсь прозвища, известны намъ лично.

такъ напр. изъ прозвища Бѣлоусъ образовалась фамилія Бѣлоусовыхъ (Пош. у. Яр. губ.). Съ полнѣйшою вѣроятностю мы можемъ заключить по аналогіи, что и въ прежнее время очень многія прозвища дали начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ. Это, какъ мы видѣли выше, находитъ себѣ подтвержденіе и въ историческихъ данныхъ.

3. Въ числѣ великорусскихъ фамилій встрѣчается, наконецъ, множество фамилій, произшедшихъ отъ иностранныхъ словъ,—это фамиліи, по преимуществу, великорусского духовенства. Представители этихъ фамилій, оставляя иногда духовное сословіе и переходя въ другія сословія, положили начало дворянскимъ, купеческимъ и мѣщанскимъ фамиліямъ съ иностраннымъ корнемъ.

Выше мы уже говорили, что въ прежнее время наше духовенство даже въ дѣловыхъ бумагахъ никогда не писалось по имени и фамиліи, а всегда только по имени. Неудивительно, что у большинства нашего сельского духовенства даже въ началѣ текущаго столѣтія не было фамиліи ¹⁾). Вследствіе этого и возникло въ великорусскихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ обыкновеніе каждому вновь поступающему въ училище мальчику давать фамилію. Фамилію давалъ мальчикамъ начальникъ учебнаго заведенія, т. е. смотритель или ректоръ, и фамилія эта оставалась за мальчикомъ на всю его жизнь. Такъ какъ обычай этотъ существовалъ среди духовенства до послѣдняго времени, то и въ настоящее время въ средѣ духовенства можно встрѣтить братьевъ, носящихъ различные другъ отъ друга фамиліи или фамилію, отличную отъ фамиліи отца.

Такъ пишущій эти строки носить фамилію Баловъ, тогда какъ дѣдъ его носилъ фамилію Семеновскій. Въ настоящее время въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи намъ извѣстны два родные брата священника: одинъ изъ нихъ носить фамилію Мепенатовъ, другой Минервинъ.

Давая вновь поступающимъ мальчикамъ фамиліи, смотрителя и ректора духовноучебныхъ заведеній обращали свое вниманіе: на то село, откуда происходилъ мальчикъ, или на рѣку, при которой это село стоитъ—отсюда многочисленные Бѣлосельские, Красносельские, Великосельские, Лаостскіе, Обнорскіе и т. д., рѣже обращалось вниманіе на наружные или внутреннія качества ученика (Красавинъ, Бѣловзоровъ, Высоцкій). Иногда давались имена по двана-

¹⁾ Къ вопросу о древнерусскихъ искалендарныхъ именахъ. Этн. Обозр. 1893 г. № 3-й. Этногр. Обозрѣніе 1893 г. № 1-й. Библіографъ 1890 г. №№ 7-й и 8-й. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанск. Университетѣ т. IX в. 1-й

²⁾ Въ дѣловыхъ бумагахъ пятидесятыхъ г.г. многіе священники подписывались просто іерей Василій, іерей Михаилъ.

десятимъ праздникамъ (Рождественскій, Срѣтенскій, Благовѣщенскій, Воскресенскій, Вознесенскій, Успенскій, Воздвиженскій, Введенскій), по днямъ недѣли (Субботинъ, Пятницкій) и т. д. Существуетъ анекдотъ, что одинъ смотритель училища назвалъ семерыхъ, вновь поступившихъ учениковъ, послѣдовательно по днямъ недѣли: Воскресенскій, Понедѣльниковъ и т. д., кончая Субботинъмъ.

Чаще же всего въ данномъ случаѣ брали въ руки латинскую и греческую грамматику. Такъ какъ латинскій языкъ въ тѣ времена въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ изучался гораздо тщательнѣе нежели греческій, то и латинскихъ фамилій въ средѣ великорусскаго духовенства мы встрѣчаемъ гораздо болѣе нежели греческихъ.

Изъ латинскихъ фамилій мы встрѣчаемъ множество фамилій, происшедшіхъ отъ именъ существительныхъ, какъ напр. Агриколанскій, Юонинъ, Вестинъ, Фортунатовъ, Минервинъ, Кустодіевъ, и т. п., отъ именъ прилагательныхъ—Прюровъ, Медіоранскій, Мизеровъ, Лаборіозовъ, отъ глаголовъ—(причастій и пр.) Беневоленскій, Сперанскій, Флоровскій и наконецъ отъ другихъ частей рѣчи.

Изъ фамилій, происходящихъ отъ греческой основы, мо можемъ указать на фамиліи: Сферинъ, Неофитовъ, Неокесарійскій, Митропольскій, Миропольскій, Критировъ, Каллистовъ, Исполатовъ, Аристовъ и т. п.

Иногда фамиліи заимствовались изъ церковнославянскаго языка (Езерскій, Воезерскій), гораздо рѣже они заимствовались изъ новыхъ языковъ, по той простой причинѣ, что новые языки фактически почти не изучались въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ—семинарияхъ и училищахъ. Среди такихъ фамилій можно встрѣтить и такія фамиліи, какъ напр. Грандвильяжскій, объяснить происхожденіе которыхъ не всегда удается и специалисту филологу.

Такимъ образомъ получало еще недавно свои фамиліи почти все великорусское духовенство; очень многія изъ этихъ фамилій, какъ мы сказали выше, встрѣчаются въ настоящее время не только среди духовенства, но и среди другихъ сословій.

Таково происхожденіе большинства великорусскихъ фамилій, имѣющихъ латинскія, греческія и рѣже французскія и нѣмецкія основы.

Не слѣдуетъ забывать и того, что нѣкоторыя русскія фамиліи представляютъ изъ себя въ основѣ своей чисто иностранныя фамиліи, подвергшіяся измѣненію согласно требованіямъ русскаго языка. Такія измѣненія дѣлаются иногда иностранную фамилію почти вполнѣ неузнаваемою. Припомнимъ, какъ изъ

иностранный фамилии Монсъ современники сдѣлали Монсовъ или даже Монцовъ¹⁾.

Такія фамиліи получали свое начало отъ иностранцевъ, переселившихся въ прежнее время въ Россію на постоянное жительство.

Такимъ же образомъ можно объяснить и нахожденіе среди великорусскихъ фамилій несомнѣнно малорусскаго происхожденія: путемъ ассимиляціи фамиліи эти, оканчивающіяся обыкновенно на *о*, пріобрѣтали затѣмъ великорусское окончаніе *овъ*, принимая вполнѣ характеръ великорусскихъ фамилій. Такимъ образомъ изъ малорусскихъ фамилій Хоменко, Угниченко, Кинниченко получились великорусскія: Хоменковъ, Угниченковъ, Кинниченковъ.

Таково происхожденіе большей части великорусскихъ фамилій—прозвищъ. Конечно, многія фамиліи могли происходить и другимъ, можно сказать случайнымъ образомъ (воля высокопоставленного лица, и т. п.), но мы имѣемъ въ виду только общее правило, исключенія же оставимъ въ сторонѣ.

Что касается до формы великорусскихъ фамилій, то давно уже замѣчено, что большая часть этихъ фамилій оканчивается на *овъ* или *евъ*—Барсовъ, Карцевъ и т. д.. гораздо рѣже встрѣчаются окончанія *евъ* и *инъ* и еще рѣже *ой*, *ий* и *ицъ*²⁾.

Двойная фамилія (напр. Мусинъ-Пушкинъ) встрѣчаются не особенно часто, большинство ихъ представляютъ изъ себя фамиліи дворянскія.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы не лишнимъ считаемъ сообщить, что въ предѣлахъ Ярославской губерніи мы встрѣчали нѣсколько лицъ, имѣю-

¹⁾ Такимъ же образомъ, какъ намъ известно, изъ еврейской фамиліи Мовшевичъ, получилась великорусская фамилія Макшевъ (г. Пошечонъ) или изъ польской Далявульскій—Зѣвульскій. Иногда подобная искаженія фамиліи производились и самими владельцами известной фамиліи, которымъ она почемулибо не нравилась. *Лет.*—Срвн. Хомутовъ изъ Гамилтона, по народной этимологіи, какъ въ Петербургѣ Лещиковъ переуложенъ (Лестоковъ), островъ Гоходай (отъ владельца англичанина Нолуда), есть случаи и прямыхъ переводовъ иностранныхъ фамилій: такова новѣйшая дворянская фамилія Болотовыхъ (не имѣющая ничего общаго съ родомъ Болотовыхъ, давшимъ извѣстнаго автора драгоценныхъ мемуаровъ XVIII в.)—отъ франц. эмigr. de la Magée.

Ред.

²⁾ По формѣ своей большинство фамилій—прилагательная относительная, указывающая на принадлежность сына отцу. Такъ какъ отъ очень многихъ личныхъ прозвищъ невозможно произвести именъ прилагательныхъ съ обычными окончаніями на *овъ*, *евъ* и т. д., то отсюда объясняется и происхожденіе фамилій съ нѣсколько странными окончаніями на *ло* и т. п. Такъ напр. Мертваго, т. с. сынъ Мертваго (Мертвый—личное прозвище отца), Долгово, Яшево, Попихъ (старушка по прозвищу «Попиха», сынъ одной изъ нихъ, воспитанный обычными сестрами, носить прозвище Попихъ), Сухово (вм. Сухаго) и т. д. *Лет.* Довольно расѣостранены, именно въ Сибири, и фамилія на ихъ: Островскихъ, Молодыхъ, Окладныхъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ: «Вы чьи хъ будете?»

Ред.

щихъ въ одно и то же время сразу двѣ фамиліи: одну такъ сказать офиціальную, въ дѣловыхъ сношеніяхъ, другую же житейскую, подъ которой и извѣстны эти лица въ обществѣ. Такъ напр. Семеновъ и Шибневъ, Золотовъ и Копотиловъ, Сѣдельниковъ и Штыкинъ и др. Большинство извѣстныхъ намъ лицъ, имѣющихъ по двѣ фамиліи, принадлежитъ къ купеческому или мѣщанскому сословіямъ.

Вторая изъ этихъ фамилій обыкновенно есть ничто иное, какъ личное прозвище, данное иногда самому лицу, обладающему двумя фамиліями, а иногда его отцу или даже дѣду.

A. Баловъ.

Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи.

Въ нашей периодической печати очень часто высказывается желаніе поближе познакомиться съ народными лѣкарами и, съ такъ называемыми, народными средствами лѣчения, а иногда высказывалось даже мнѣніе, что эти лѣкарственные народные средства гораздо даже лучше и дѣйствительнѣе, чѣмъ тѣ, которыя предлагаются врачами. Въ публикѣ же, какъ мнѣ известно, подобное мнѣніе о народныхъ средствахъ лѣченія держится очень давно и, кажется, очень крѣпко. Служа девятый годъ земскими пунктовыми врачами, я не разъ могъ наблюдать самъ, а такъ же и слышать отъ больныхъ, чѣмъ лѣчить наши такъ называемые народные лѣкары, и по этому, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ моего участка и, вообще, въ окрестности его мнѣ удалось узнать кое-какія подробности объ этомъ лѣченіи. А узнать, чѣмъ лѣчить знахарі, дѣло не легкое, потому что лѣченіе это производится обыкновенно тайнымъ образомъ, скрытно. Вотъ тутъ-то земская практическая медицина и можетъ оказать нѣкоторую услугу. Дѣйствительно, всякому земскому врачу постоянно приходится сталкиваться, въ особенности въ деревнѣ, съ этими народными лѣкарами, а подъ часъ и терпѣть отъ ихъ дѣятельности большой ущербъ въ дѣлѣ лѣченія народа. Чтобы до нѣкоторой хоть степени показать, какъ грубо и подобострастно крестьянинъ, по своему невѣжеству, вѣритъ иногда своему знахарю, а не врачу, я приведу здѣсь два примѣра изъ моей практики. гдѣ, не смотря на прямую бѣющуся въ глаза пользу отъ специфическихъ притомъ лѣкарствъ,—баба или мужикъ приписываетъ эту пользу не лѣкарству, взятыму на пунктѣ, а своему доморощеному лѣкарю, своему знахарю. Такъ однажды приходитъ ко мнѣ баба—сифилитичка. Ей назначается мною известное антисифилитическое, ртутное лѣченіе. Послѣ того баба эта приходитъ въ другой разъ.—«Ну что, какъ дѣло?» спрашиваю я ее.—«Да не помогаетъ!»—говорить баба.—«А какъ же нось-то твой вѣдь хороший сталъ?» А у больной, надо замѣтить, до этого былъ преотвратительный, весь въ сифилитическихъ язвахъ, нось.—«Да это-то вѣрно», отвѣтаетъ баба;—«только это не отъ твоего лѣкарства, а отъ того, что тамъ у насъ бабка-лѣкарка научила меня его, нось-то, слюнами мазать.—«Ну такъ ты и

мажь его слюнами, благо помогаетъ, а моего то лѣкарства не бери! говорю я.—«Нѣть, ужъ ты дай и своего еще!»—отвѣтъ баба. Или вотъ другой случай. Женщина очень сильно заболѣваетъ въ полую воду, такъ что проѣхать къ ней нѣтъ никакой возможности. Приходитъ на пунктъ ея мужъ пѣшкомъ и просить женѣ лѣкарства за глаза. У крестьянъ иногда это бываетъ все одинаково: посмотрѣлъ докторъ больнаго, или нѣть, и уѣхать въ противномъ бываетъ подъ часъ очень трудно. Я распросилъ про болѣзнь. По признакамъ, у больной, по моему, былъ сочленовный ревматизмъ, почему я и назначилъ ей принимать салициловый натръ и далъ еще и растиранья. Послѣ того приходитъ мужъ больной въ другой разъ.—«Ну что? спрашиваю я его.—«Да ломъ-то (ломота) немного поутихъ».—«Ну такъ чѣмъ?—значить лѣкарство-то было ей въ пользу».—«Да я не знаю, говорить мужикъ, я ломъ-то призывалъ къ ней заговорщика заговаривать. Ломъ-то отъ этого и утихъ». По окончаніи полой воды я всетаки самъѣздилъ къ этой больной. У ней дѣйствительно оказался сочленовный ревматизмъ да еще съ осложненіемъ,—въ видѣ воспаленія костнаго мозга (*osteomyelitis*), гдѣ, какъ известно и салициловый-то натръ, считающійся специфическимъ средствомъ отъ ревматизма, мало помогаетъ. А заговорщикъ, оказывается, однимъ словомъ помогъ. Само собой разумѣется, что несмотря на трудный случай ревматизма, салициловый натръ сдѣлалъ свое дѣло, уменьшивъ и опухоли суставовъ и сильныя боли. Но что тутъ сдѣлаешь? По мужику—помогъ больной его заговорщикъ. На этотъ разъ я подкрасилъ мистеру съ салициловымъ натромъ и далъ мужику еще того-же салициловаго натра; а неподкрашенное лѣкарство больная пожалуй теперь и пить не будетъ. Спустя нѣкоторое время больная эта совсѣмъ выздоровѣла. Такихъ прямѣровъ я могъ бы привести, понятно, цѣлую массу. Но однимъ словомъ сказать въ деревнѣ почти не бываетъ ни одного больнаго, который раньше или позже не пользовался бы у своего знахаря. Столкновенія, говорю, постоянныя. Вредъ отъ знахарей, какъ будеть видно изъ подробнаго ихъ описанія, громадный, а отсюда и интересъ къ вопросу о знахаряхъ, по моему мнѣнію, долженъ быть очень большой.

Прежде, чѣмъ перейдти къ частному описанію всѣхъ нашихъ народныхъ лѣкарей, я долженъ предварительно сдѣлать ихъ общую классификацію, которая, при томъ, много поможетъ лучшему ихъ описанію и пониманію.—Итакъ,—всѣ наши народные лѣкаря раздѣляются въ нашемъ районѣ, хотя я думаю, что и вездѣ тоже самое, на 1) собственно знахарей и знахарокъ, 2) заговорщиковъ, 3) кровопускателей или рудометовъ, 4) юродивыхъ и угадовъ и 5) колдуновъ. Я постараюсь описать каждый изъ этихъ видовъ народныхъ лѣкарей порознь, причемъ юродивые и

угады, какъ имѣющіе между собой много общаго, отнесены мною въ одной категоріи.

I.

Знахари и, большою частію, прекрасная половина человѣческаго рода,—знахарки, т. е. деревенскія бабки и городскія мѣщанки, лѣчить у насъ въ деревнѣ, въ большинствѣ случаевъ, несчастныхъ сифилитиковъ, сифилидологи по преимуществу.

Сифилисъ (*siphilis*) въ деревнѣ («дурная болѣзнь», по деревенскому названію), — это своего рода Божій бичъ! Кто имъ въ деревнѣ не страдалъ и не страдаетъ! Имъ страдаютъ и грудные дѣти, и 70-ти, 80-ти лѣтніе старухи и старики, имъ въ деревнѣ страдаютъ иногда цѣлыми семьями, иногда человѣкъ въ 20 и болѣе. Болѣзнь невыносимая, потому что сама не проходитъ, а съ каждымъ днемъ напротивъ все дѣлается хуже и хуже. Въ деревнѣ быстро всѣ узнаютъ, сторонятся, воды изъ колодезя не даютъ, а то еще призовутъ съ двумя десятскими на сходку и проч. въ этомъ родѣ. Врачей и теперь на весь уѣздъ двое-трое, а въ прежнее время, до введенія земскихъ учрежденій, и совсѣмъ ни одного не было. Тутъ по неволѣ пойдешь лѣчиться къ знахарамъ. Хотя, впрочемъ, нынѣ этого и нельзя сказать, что поневолѣ идутъ къ знахарамъ сифилитики лѣчиться. Большею частью нынѣ ходить къ знахарамъ по своей доброй волѣ, потому что въ народѣ уже изстари укоренилось свое собственное мнѣніе, что знахарь лучшіе доктора и скорѣй помогаетъ. А «скорѣй» вылѣчиться отъ «дурной», — это общее желаніе всѣхъ сифилитиковъ, и этому ихъ желанію сильно потворствуютъ и сами знахари, давая больнымъ слишкомъ большія дозы лѣкарства. Извѣстно, что для того, чтобы вылѣчить сифилисъ со всѣми его первичными, вторичными и третичными проявленіями, нужно времени, приблизительно, годъ. Это въ счастливыхъ, конечно, случаяхъ, а то и цѣлые годы сифилисъ не вылѣчивается, а иногда такъ, какъ извѣстно, и совсѣмъ остается въ организмѣ, въ такъ называемой, скрытной, латентной формѣ. Вотъ этой то продолжительности теченія болѣзни и не любятъ сифилитики. Имъ, обыкновенно, хочется вылѣчиться отъ такой ужасной болѣзни сразу. Да хотѣніе это и понятно, въ данномъ случаѣ, само по себѣ, но тутъ оно приводить, по большей части, къ печальнымъ, а вовсе не къ хорошимъ результатамъ.

Для того, чтобы показать, какъ велика охота у сифилитиковъ въ большихъ дозахъ лѣкарства изъ желанья, конечно, поскорѣе вылѣчиться, я приводу здѣсь примѣры изъ своей практики. Такъ въ деревнѣ Арцибасовѣ

мужикъ принесъ домой изъ нашей аптеки 30 пилюль изъ супемы (hydrgag-gutum sublimatum corrosivum). Ему велѣно было по одной пилюль глотать утромъ и вечеромъ, а онъ сразу ихъ всѣ развелъ водой и половину бутылки заразъ и выпилъ. Баба прибѣгаѣтъ за мной, вся въ слезахъ.—«Что такое?» спрашиваю я еੱ.—«Да съ Онисимомъ моимъ сдѣлался геморой!»—«Какой такой геморой?»—«Да съ нимъ этотъ геморой и раньше былъ», отвѣчаетъ баба. Я понялъ скоро, въ чёмъ тутъ дѣло, потому что припомнилъ, что Онисимъ вчера былъ у меня, и ему дано лѣкарство отъ сифилиса. Бѣгу сей часъ же въ деревню (спасибо въ нашей деревнѣ дѣло было), и моимъ глазамъ представилась ужасная картина остраго отравленія ртутью. Мужикъ этотъ (онъ громаднаго при томъ росту) еле сидѣтъ на задникѣ, и его всего, что называется, корѣжитъ, т. е. постоянныи судороги, сильная рвота. На окнѣ я замѣтилъ бутылку съ какимъ-то лѣкарствомъ.—«Что это?» я спрашиваю.—«Это ми ваше лѣкарство развели!»—«И онъ это половину выпилъ?» спрашиваю я.—«Да!» робко отвѣчаетъ баба. Кончилась эта исторія тѣмъ, что я Онисима насили-насили привелъ въ себя рвотными и молокомъ, взбитымъ съ яичнымъ бѣлкомъ. Вѣрно оказалось, что съ Онисимомъ геморой раньше былъ, какъ говорила мнѣ баба, потому что Онисимъ у настъ раза четыре уже былъ на пунѣтѣ, а отсюда, каждый разъ, и геморой его. Другой подобный случай былъ въ селѣ Дегтарѣ. Баба—сифилитичка, съ тою же цѣллю,—поскорѣй вылѣчиться отъ «дурной», проглотила заразъ тоже пилюль изъ супемы, по $\frac{1}{10}$ грана каждая, пять штукъ, какъ она сама говорила, а вѣроятно больше.—«Что-же было отъ этого? спросилъ я еੱ.—«Да насили молокомъ отпили!» отвѣчаетъ баба и при этомъ еще улыбается.

Охоту къ сильнодѣйствующимъ лѣкарствамъ и къ большими дозамъ можно, говорю, наблюдать чуть не у каждого сифилитика. Такъ я прежде давалъ для смазыванья сифилитическихъ опухолей въ заднемъ проходѣ (condilomata lata) лаписъ, разведенныи водой (20 gran. lapis'a на унцію воды). Но потомъ вздумалъ для той же цѣли давать супему, разведенную въ спиртѣ (скрупуль sublimati на унцію спирта). Лѣкарство это удивительно, какъ понравилось всѣмъ больнымъ, какъ очень сильное средство и скоро помогающее, въ особенности, если кто очень усердно мажетъ. Помни одного больнаго кузнеца изъ села Р—а. Разъ дали ему этого лѣкарства. Приходитъ кузнецъ въ другой разъ и просить опять того же.—«Ужъ очень хорошо, говорить, помогаетъ это послѣднєе ваше лѣкарство. Я имъ намажу себѣ болачки на ночь, да всю ночь по ржамъ и бѣгаю (дѣло было лѣтомъ).—«Ты, значитъ, ужъ очень сильно мажешь, ты бы полегче», говорю я.—«Нѣть, такъ лучше помогаетъ, скорѣй вылѣчишься».—«Зачѣмъ ты, спрашиваю я, изъ

ночь мажешь»?—«А то днемъ то увидать, какъ я бѣгаю по ржамъ. А очень хорошо! Пожалуйста дайте еще этого лѣкарства!»—просить кузнецъ. Послѣ мнѣ всегда приходила въ голову эта любопытная картина бѣганья ночью по ржамъ, и я сталъ предупреждать больныхъ, чтобы мазали полегче, потому что, моль, это лекарство немногого щипитъ.

Я нѣсколько отдалился отъ своей темы, но мнѣ желательно было пообстоятельнѣе выяснить эту охоту сифилитиковъ къ болѣшимъ дозамъ лѣкарствъ и къ сильнодѣйствующимъ средствамъ, изъ за которой охоты больные эти по большей части и ходятъ къ знахарямъ и знахаркамъ, зная напередъ, что въ этомъ отношеніи ужъ всякий изъ нихъ непремѣнно уважитъ, не въ примеръ доктору...

«Рукомесло» свое знахари, по моему мнѣнію, заимствуютъ отъ военныхъ фельдшеровъ, которыхъ у насъ въ деревнѣ теперь очень много; чуть не въ каждомъ селѣ двое, а то трое. Это, по большей части, бывшіе больничные или аптечные служители въ военной службѣ, получающіе послѣ службы дипломъ младшаго медицинскаго фельдшера. Вотъ этотъ то медицинскій элементъ и разносить по деревнямъ свои медицинскія свѣдѣнія, понятно очень при томъ скучныя и посвящающіе въ нихъ знахарей и знахарокъ. Да не поумастъ кто либо, что знахарь или знахарка (а знахарокъ больше въ деревнѣ, чѣмъ знахарей)—знаетъ какое либо особенное лѣкарство отъ сифилиса, чего не знаетъ медикъ! Нѣтъ! лѣчить знахари сифилисъ, обыкновенно тѣмъ же чѣмъ лѣчать и врачи. А именно: суревомъ (*hydrargyrum bichloratum corrosivum*), киноварью (сѣрнистая ртуть *hydargyrum sulphuratum*) и, наконецъ, третью — декохтъ изъ такъ называемой дорогой травы т. е. изъ сарсанарилли (*Decocatum Zittmanni*—старинный медицинскій препаратъ), «якобъ» пить, называютъ больные.

Но главное лѣченіе сифилиса у знахарей—это суревомъ, и практикуется оно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Вотъ тутъ-то извѣстная охота сифилитиковъ къ болѣшимъ дозамъ лѣкарствъ и желаніе ихъ всегдашнее—выпить чего либо, какъ можно, покрѣпче—и играютъ весьма важную роль. Поэтому суревомъ, какъ сильнодѣйствующее средство, знахарами дается всюду, всѣмъ сифилитикамъ, а то даже безъ разбору, сифилитикъ ли больной или просто страдающій отъ какой другой болѣзни. Просто, вообразить баба, что на ней дуриая и просить у знахарки или знахара суревомъ. Да знахарь, вѣдь главное, и различить-то болѣзнь, конечно не сумѣетъ. Да ему это и не нужно, а просто на просто,—угостить хорошенько, ну дѣло и будетъ, что называется, въ шляпѣ: и гонорарь будетъ хороший, а тамъ и водка и вся-

кія подачки, въ родѣ полотенцевъ, яицъ, ветчины, муки и прочаго деревенскаго скарба.

Сулема, говорю, первое лѣкарство у знахарей, ей начинается, ею и кончается всякое лѣченіе. И въ какихъ же дозахъ сулема дается знахарями и съ какою при томъ неразборчивостію! Какъ еще выносить все русская натура! Но иногда эта выносливость ужъ не помогаетъ, и тутъ прямо бываютъ острые случаи отравленія сулемой. Такъ на моей памяти, напримѣръ, было два случая отравленій, въ одномъ случаѣ больная умерла отъ сулемы, очень молодая еще женщина, въ деревнѣ Шашкиной, въ другомъ случаѣ,— въ деревнѣ Рыловой умерла тоже отъ отравленія совсѣмъ молодая женщина, которую научили купить на пятачекъ сулемы, на пятачекъ живой ртути и на пятачекъ крѣпкой водки, и все это выпить заразъ. Больная вышла, ну и, понятно, отправилась на тогъ свѣтъ. Или еще, напримѣръ, помню въ деревнѣ Арцибасово привезли знахаря къ одному чахоточному больному. Были за знахаремъ далеко, верстъ за 25 слишкомъ. Визитъ знахара стоилъ 5 рублей. И что же знахарь слѣдалъ?—Онъ назначилъ своему пациенту такую дозу сулемы, что тотъ бѣдный чуть-чуть не умеръ отъ нея, потому что, говорить, съ больнымъ сейчасъ же сдѣлалась страшная рвота и поносъ (геморой своего рода) т. е. всѣ признаки отравленія. У знахарей это считается хорошимъ признакомъ; «чтобы, какъ они выражаются, больного и верхомъ и низомъ пронесло, и чтобы все нутро тамъ вычистило, гнѣздо разорвало, а то у тебя, братецъ, нутро болитъ!» И я еще удивляюсь, какъ это самое нутро, въ видѣ черезъ чуръ уже плохихъ, чахоточныхъ, съ кавернами (я наблюдалъ раньше этого больного) легкихъ, не вылетѣло оттуда т. е. изъ больной груди совсѣмъ, окончательно... Больной этотъ вскорѣ потомъ умеръ. Большое нутро, видно, взяло свое. Визитъ знахара пропалъ даромъ. Это миѣ извѣстные случаи отравленія, но, конечно, не всѣ такія случаи доходить до врача.

Окуриваніе киноварью (*hydrgyrum sulphuratum*—сѣрнистая ртуть) производить въ нашемъ районѣ преимущественно полька, въ деревнѣ Ольхахъ, Данковскаго уѣзда. Полька эта вышла замужъ за здѣшняго солдата и пришедши съ своей родины въ Ольхи на постоянное жительство, привнесла съ собой какой то польскій лѣчебникъ, по которому и лѣчить здѣсь. Одно то, что книга эта на какомъ-то непонятномъ для народа языкѣ,—одно это производить своего рода впечатлѣніе на больнаго. Живеть полька въ землянкѣ, чуть не въ подземельѣ и извѣстна во всемъ околодкѣ подъ названіемъ «Ольховской колдуны». Надо замѣтить, что лѣкарка эта (её здѣсь еще зовутъ просто лѣкарка) постоянно бываетъ пьяна, потому что безъ

полштофа водки нико къ ией не является. Хорошее заведение это въ полштофъ въ деревнѣ. У насъ безъ него, какъ известно, ни одного дѣла не дѣлается, и роль его, какъ прилагательного, известна во всѣхъ сферахъ жизни, какъ свѣтской, такъ равно и духовной. Я тоже раза два-три удостоивался этого «приноса»: «на дорожку», дескать г. доктору... Главное свое лѣченіе—окуривание киноварью Ольховская лѣкарка примѣняетъ всюду; окуриваетъ всѣхъ безъ исключенія больныхъ, хотя больше всетаки сифилитиковъ. Такъ у меня были въ разное время три женщины, больныя женскими болѣзнями, которыхъ подверглись окуриванію киноварью и отъ этого страшно страдали отъ меркуриализма.

Третье лѣкарство Якобъ или, что тоже, Декобъ (Циттманновъ декоктъ) дается захарями очень часто. Его даютъ тоже преимущественно сифилитикамъ, но кромѣ сифилитиковъ, «якобъ» пьютъ и другіе больныя, какъ то—чахоточные и золотушные. Корень «дорогой травы» (*radix sarsaparillaæ*), изъ которого приготавливаютъ якобъ, продается здѣсь во всѣхъ москательныхъ лавкахъ. Въ москательныхъ лавкахъ, впрочемъ, продаются тоже тайкомъ и мышьякъ и сулема и всякия другія снадобья. Бабъ или музыку, значитъ, достать якобъ всегда бываетъ возможно. Да и пить его бываетъ очень удобно. Обыкновенно, четверть водки настоитъ захаръ или захарка якобомъ, прибавить туда изрядную дозу сулемы и даетъ это больному—сифилитику, или бабъ—сифилитичкѣ за приличную при томъ плату. У всѣхъ захарей есть своего рода античнага такса, такъ что четверть якобу стоитъ, напримѣръ, 3 рубля, полштофъ менѣе и проч. Больные пьютъ якобъ всегда съ охотовъ; вѣроятно, отъ того больше, что это лѣкарство болѣе безопасно. Замѣчательно, что всѣ лѣкарства свои захари, обыкновенно, настаиваются на водкѣ, какъ сулему, такъ равно и якобъ. По всей вѣроятности, это дѣлается для того, чтобы небыло противно пить. Русскій человѣкъ вѣдь водку очень любить... Изъ веществъ, неупотребляемыхъ врачами въ сифилисѣ захари даютъ иногда синій купоросъ (*cuprum sulphuricum*). Но его даютъ очень рѣдко и при томъ для наружнаго больше употребленія. Его не хвалить что то и сами больныя. Вѣроятно это отъ того, что синій купоросъ—рвотное средство, а значитъ и испрѣятнное. «Купоросъ пила, якобъ настаивала, все толку нѣть!» обыкновенно слышишь отъ больныхъ.

Нужно замѣтить, что лѣкарственные вещества у захарей иногда очень нагло замѣняются другими болѣе дешевыми средствами, происходить своего рода фальсификація. Такъ, напримѣръ, дорогая трава (*radix sarsaparillaæ*) т. е. деревенскій «якобъ» замѣняется у торговокъ корнемъ це-

сочной осоки (*risoma graminis rubri*). Трава эта растет по берегамъ рѣкъ и озеръ и продается компактъ пятьдесятъ за фунтъ, тогда какъ дорога трава обыкновенно стоитъ 2 рубля 50 коп. фунтъ. Йодистый калій (*kalium jodatum*), тоже известное въ медицинѣ и полезное, притомъ, лѣкарство отъ сифилиса, замѣняется часто у торговцевъ, а отсюда и у знахарей, обыкновенно морской солью или бузуномъ. Такая замѣна, несомнѣнно, произошла отъ того, что, какъ известно, ѹодистый калій продается изъ нашихъ аптекъ тайкомъ, по ручной продажѣ, т. е. безъ рецепта врача, подъ названіемъ «морской соли». Ну торговцы и стали продавать настоящую морскую соль, бузунъ. Это въ родѣ того, какъ порохъ прежде, когда имъ запрещено было торговать, тайкомъ изъ лавокъ продавался подъ скромнымъ названіемъ «маку». Какъ на курьѣзъ, я не могу здѣсь не указать еще на одного знахара, изъ села Заболотнаго, онъ же кузнецъ и коваль. Коваль этотъ лѣчить тоже и отъ «дурной», и отъ различныхъ другихъ недуговъ, но чѣмъ же? Пойдетъ онъ на рѣчку, наберетъ на берегу различныхъ камешковъ, какъ то: бѣленькихъ, желтенькихъ, синенькихъ, чёрвонькихъ и другихъ, принесетъ ихъ въ кузню, разобьетъ тамъ на наковальнѣ ихъ всѣ въ мелкій порошокъ, завернетъ въ разныя бумажки и послѣ даетъ ихъ пить больнымъ, или для присыпки наружныхъ болѣзней. И помогаетъ, говорятъ!..

Вотъ такихъ-то больныхъ, т. е. сифилитиковъ, которые прежде лѣчились у знахаря или знахарки, трудно бываетъ выѣхать врачу, потому что они, обыкновенно, до такой степени наглotaются ртути, что и не знаешь, съ чего тутъ начинать лѣчить,—сифилистъ ли, или — меркуріализмъ т. е. хроническое ртутное отравленіе. А съ послѣднимъ имѣть дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ съ самимъ сифилисомъ. И дѣйствительно, вѣдь мужика нельзя послать на Кавказъ, на сѣрыя воды!.. Въ острыхъ же случаяхъ отравленія тоже бываетъ трудно помочь больному, потому что первые три-четыре дня, какъ и было въ указанныхъ выше случаяхъ съ отравленными женщинами, больные таятся не только отъ врача, но и отъ всѣхъ окружающихъ родственниковъ и только, обыкновенно, на духу, т. е. священнику, приглашенному для причащенія Св. Таинъ, сказываютъ, а тотъ уже велитъ позвать доктора. Но время бываетъ уже упущенное, потому что ядъ настолько успѣетъ уже всосаться въ организмъ, что помочь бываетъ почти излишна и безъуспѣшна. Въ другихъ же случаяхъ отравленій больные совсѣмъ не скажутъ никому, а выйтѣть просто, моль, умерла и умерла отъ неизвѣстной причины. Подержать трупъ день и два, а потомъ и похоронять. Въ настоящее время, впрочемъ, сифилитики стали привыкать и къ докторамъ. Такъ у меня на двухъ амбулаторныхъ пунктахъ бываетъ ежегодно около ты-

сачи посѣщений. Кромѣ сифилиса народными средствами лѣченія пользуется въ деревнѣ очень часто еще перемежающаяся лихорадка (*febris intermitens*), по здѣшнему «лихоманка», «тетка», «трасучка» и др. синонимы. У холдовъ лихорадка называется «пропастыца», и это название мнѣ больше всѣхъ нравится; ужъ именно—пропастыца! Лихорадка очень часто встречается въ народѣ; такъ у меня на пунктахъ ежегодно бываетъ около тысячи лихорадочныхъ больныхъ. Мужику избавиться отъ лихорадки бываетъ, обыкновенно, очень трудно, такъ что болѣзнь иногда тянется годъ, два, даже три. Да обстоятельство это и понятно по слѣдующимъ соображеніямъ. Земскіе врачи, какъ известно, хининомъ, въ виду его дороговизны, не пользуются въ достаточномъ количествѣ. Благо еще нынѣ хина дешева стала, и земство стало меныше наблюдать свою всегдашнюю экономію. Городскіе же аптеки по ручной продажѣ даютъ мужику только одинъ гранъ хинина въ порошкѣ, въ который (порошокъ) прибавляютъ еще пять гранъ сахару и возьмутъ за такой порошокъ пять копѣекъ, а за три, напримѣръ, пошопка пятнадцать копѣекъ, а ихъ всѣ такие порошки только стоятъ бросить!.. Почему то всѣ наши аптекари или юдейскаго, или пѣмѣцкаго, или, наконецъ, польскаго происхожденія! Русскихъ почти нѣтъ изъ нихъ. Пора бы уничтожить ихъ монополію и пересмотрѣть ихъ аптекарскую таксу, сдѣлавши изъ неї что либо путное. И дѣйствительно, взять пять копѣекъ за одинъ гранъ хинина, т. е. за унцію хинина—24 рубля, тогда какъ онъ у Феррейна нынѣ стоитъ 80 копѣекъ унція,—вѣдь это просто невозможное дѣло. Тутъ приблизительно съ чѣмъ то 2000% на капиталъ. Въ особенности, это трудно для бѣднаго, большаго мужичка или рабочаго человѣка, который отъ своей болѣзни еще лишился своего заработка. А попробуйте, возьмите въ аптекѣ одинъ гранъ супемы въ пилюляхъ, съ васъ возьмутъ за 10—12 такихъ пилюль (по $1/10$ или $1/12$ грана)—пятьдесятъ копѣекъ. Фунтъ супемы, стоящій у Феррейна 2 рубля, аптекаря такимъ образомъ обгоняютъ въ 2280 рублей серебромъ. Тутъ ужъ весьма трудно опредѣлить, какой получается % на капиталъ, чуть ли не миллионный. Хорошій заработокъ, нечего сказать! Пора бы объ этомъ подумать и удешевить, по возможности, медицинскую аптечную таксу. А то для рабочаго человѣка, какъ, впрочемъ, и для всякаго, болѣзнь—это совершенный раззоръ. Въ особенности, продолжительная такая болѣзнь, въ родѣ лихорадки. Работать въ семье некому, либо печку топить некому, а лихоманка все трепитъ. Горе, да и только... И вотъ, если врачъ не поможетъ больному, то больные такие и ходятъ, просятъ лѣкарства, либо къ барынѣ, либо къ сельской матушкѣ-шопадѣ, а то и къ своимъ захаркамъ-бабкамъ. Многія барыни, дѣйствительно, даютъ

лихорадочнымъ больнымъ хины, но понятно, не много, потому что въ деревнѣ хины достать трудно, хорошо если есть въ запасѣ изъ города, да и самимъ эта вещь бываетъ постоянно нужна. Барыни, впрочемъ, въ деревнѣ больше лѣчать своей гомеопатіей. Это лѣченіе для нихъ и болѣе безопасно и очень удобно, потому что однимъ пузыркомъ крупинокъ можно отпустить тысячу человѣкъ. А у матушки-попади, обыкновенно, ни хинина, ни крупинокъ нѣтъ, а больному все-таки нужно чего либо дать отъ его болѣзни, утѣшить. И вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ нихъ лѣчать лихорадку следующимъ способомъ: велить бабѣ принести три крендельюшка, напишетъ на нихъ три какихъ то евангельскихъ слова и дастъ ихъ больному, чтобы онъ сѣѣть ихъ въ три зари по утрамъ. Иногда эти три евангельскихъ слова пишутся просто на трехъ бумажкахъ, которая (бумажки) больной тоже въ три зари долженъ сѣѣть. Бабки-знахарки въ лѣченіи лихорадки ухитряются до невозможности. Такъ напримѣръ: нужно срѣзать въ саду 12-ть почекъ, отъ 12-ти разныхъ деревъ, налить ихъ 12-ть ложками кипяченой воды, дать имъ 12-ть дней постоять и пить 12-ть дней сряду по одной ложкѣ. Или вотъ средство, нѣсколько аналогичное этому. Нужно испечь 12-ть пышекъ, пойдти въ лѣсъ и разыскать 12-ть пеньковъ, положить на каждый пенёкъ по пышкѣ и каждому пеньку отѣсить 12 поклоновъ. Цифра 12-ть здѣсь, очевидно, означаетъ что то въ родѣ священной цифры, такъ какъ въ народѣ лихоманка олицетворяется въ видѣ 12-ти сестеръ лихоманокъ, которыхъ и трясутъ человѣка на подобіе, напримѣръ, русалокъ. Въ лихорадкѣ даютъ также и много другихъ народныхъ средствъ, напримѣръ, особенной славой пользуется пережженная соль, такъ же лишайникъ и пр. Цѣлительного дѣйствія, впрочемъ, всѣ эти средства никакого не имѣютъ. При теперешней дешевизнѣ хинина, я стала теперь давать больнымъ три порошка *chinini sulphuricis* по 10 гранъ каждый. Это средство лучше всего помогаетъ.

Въ лѣченіи переломовъ костей и вывиховъ деревенскія бабки-знахарки выказываютъ тоже немало всей своей медвѣдьей ловкости и искусства. Какъ известно, сдѣлать что либо путное, въ данномъ случаѣ, бабка конечно, ничего не сможетъ. Переломъ ли это или вывихъ, ей узнать трудно, помочь же какъ нибудь больному она и вовсе не въ состояніи, потому что сростить переломленную ность безъ гипсовой повязки или исправить вывихъ, безъ знанія анатоміи и своего рода ловкости и умѣнья, вещь очень нелегкая. Вотъ въ такихъ случаяхъ бабка и ломаетъ еще больше своему пациенту больную ногу или руку. Больной или больная въ такихъ случаяхъ кричить и орѣтъ во всю глотку, но у бабки это считается за хороший признакъ, значитъ, называется, на жилку попала. «У тебя жилка стронута», говорится

обыкновенно, больному, «ты пойди и поклонись три раза въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ тебѣ это подѣалось, мать сыра земля и отпустить тебя». Кончается всегда дѣло тѣмъ, что бабки эти проведутъ такимъ образомъ время, и уже, недѣли чрезъ двѣ, чрезъ три, смотришь, больной пріѣдетъ къ врачу, когда помочь больному оказать бываетъ уже очень трудно. Вотъ такие запущенные вывики постоянно приходится исправлять и, конечно, съ большими трудомъ и болью для пациентга.

Всѣмъ, конечно, известно, какую глупую роль играютъ при родахъ, такъ называемыя, бабушки повитушки. Во время родовъ, не говоря уже о трудныхъ родахъ, бабка помочь роженицѣ ничего не можетъ, потому что даже поддержать промежность у роженицы, и то для нихъ вещь непонятная и неизвестная. Послѣ же родовъ бабки продолжаютъ со своими жертвами разные причудливые фокусы. Такъ, напримѣръ, каждую родильницу бабка паритъ въ жарко истопленной печкѣ шесть дней сряду, утро и вечеръ. Паратъ, обыкновенно, почему то одинимъ и тѣмъ же вѣнкомъ, а послѣ этого тѣмъ же самимъ вѣнкомъ, что называется, размываютъ руки роженицѣ. Глупая эта операциѣ заключается въ томъ, что бабка лѣтъ на вѣнокъ воду, причемъ вѣнокъ лежитъ на рукахъ роженицы, сложенныхъ крестообразно. Вода съ вѣнка стекаетъ въ тазъ, въ которомъ бабка кладетъ передъ тѣмъ одно сырое яйцо. Послѣ того, водой, приготовленной такимъ способомъ, бабка въ послѣдній разъ всю роженицу обмываетъ, а яйцо бывшее въ тазу, роженица должна испечь и сѣсть. Эта самая обыкновенная исторія для случаевъ благополучныхъ. Въ случаихъ же, когда у роженицы что либо заболить, или если лохіи прекратятся, то бабки сейчасъ же посыпаютъ разыскивать, такъ называемыхъ, подъѣмныхъ капель. Подъѣмные капли,—это известный всѣмъ виндеръ-бальзамъ. Съ серьезно же больными роженицами бабки продолжаютъ обыкновенно такую операциѣ. Больную роженицу, у которой, напримѣръ, сдѣлалось воспаленіе брюшины, бабка вѣшаетъ за ноги къ потолку или къ палатамъ и въ такомъ положеніи встряхиваетъ еѣ, при томъ иѣсколько разъ сряду. Какъ ни страшна эта операциѣ, но, къ несчастію, она продолжается очень нерѣдко. Нечего и говорить здѣсь о крайней нечистоплотности нашихъ повитухъ, когда сплошь да рядомъ отъ нихъ даже можно заразиться и сифилисомъ.

Въ заключеніе я долженъ еще упомянуть про народное лѣченіе нарывовъ—прикладываніемъ коровьяго помета и болѣзней глазъ примачиваніемъ ихъ человѣческой мочей. Много распространяться объ этомъ не стоитъ, хотя на моей памяти одну 16-ти лѣтнюю девушку бабки подобнымъ лѣченіемъ — мочей, буквально ослѣтили. Самая обыкновенная изъ глазныхъ

операций у бабокъ, это лазить въ глазъ языкомъ или выворачивать глазъ на кольцо, съ цѣлью поискать тамъ соринку, которой тамъ и не было. Вездѣ все бабы хитрости. Въ накожныхъ болѣзняхъ и ревматизмѣ, модное средство въ деревнѣ—натирание детскомъ или керосиномъ. Конечно, средства эти, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безвредны.

II.

Второй классъ народныхъ лѣкарей, какъ сказано было выше, составляютъ заговорщики. Постараюсь и съ ними познакомить, на сколько это было возможно для меня.

Заговорщиковъ у насъ, въ деревняхъ, очень много. Одни изъ нихъ заговариваютъ жабу, другіе ломъ, т. е. ломоту, третьи—волосень, т. е. ногтогѣду (raparitium), четвертые—кровь, иные сибирку, т. е. сибирскую язву, и, наконецъ,—собачье бѣшенство и проч. Словомъ, чуть не на каждую болѣзнь есть свой заговорщикъ. Заговорщиковъ жабы, лому, волосения и т. п. я описывать подробно не стану, какъ менѣе важныхъ, и начну прямо съ заговорщиковъ крови.

Заговорщиковъ крови много въ каждой буквально деревнѣ. Этимъ маракуетъ, обыкновенно, какая либо бабка, рѣдко и мужикъ. И дѣйствительно, заговорить кровь очень легко. Пока-то надумаютъ послать за заговорщикомъ, пока-то его разыщутъ, а тѣмъ временемъ догадаются завязать рану какой либо вѣтошкой, или приложить къ ранѣ паутину, а то засыпать ее червоточиной и т. п. Прійдетъ, наконецъ, заговорщикъ, начнетъ читать свой заговоръ, по всей вѣроятности, еще очень длинный. Въ первый разъ прочитается, во второй разъ, въ третій; а нужно всегда непремѣнно прочитать заговоръ три раза. Смотришь, кровь и остановилась, потому что всякое кровотеченіе, въ особенности изъ небольшихъ стволовъ, всегда и такъ, само собой, останавливается очень скоро. Это происходитъ, какъ известно, или отъ сморщиванія краевъ перерѣзанного кровеноснаго сосуда, артеріи или вены, послѣ ихъ пораненія, или отъ образования такъ называемаго тромба, т. е. пробки, которая образуется въ сосудѣ изъ свернувшегося фибринъ крови, потому что кровь, отъ дѣйствія наружнаго воздуха, сейчасъ же свертывается и распадается на фибринъ, главную составную часть плазмы и сыворотку крови. Но сказанное искусство заговорщиковъ, въ отношеніи остановки кровотеченія, примѣнено только къ пораненію мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ, пораненіе которыхъ больше и встрѣчается на практикѣ. Мелкихъ стволовъ артерій и гораздо конечно больше, чѣмъ круп-

ныхъ, и они и въ нашемъ тѣлѣ лежать гораздо поверхностиѣ, чѣмъ крупные стволы. Крупные же стволы, какъ извѣстно, и лежать болѣе глубоко, да еще обыкновенно защищены, какъ бы нарочно, отъ самой природы или костями, или просто мягкими частями т. е. мышцами и сухожильными растяженіями. Поэтому то пораненіе крупныхъ артерій бываетъ сравнительно, конечно, очень рѣдко. Но буде, если что либо подобное случится, т. е., если бываетъ поранена, напримѣръ, артерія *radialis* или *ulnaris*, то тутъ заговорщикъ ужъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Больной такой или долженъ умереть отъ истечения кровью, или же—его привезутъ къ врачу, спустя тоже извѣстное время, всего обезсиленного отъ громадной потери крови, послѣ разныхъ мытарствъ по заговорщикамъ. Подобный случай и былъ въ моей практикѣ. Молодой парень, изъ села Малаго Подовечья, всегда страшный, какъ говорить, буянъ, на свой сельскій, престольный праздникъ такъ напился пьянь, что вздумалъ драться съ своими стеклами. Просто на просто, началь бить кулаками въ свои окна и при этомъ поранилъ себѣ пульсовую артерію (*arteria radialis*). Артерія эта, какъ извѣстно, изъ всѣхъ стволовъ артеріальныхъ лежить болѣе поверхности. Призвали заговорщика, но дѣло оказалось плохо. Свой заговорщикъ не помогъ. Поэтому несчастнаго больнаго, буквально истекающаго кровью, цѣлыхъ двѣ недѣли возили по разнымъ другимъ заговорщикамъ и заговорщицамъ, а кровь все не унималась. И вотъ, наконецъ, совершенно уже обезсиленного, почти безжизненнаго, привезли больнаго по миѣ, на пунктъ. Это чрезъ двѣ недѣли! Потеря крови была громадная, больной былъ блѣденъ, какъ полотно. Въ особенности глаза у него, отъ потери крови, были просто какіе то страшные. Я, думается, никогда не забуду этихъ бѣлыхъ, безжизненныхъ глазъ! Съ больнымъ постоянно, при томъ, дѣлались сильные обмороки. Изъ ранки постоянно сочилась кровь, а по временамъ такъ текла очень сильно, въ особенности если больной кашлянетъ, или чхнетъ, то кровь начинаетъ бить просто фонтаномъ. Что тутъ дѣлать? Нужно наложить лигатуру, а вдругъ съ больнымъ обморокъ и смерть? Ужъ этого помилуй Богъ! Просто на просто, «каменемъ побѣни будетъ». Потому что больныхъ на пунктѣ кромѣ того еще 70—80 человѣкъ и только скажи одинъ, что, молъ, докторъ зарѣзаль, ну и баста! А вѣдь для больнаго нужно что либо сдѣлать шутное. Но если бы больнаго привезли послѣ пораненія, на тотъ же день, тогда другое дѣло было бы; а то заговорщики протянули вѣдь цѣлыхъ двѣ недѣли. Кончилось тѣмъ, что я все-таки рѣшился наложить ему шелковую лигатуру *«in masse»*. Отыскать хорошо артерію было уже нельзя, потому что, отъ разросшихся грануляцій, образовавшись какая-то кровоточаща клоака. Кромѣ лигатуры *in masse* я перевязалъ

руку больному повыше раненія, съ мячикомъ изъ ваты, кровь и остановилась. Больной втотъ потомъ совершенно выздоровѣлъ, хотя все село молило о его смерти, ужъ очень онъ бунгъ, говорить.

Заговорщики сибирки (сибирская язва, *pustula maligna, carbunculus malignus*) въ деревнѣ своего рода рѣдкость. Всегда нужноѣхать куда нибудь верстъ за 10—15, а то и дальше. Сибирская язва, болѣзнь очень рѣдкая, а, значитъ, и пужды въ такихъ заговорщикахъ особой не предвидится.

Изъ всѣхъ заговорщиковъ сибирки особенной славой пользуются братья Бакокины. Бакокинъ четыре брата, всѣ они живутъ врозь, и въ разныхъ мѣстахъ Скопинскаго и Данковскаго уѣздовъ и всѣ одинаково умѣютъ заговаривать сибирку. Братья Бакокины, по происхожденію своему—крестьяне изъ села Ново-Александрова, Скопинскаго уѣзда, полуграмотные, но успѣли цивилизоваться по своему. Какимъ либо преимуществомъ въ заговорѣ сибирки ни одинъ изъ братьевъ не пользуется во мнѣніи народа, и для больного нужно только слово «Бакокинъ», которое до нѣкоторой степени стало нарицательнымъ словомъ. Больной, заболѣвшій въ одной мѣстности, сейчасъ жеѣхать къ своему Бакокину и не считаетъ ужъ нужнымъѣхать къ другому Бакокину, который живеть отъ первого верстъ за 10—15. Надъ всякимъ своимъ пациентомъ, всѣ Бакокины продѣлываютъ одно и тоже. Сначала они шепчутъ свой заговоръ, а послѣ этого даютъ больному нашатырю (*ammonium chloratum*) и велятъ имъ засыпать сибирку. Вотъ и все ихъ лѣченіе! На чёмъ же спрашивается, основана такая слава Бакокинъ? А дѣло то заключается въ томъ, что въ простомъ народѣ все носитъ название сибирки, будетъ ли то простой чирей (*furunculus*), въ особенности если онъ съ чёрнымъ пятномъ; нарывъ ли небольшой (*abscessus*) съ тѣмнымъ крово-подтекомъ, карбункуль (*carbunculus*), рожа (*erisipelas*) съ тѣмнымъ волдыремъ (*erisipelas herpetica*),—все это въ народѣ носить название грозной сибирки. А главное, лишь бы появилось какое либо черное пятно. Сейчасъ призовутъ бабку. Но чего же бабка знаетъ? И сейчасъ же начинается обычная ея рѣчъ: «у тебя сибирка, тебѣ нужноѣхать къ Бакокину». Вотъ эти то и имъ подобныя, такъ называемыя, сибирки братья Бакокины и вылѣчиваютъ съ такимъ блестящимъ, можно сказать, успѣхомъ. Настоящей же сибирки они, по всѣй вѣроятности, и не видали; а если случайно и видѣли, то неузнали и ужъ, понятно, не помогли ни одному такому больному. И дѣйствительно, что значитъ для сибирской язвы заговоръ Бакокинъ или хоть ихъ присыпка нашатыремъ, когда сибирку нужно выжечь или каленымъ же-лѣзомъ или дымящейся азотной кислотой. На сколько рѣдкая болѣзнь сибирская язва, можно уже судить изъ того, что у меня на пунктахъ перебываетъ каж-

дый годъ больныхъ отъ 12-ти до 14-ти тысячъ; за 5 лѣтъ, значитъ, перебывало около 90 тысячъ и изъ нихъ больныхъ сибирской язвой было всего три человѣка. Конечно, во всемъ участкѣ больныхъ сибирской язвой, можетъ быть, было и больше за это время, потому что участокъ большой, 35 тысячъ жителей, на одного врача — городъ больше Рязани, да кромѣ того онъ разбросанъ на большомъ 50-ти верстномъ пространствѣ, и потому вообще не всякаго больнаго везутъ на пунктъ. Но такихъ то больныхъ, т. е. съ сибиркой, такъ прямо везутъ не къ врачу, а къ заговорщику Бакокину или другому какому. Это уже изстари заведено такъ, ко врачамъ еще мало довѣрія. Я здѣсь опишу тѣ три случая сибирской язвы, которые были у меня. Тѣмъ болѣе они интересны, что всѣ эти больные были предварительно у заговорщиковъ. Такъ въ сосѣднемъ селѣ Шишкінѣ, въ имѣніи купца Л., заболѣваетъ сибирской язвой лошадь. Посылаютъ за Бакокинымъ, который живетъ отъ Шишкіна недалеко. Лошадь эта, понятно, околѣваетъ, несмотря на пособіе отъ Бакокина. На другой день заболѣваетъ другая лошадь. Сейчасъ же опять привозятъ Бакокина, но лошадь тоже околѣваетъ. Послѣ того вскорѣ заболѣваетъ конюхъ, ходившій за больными лошадьми. Его сейчасъ везутъ къ Бакокину. Къ вечеру конюха не стало. Осталась у него жена и 6 человѣкъ дѣтей. На другой день заболѣваетъ сибирской язвой, на шеѣ, караульный въ имѣніи. Караульный этотъ тащилъ больную лошадь изъ конюшни и чуть ли не онъ дралъ шкуры съ больныхъ лошадей. Послѣднѣе очень часто практикуется; здѣсь вѣдь иногда не посмотрѣть на то, что лошадь околѣла отъ сибирки. Караульного этого тоже везутъ къ Бакокину. Дорогой отъ Бакокина больной умеръ. Въ одинъ день два гроба! Но на другой день еще заболѣваетъ въ имѣніи кучеръ, который вмѣстѣ съ караульнымъ тащилъ больную лошадь изъ конюшни. Въ имѣніи образовалась паника! Прѣѣжаютъ ко мнѣ съ вопросомъ, есть ли у васъ какое либо средство отъ сибирки? и разсказываютъ всю исторію, что вотъ двое умерли, а третій заболѣлъ отъ сибирки. Я велѣлъ сейчасъ же привезти больнаго на пунктъ. У привезеннаго кучера была уже несомнѣнная сибирская язва на правой рукѣ, пониже локтя. Это была опухоль, развившаяся въ какіе нибудь три-четыре часа, бѣлаго, какого-то безжизненнаго вида, очень при томъ большая, болѣе, напримѣръ, чайнаго блюдца, приложеннаго къ рукѣ. На ощупь опухоль была твердая, какъ доска и въ середицѣ опухоли было черное вдавленіе, родъ чернаго пятна, величиной съ горошину. Это была уже несомнѣнна я сибирская язва, которую въ деревнѣ мнѣ пришлось видѣть еще въ первый разъ. Въ клиникахъ приходилось видѣть сибирку тоже рѣдко, тамъ бываетъ не больше одного или двухъ случаевъ въ годъ. Больнаго этого мнѣ

удалось спасти отъ вѣрной смерти. Человѣкъ онъ одинокій, жена и троє дѣтей. Я сдѣлалъ ему крестообразный разрѣзъ скальпелемъ на центрѣ опухоли и залилъ это мѣсто дымящейся азотной кислотой. Я хотѣлъ еще выжечь опухоль каленымъ желѣзомъ, но каутѣра для прижиганій не оказалось, а въ деревнѣ и кузни совсѣмъ не было. Я далъ еще больному на домъ азотной кислоты и посовѣтывалъ влить въ ранку нѣсколько ея капель, а предварительно въ кузнѣ выжечь это мѣсто еще каленымъ желѣзомъ. Такъ и случилось, что больной, отправившись въ свою деревню, пошелъ прямо въ кузнѣ. И, когда кузнецъ не согласился на такую операцию, больной самъ себѣ выжегъ жигаломъ средину опухоли, а по-томъ залилъ еще азотной кислотой. «Раскаленное желѣзо такъ не щипитъ, какъ ваши капли (кислота)», разсказывалъ онъ послѣ того. На другой день больной явился ко мнѣ уже совсѣмъ бодрый, опухоль стала опадать и сдѣлалась тѣстообразною. Вскорѣ онъ и совсѣмъ оправился. Другой случай сибирки, быть у меня послѣ того, спустя приблизительно годъ. У 16-ти лѣтнаго мальчика на лицѣ, около нижней скулы, въ какиѣ нибудь три часа образовалась опухоль, величиною съ кулакъ. Опухоль была твердая, какъ доска и въ срединѣ ея было черное углубленіе, точь въ точь, какъ у того кучера. Мальчикъ этотъ жилъ на хуторѣ и ходилъ за скотиной, гдѣ и заразился. Его немедленно привезли ко мнѣ, но отъ меня сейчасъ же хотѣли везти къ Баковину, когда я сказалъ, что у него сибирка. Едва-едва удалось удержать отъ этого и оставить его у себя въ лѣчебницѣ. Эту сибирку у мальчика и самъ выжигалъ калѣннымъ желѣзомъ. Нашелъ какую то толстую проволоку, раскалилъ ее тутъ же на угляхъ и выжегъ. Опухоль сейчасъ же начала нѣсколько опадать и сдѣлалась мягкою, тѣстообразною. Но потомъ опять сейчасъ же начала твердѣть, и больному сдѣлалось хуже. Тогда я взялъ большой, толстый гвоздь и сталъ выжигать имъ. Такихъ сеансовъ выжиганій пришлось сдѣлать больному четыре или пять. Ночью былъ небольшой бредъ. Утромъ я еще въ послѣдній разъ сдѣлалъ выжиганіе, и больному совсѣмъ полегчало. Теперь онъ живъ и здоровъ и даже уже женился. Третій случай сибирской язвы былъ въ селѣ Курбатовѣ. Больную привезли ко мнѣ послѣ того, какъ цѣлыхъ три дня возили по разнымъ заговорщикамъ. У трехъ заговорщиковъ перебывала больная. Когда узналъ управляющій имѣніемъ, то велѣлъ ей везти на пунктъ. Её привезли еле живую, и извозчикъ помогъ ей взобраться на печку въ кухнѣ приемнаго покоя. Мы насилиу потомъ стащили ее съ печи. Больная настолько была уже плоха, что я не рѣшился сдѣлать ей выжиганія. Она умерла на тотъ же день. Время было упущенное, виной всему заговорщики и невѣжество.

Кромъ Бакокиныхъ, заговариваетъ сибирку еще одинъ мужикъ въ деревнѣ Шишкиной. Послѣ заговора мужикъ этотъ завертываетъ большое мѣсто листовымъ табакомъ. Послѣднее продолжаются, впрочемъ, очень многие заговорщики сибирки. Отъ листового табаку, обыкновенно, получается такое разъѣденіе больного мѣста, что больные послѣ того очень долго страдаютъ. И это, конечно, происходитъ больше отъ того, что заговорщики прикладываютъ табакъ не на сибирскую язву, а на чирей, напримѣръ, на нарвы, на рожу и т. под. Въ особенности, листовой табакъ ужасно вредно дѣйствуетъ на рожу (*erisipelas*). Въ моей практикѣ было, между прочимъ, два такихъ случаевъ. Такъ, одинъ крестьянинъ изъ сосѣднаго села пріѣхалъ ко мнѣ съ больною ногой, на которой была рожа. Я такъ больному и сказалъ, что у него рожа. Онъ, очевидно, мнѣ не повѣрилъ и спросилъ меня: «а что это не сибирка»? Я постарался его разуверить въ этомъ, но оказалось, напрасно. Нужно замѣтить, что недѣли за двѣ передъ тѣмъ, у меня лѣчился отецъ этого крестьянина, у котораго была рожа на лицѣ и прошла благополучно. Тогда мнѣ повѣрили и не возили заговаривать, а въ этомъ случаѣ, оказывается, не повѣрили, потому что на ногѣ былъ темный волдырь. Больного прямо отъ меня повезли къ Шишкинскому заговорщику, и тотъ ему всѣ болѣе мѣсто обернулъ своимъ излюбленнымъ листовымъ табакомъ, отчего сдѣлалась сильнѣйшая боль и такое разъѣденіе, что мнѣ пришлось его мѣсяца четыре лѣчить потомъ. Онъ буквально долженъ былъ слечь въ постель и ужъ насили-насили поправился. Другой, подобный же случай былъ въ селѣ Костемеревѣ. Привели ко мнѣ изъ Костемерева женщину, у которой была рожа на рукѣ. Оказалось, что ее передъ этимъ возили къ заговорщику, и тотъ ей всю руку буквально растравилъ листовымъ табакомъ. Какъ известно, рожу нужно смазывать прованскимъ масломъ или посыпать мелкимъ порошкомъ изъ мѣлу или пудры для уменьшенія боли и раздраженія. А заговорщики прикладываютъ, вмѣсто того, прямо листовымъ табакомъ. Больная эта на другой же день потомъ умерла.

Кромъ описанныхъ, мнѣ известенъ еще одинъ очень интересный заговорщикъ изъ смежнаго уѣзда, села Попленина, который такъ же заговариваетъ и лѣчить сибирку. Но заговорщикъ этотъ—хирургъ, онъ вырывается сибирку. Отъ него у меня на пунктѣ была одна больная женщина, и что только онъ съ ней натворилъ,—трудно описать. Онъ эту несчастную женщину буквально всю изрѣзalъ и сжегъ такъ называемой царской водкой (смѣсь азотной дымящейся кислоты съ соляной). Царскую водку въ деревнѣ возятъ всѣ торгаши и продаютъ очень свободно. Съ первого раза, при видѣ этой боль-

ной, я даже было струсила не на шутку. Что это? Черная оспа? Антоновъ огонь? Картина для меня была невиданная и потому не понятная. Больная еле стояла на ногахъ. Она вся буквально была покрыта чёрными пятнами, величиною отъ серебрянаго двугривенного до мѣднаго пятака. Черные эти пятна имѣли какой то особый, провалившійся видъ. «Что это? Отчего это?» съ изумленіемъ спрашивала я. Оказалось, что заговорщикъ всю её изрѣзаль ножемъ и сжегъ какою то ядовитой жидкостью, въ родѣ азотной или сѣрной кислоты. На обѣихъ ногахъ, на обѣихъ грудяхъ, на тѣлѣ, на шеѣ, словомъ по всему тулowiщу и конечностямъ были разбросаны эти страшныя, черныя пятна. Кромѣ того, какъ кислота текла, такъ все тѣло внизъ отъ мѣста прижиганія, представлялось красными, обожженными линіями. Вѣроятно заговорщикъ жегъ свою жертву совсѣмъ пьяный. Господинъ хирургъ ухитился даже еще больше. Онъ на груди (и таттва) у больной вырѣзаль кусокъ мяса, величиною въ пятакъ, и въ срединѣ его и все это мѣсто сжегъ кислотою. Совсѣмъ то онъ не отрѣзаль этого куска, а просто глубоко округлилъ его ножемъ и сжегъ, — все это такъ и виситъ. Такіе же висячіе, обожженные куски были и на ногахъ. Больная эта была съ ребенкомъ, она недавно только передъ тѣмъ родила. Кормить грудью она не можетъ, потому что правая грудь вся изранена и сожжена, лѣвая тоже значительно обожжена. Ребенокъ кричитъ, а она и держать то его не можетъ, отдала подержать другимъ. Словомъ ужасная, грустная картина. Волость дыбомъ станетъ даже у привычнаго къ такимъ картинамъ! Въ этомъ отношеніи трудно и тяжело быть земскимъ врачемъ. Столичнымъ нашимъ товарищамъ гораздо легче жить и при томъ еще пожинать лавры. А у насъ все одни терпії. Страстей то однихъ сколько напринимаешься! Надо замѣтить, что за свою операцио хирургъ этотъ получилъ съ больной три рубли деньгами и полштофъ водки. Трудно было мнѣ опредѣлить, что была за болѣзнь, съ которой эта несчастная женщина отправилась къ заговорщику, такъ какъ, какъ сказано было выше, она вся была изуродована. Но изъ ея разсказа, что у ней по тѣлу выскакивали все свѣтлые, водяные пузыри, можно было заключить, что, во всякомъ случаѣ, тутъ не было даже и признаковъ сибирской язвы, а просто былъ или пузырчатый лишай (*herpes*) или же, что всего вѣрѣ, такъ называемая, пузырчатая сыпь (*pemphigus*), которая, какъ извѣстно, бываетъ очень часто послѣ родовъ, а то и такъ, безъ видимой причины. Я пословѣтывалъ больной этой лечь въ свою больницу, а потому судьбу ея дальнѣйшую мнѣ прослѣдить не пришлось. Послѣ, я было хотѣлъ преслѣдоватъ по суду этого заговорщика, да раньше уже горькимъ опытомъ убѣдился, что преслѣдованіе это ни къ чemu не приведетъ. Я однажды уже преслѣ-

довольно было знахарку за отравление женщины супером, но знахарку эту полиция даже и не разыскала. Потомъ я узналъ случайно, что заговорщика этого Ржевский земской врачъ, какъ оказалось, уже преслѣдовалъ судомъ, должно быть за такую же его операцию, но потерпѣлъ фiasco. Это мнѣ передавалъ одинъ мой знакомый, и передавалъ, при томъ, въ такомъ смыслѣ, что вотъ моль господа врачи не помогаютъ въ сибиркѣ, а простой мужичекъ, въ Поплевинѣ, помогаетъ, и его же преслѣдуютъ эти господа-врачи.

Въ заключеніе о заговорщикахъ, я долженъ еще упомянуть здѣсь о заговорщикахъ собачьяго бѣшенства. Но такихъ заговорщиковъ въ нашемъ районѣ очень мало, почти совсѣмъ рѣдкость. Хотя, знаменитый въ этомъ отношеніи, помѣщикъ Левашовъ жилъ и по сосѣдству отъ меня, но теперь, говорить, его уже не стало. Секретъ свой, будто бы, кому то онъ передалъ изъ своихъ служащихъ. Можетъ быть, со временемъ мнѣ и удастся узнать этотъ секретъ, но очень жаль, что судьба всѣхъ этихъ секретовъ такова, что они дѣйствуютъ только до тѣхъ поръ, пока не узнали ихъ другіе. Помѣщикъ Левашовъ лѣчилъ отъ бѣшенства, говорить, травой, которую Ѳла въ полѣ его сбѣсившаяся собака. Въ народѣ есть повѣрье такого рода, что бѣшная собака сама можетъ найти въ полѣ такую траву, которую съ жадностію будетъ есть и отъ этой травы выздоравливаетъ. Вотъ эту то траву и подмѣтилъ дворовый человѣкъ Левашева, когда Ѳла бѣшная собака. Баринъ сталъ набирать этой травы, сушилъ ее и давалъ ей больнымъ есть вмѣстѣ съ хлѣбомъ.

Кромѣ того я зналъ еще въ Данковскомъ уѣздѣ старого военного фельдшера, который тоже лѣчилъ отъ бѣшенства. Онъ тоже зналъ какой то заговоръ отъ бѣшенства и кромѣ того, у людей укушенныхъ бѣшеной собакой, разрѣзалъ мизинецъ лѣвой руки и пускалъ изъ него кровь и этимъ помогалъ, говорить.

На самомъ же дѣлѣ трудно вѣрить въ дѣйствительность этихъ заговоровъ отъ водобоязни и такъ называемыхъ, народныхъ средствъ отъ этой странной болѣзни. Средствъ этихъ въ разное время (все секретныхъ, по большей части) было предложено, какъ говорить профессоръ Синицынъ (по Тафоли) 938 предметовъ изъ 9 царствъ природы. Всѣ эти средства оказались бесполезными. Но какъ же объяснить то обстоятельство, что, по народной молвѣ, наши доморощенные заговорщики и знахари хорошо помогаютъ отъ водобоязни? А дѣло то въ томъ, оказывается, что не всякий человѣкъ, укушеннный бѣшной собакой, непремѣнно ужъ заболѣть водобоязнью. Вотъ на этотъ то фактъ въ публике и обращаютъ очень мало вниманія. Въ дѣйствительности же ока-

зывается, что человѣкъ очень мало воспріимчивъ къ яду собачьяго бѣшенства, а потому и не всегда заболѣваетъ водобоязнью, если бы даже укусила его дѣйствительно бѣшеная собака или волкъ. А на дѣлѣ то иногда даже и такъ бываетъ, что укусившая собака была не бѣшеная, да это случается, по моему мнѣнію, гораздо чаще, чѣмъ съ бѣшеной собакой. Но если, предположимъ, собака была и бѣшеная, то вѣдь возможно, что слюна ся не попадеть въ укушенную ей рану, что часто бываетъ, когда собакакусаетъ чрезъ платье. Бываетъ даже и такъ, что и слюна попадеть въ ранку, но человѣкъ не заражается ядомъ, потому что есть люди совершенно невоспріимчивые къ тому или другому яду. Такъ одинъ заболѣваетъ, напримѣръ, тифомъ, другой нѣтъ; одинъ получиль чахотку, другой же и ходить за нимъ, но не заражается туберкулѣзными бациллами. Кромѣ того, многія язвы болѣе свойственны человѣку и вовсе не свойственны животнымъ, другія наоборотъ. Такъ сифилитическій ядъ болѣе свойственъ человѣку, а къ животнымъ онъ совсѣмъ не прививается. Ядъ же собачьяго бѣшенства, наоборотъ, скорѣе прививается, къ собакѣ или волку, а къ человѣку очень мало. Вотъ что говорить обѣ этомъ предметѣ профессоръ Московскаго унив. г. Синицынъ. «Если о воспріимчивости человѣка къ бѣшенству судить по отношенію числа укушенныхъ къ числу заболѣвшихъ, то необходимо сознаться, что воспріимчивость эта не велика. По Гентеру, изъ всего числа укушенныхъ бѣшеной собакой, заболѣваетъ бѣшенствомъ только 5 %. Тотъ же % признаетъ и Ленгосекъ. По статистикѣ Фабера, на долю заболѣвшихъ приходится 20 %, по Фезергилю же одинъ заболѣвшій на 17 укушенныхъ (т. е. около 7 %). Относительно волковъ Синицынъ приводить двѣ статистики. «По Рено, число укушенныхъ бѣшенымъ волкомъ, къ числу заболѣвшихъ, выражается 33 %, а Цепье говорить, что одинъ волкъ искусалъ 17 человѣкъ, и 10 изъ нихъ умерли». Выводя изъ этой статистики средній %, получится около 10 % заболѣваемости для собакъ, и около 33 % для волковъ. Значить заговорщикамъ можно успѣшно лѣчить бѣшенство: изъ 100 случаевъ заговорщикъ навѣрное 90 человѣкъ вылѣчитъ, % для него очень хороший.

Въ настоящее время всѣ наши земства стали посыпать укушенныхъ бѣшеною собакой или волкомъ или къ самому Пастѣру въ Парижъ или въ отечественные лѣчебницы для прививки по Пастѣру. Это, несомнѣнно, болѣе рационально, чѣмъ лѣчиться у заговорщиковъ. Хотя, конечно, очень жаль, что и изъ пріѣхавшихъ отъ самого Пастѣра многіе укушенные все-таки умираютъ отъ бѣшенства. По крайней мѣрѣ въ газетахъ не разъ приходится читать, что въ такомъ то городѣ умеръ отъ бѣшенства

такой то, ъездившій къ Пастѣру въ Парижъ лѣчиться, и такихъ, къ несчастію, очень много. Современемъ статистика опредѣлить, конечно, и у Пастѣра извѣстный % смертности. Но теперь пока это быть можетъ, и преждевременно. Еще болѣе жаль, конечно, что отъ бѣшеныхъ волковъ Пастѣръ, какъ извѣстно, почти совсѣмъ отказался. Это все надѣдало Бѣльское земство, пославши туда извѣстныхъ Смоленцевъ. По газетамъ я считалъ, что между Смоленцами, ъездившими къ Пастѣру было тоже что-то около 30% смертности. И я еще удивляюсь, какъ эти самые Смоленцы не напугали тамъ всѣхъ Парижанъ своею секретною болѣзнью и своими костюмами. Еще миролюбивы, оказывается, къ намъ русскимъ друзья французы. Ужъ лучше бы, дѣйствительно, не ъздить Смоленцамъ въ Парижъ, до нихъ тамъ какъ хорошо все обстояло! Лѣчились бы они у своихъ доморощенныхъ заговорщиковъ.

III.

Нѣкоторую противоположность заговорщикамъ крови, описаннымъ въ предыдущей главѣ, составляютъ кровопускатели или рудомѣты. Кровопусканіе довольно сильно распространено въ простомъ народѣ. Можно сказать даже и больше: это средство иногда составляетъ излюбленное цѣлебное средство мужика отъ многихъ недуговъ. Самый простой способъ производства кровопусканія въ деревнѣ состоять въ такъ называемомъ накидываніи мохотки. Мохотку накидываютъ, въ большинствѣ случаевъ, сухую, но иногда, случается, и кровососную. Операцио́нную эту постоянно продѣлываетъ въ деревнѣ всякая бабка. Но кромѣ накидыванія мохотки, въ деревнѣ часто практикуются и всѣ другіе виды кровопусканія. Такъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Скопинскаго уѣзда есть субъекты, которые сами разводятъ пьявокъ и сами приставляютъ ихъ больнымъ. Нѣкоторые пускаютъ кровь бритвой или ножемъ изъ венъ руки, а иногда даже и ноги. Но чаще всего кровопусканіе практикуется въ видѣ кровососныхъ банокъ, которые ставятъ больному на спину или вообще на большое мѣсто, на ногу, на шею и проч.

Кровопусканіе ведеть свое начало еще изстари. Прежніе старые врачи практиковали его очень часто. Гдѣ нынѣшніе врачи и не думаютъ ставить банки или пускать кровь, тамъ прежде, какъ извѣстно, вездѣ ставили банки, или пускали кровь. Старые врачи вездѣ видѣли дурную кровь и дурную матерію (*materia peccans*) и потому всюду старались освободить отъ нея человѣка. Я не спорю, что у прежніаго человѣка, быть можетъ, было и больше дурной крови, но не правда ли, что вѣдь и нынѣ ея очень много? А тѣмъ не менѣе, нынѣ стало практиковаться не то, что

прежде. Нынѣшніе врачи ставятъ банки очень рѣдко и больше все обходятся, напримѣръ, намазыванія юдомъ; это и гораздо короче и полезнѣе для большаго. Въ доброе старое время всѣ помѣщики, напримѣръ, кидали себѣ кровь или ставили банки, а иѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, даже держали при дворныхъ, такъ сказать, рудомѣтовъ, которые выбирались изъ ихъ дворовыхъ людей. Рудомѣты эти въ извѣстные, опредѣленные сроки должны были отворять изобильную кровь своему барину. Теперь эти придворные рудомѣты, конечно, всѣ уже вывелись изъ обращенія, да и вообще современные помѣщики почти-что перестали заниматься кровопустаніемъ. Въ простомъ же народѣ оно все еще и нынѣ практикуется и хотя не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ прежде, но все же можно сказать практикуются часто. Въ народѣ кровопусканіе перешло, по моему, черезъ военныхъ больше фельдшеровъ, какъ и вообще знахарство. Служа въ военной службѣ, фельдшера эти въ прежнее время исключительно почти занимались кровопусканіемъ по рецептамъ своихъ врачей, столь часто прибѣгавшихъ къ кровопусканію во всѣхъ болѣзняхъ. По выходѣ изъ военной службы, фельдшеръ, обыкновенно, поселяется въ своей деревнѣ и все таки не бросаетъ медицину. Но спрашивается, чѣмъ будешь лѣчить фельдшеръ въ деревнѣ? Лѣкарства у него нѣть, а какіе медикаменты онъ принесетъ съ собой изъ службы, тѣ, конечно, сейчасъ же всѣ и разойдутся. По фельдшерскому рецепту аптека городская рѣдко отпустить, да въ аптекѣ лѣкарство для мужика и дорого стоитъ, а лѣчить все таки нужно, больныхъ не отгонишь. Вотъ тутъ то и является на помощь машинка для кровососныхъ банокъ, которую фельдшера, обыкновенно, приносить съ собой изъ службы, а, за неимѣніемъ машинки, служить для этой цѣли простой скальпель или даже бритва. Банками этими фельдшеръ можетъ удовлетворить такую массу пациентовъ и при томъ съ такою видимою для нихъ пользою, что ему и больному его и желать больше нечего. Такимъ образомъ, какой бы больной ни являлся къ фельдшеру, почти всякому онъ ставить свои банки или, что рѣдко, производить кровопусканіе изъ венъ. Вѣдь банки хорошо помогаютъ и при ушибѣ и при всѣхъ вообще воспаленіяхъ, при ломотѣ, ревматизмѣ, невралгіяхъ и проч. Словомъ, наберется очень большой кругъ болѣзней, гдѣ очень хорошо, а главное скоро помогаютъ банки. А лѣкарство это у фельдшера всегда имѣется подъ рукой и при томъ неистощимое лѣкарство, что для деревни главнѣе всего. Но кромѣ всего этого нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что человѣкъ, однажды поставившій себѣ банки, долженъ черезъ извѣстные промежутки времени непремѣнно продолжать эту операцию; иначе начинаютъ дѣлаться большия приливы крови, напримѣръ, къ головѣ, спинѣ или къ поясницѣ, съ чрезвычайно дур-

ными и неприятными при томъ послѣдствіями. Это значитъ еще новая пища для рудомѣта. Его пациентъ. значитъ, будеть не случайный, не временный, а постоянный пациентъ, который безъ кровопусканія потомъ жить не можетъ. Да кромѣ того, всякий мужикъ, однажды по какому либо случаю подвергшійся кровопусканію, помнить потомъ очень хорошо, какъ ему тогда помогло это средство; въ другой же разъ оно должно еще больше помочь отъ накопившагося уже излишка крови, и такъ пойдетъ все далѣе и далѣе т. е. кровь и кровь. И действительно, въ деревнѣ мнѣ приходится встрѣчать массу такихъ больныхъ, которые жалуются, по большей части, на боль головы, и при томъ невыносимую боль, а то на тяжесть и боль въ поясницѣ. Никакія медицинскія средства обыкновенно не помогаютъ въ такихъ случаяхъ. Но спроишь больнаго, ставилъ ли онъ когда либо себѣ банки? Больной, обыкновенно, отвѣчаетъ, что ставилъ банки или бросаль кровь изъ руки или ноги. Единственное облегченіе больному въ данномъ случаѣ, это муха къ затылку, или даже, и это въ большей части случается, опять банки на поясницу. Безъ нихъ въ такомъ случаѣ обойтись бываетъ положительно невозможно, потому что страданіе больнаго нестерпимое и ничѣмъ больше не поправимое. Всякій такой больной представляетъ изъ себя хроническое отравленіе банками, если можно такъ выразиться.

Въ настоящее время фельдшера рудомѣты ставятъ банки всетаки съ опаской, потому что знаютъ, что кровопусканіе безъ рецепта врача запрещено закономъ, да и самые врачи рѣдко нынѣ стали къ нему прибѣгать, а потому обыкновенно ужъ ставятъ банки тайкомъ, чтобы никто не зналъ. Но все же, какъ мнѣ передавали, у одного скопинскаго городскаго фельдшера рудомѣта иногда бываетъ въ день человѣкъ десять, пятнадцать больныхъ, и всѣмъ онъ ставить свои банки.

Отъ фельдшеровъ рудометовъ операциѣ кровопусканія перешла и къ простымъ смертнымъ, и ею прежде всего стали заниматься цирюльники. Я еще недавно видѣлъ въ нашемъ городѣ, на выѣзѣ у цирюльника, картины кровопусканія изъ руки съ различными внушительными деталями и экспрессіей. Кровь изъ руки, какъ нарисовано на выѣзѣ, бѣть даже фонтаномъ. Нѣкоторые цирюльники даже занимаются и зубоврачеваніемъ, т. е. дерганіемъ зубовъ. Вообще же нужно бы давно обратить на цирюльниковъ особенное вниманіе; къ тому же инструменты свои они держать въ граномъ, отвратительномъ видѣ. Мнѣ самому раза два приходилось случайно видѣть ихъ инструменты и даже присутствовать на операциѣ дерганья зубовъ.

Кромѣ этихъ патентованныхъ, такъ сказать, рудометовъ, въ Скопинскомъ уѣздѣ, мнѣ известны еще очень многія личности, которые занимаются крово-

пусканиемъ. Такъ напримѣръ, я зналъ одного управляющаго имѣніемъ, въ селѣ Серговицнѣ (бывшій дворовый человѣкъ), который всѣмъ своимъ лошадямъ и всѣмъ своимъ служащимъ и постороннимъ пациентамъ, во множествѣ обращавшимся къ нему, всѣмъ бросалъ изъ руки кровь. Я помню одну истерическую горничную его барыни, которой этотъ самый управляющій (его теперь уже нѣть въ живыхъ) пустилъ изъ руки кровь своимъ перочиннымъ ножемъ, и она на другой же день сопла съ ума. Хотя послѣдовательность явленій и нельзя всегда принимать за причинную ихъ связь, но тѣмъ не менѣе послѣдовательность въ данномъ случаѣ была многознаменательная.

Интересно, что кровопусканиемъ въ деревнѣ занимаются иногда простыя деревенскія бабы. Такъ, въ селѣ Богородицкому, одна баба ставить банки даже безъ машинки, а просто прорѣзаетъ сначала на спинѣ своего пациента ранку своей бритвой, а потомъ и приставляетъ сюда банку. Смѣлая, значитъ, и бѣдовая эта баба.

Піявки ставить здѣсь только одна женщина въ селѣ Черныхъ Курганахъ. Она сама разводитъ піявокъ и ставить ихъ всѣмъ безъ исключенія и разбора. Какой бы къ ней мужикъ или баба, ни явился, всѣхъ угощаетъ піявками. Помню, однажды я пріѣхалъ въ село Серговицу на эпидемію скарлатинѣ. Вхожу въ одинъ домъ, лежать два больныхъ мальчика въ скарлатинѣ, а третій уже умеръ и лежитъ уже въ переднемъ углѣ. При осмотрѣ дѣтей я замѣтилъ у нихъ подъ горломъ какія то язвы, покрытныя сильно дифтеритическимъ налетомъ. Я спросилъ, отчего это? Оказалось, что была эта женщина изъ Курганъ и приставляла на шею больныхъ дѣтей піявокъ. За бабой этойѣ здѣси сами родители больныхъ дѣтей, по совѣту мѣстнаго дѣячка.

Плата рудометамъ за приставленіе банокъ или піявокъ обыкновенно бываетъ довольно изрядная. Иногда платятъ копѣекъ 10 или и даже 15 за каждую банку или піявку. Вся операція кровопусканія по этому всегда обходится копѣекъ въ 50 или около рубля, потому что рудометы въ большинствѣ случаевъ ставятъ банокъ пять или даже десять за разъ. Имъ чѣмъ больше, тѣмъ выгоднѣе.

IV.

Юродивыхъ народъ очень любить, въ особенности, большую склонность къ нимъ имѣютъ бабы. Юродство на землѣ,—счастье на небесахъ, по понятію народному. Юродивый—это Божій человѣкъ. Къ юродивымъ чаще всего возятъ больныхъ съ нервными болѣзнями и психопатами, душевно

больныхъ. Болѣе возасть, напримѣръ, дѣтей съ «молоденской» болѣзнью («молоденская» — родимчикъ, eclampsia), одержимыхъ падучей болѣзнью (epilepsia), «порченыхъ» женщины т. е. истеричныхъ (hysteria — порча, по народному), сумасшедшихъ, алкоголиковъ и т. под. По народному возвѣщенію во всѣхъ такихъ больныхъ вселяется нечистый духъ, дьяволъ. По этому ихъ и вылечить можетъ только Божій человѣкъ, юродивый, святоша. Такъ что, если захари по преимуществу сифилидологи, т. е. врачи по сифилису, то юродивы и угады по преимуществу врачи — пейропатологи, врачи по первыи болѣзнямъ.

Особенной славой изъ всѣхъ юродивыхъ въ нашемъ околодѣтъ пользуется, такъ называемая **Маша Мухановская**. Это дѣвушка лѣтъ сорока или сорока пяти, живетъ она постоянно въ Мухановѣ, деревнѣ Данковскаго уѣзда, въ отдалѣнной маленькой избушкѣ. Наружный видъ этой Маши просто ужасный. Руками она постоянно конвульсивно разводить, губами и всѣми чертами лица постоянно выдѣльвать разныя причудливыя гримасы, всѣмъ корпусомъ какъ то перегибается, при чемъ пальцами рукъ какъ то особенно перебираеть, глаза морщить и заводить подъ лобъ. Изо рта у Маши постоянно текутъ слюни, отъ которыхъ у ней всегда мокрый весь подбородокъ, а отсюда внизъ и вся одежда буквально мокрая отъ слюнѣй. Юродство словомъ полное во всѣхъ отношеніяхъ.

Больныхъ у Маши всегда бываетъ много, рѣдкій день бываетъ пять — десять подводъ, а то и больше. Но пѣшковаго народу обыкновенно бываетъ гораздо больше, чѣмъ на подводахъ, потому что главный контингентъ Машиныхъ поклонниковъ, деревенскія бабы въ большинствѣ случаевъ любятъ ходить лѣчиться пѣшкомъ, и при томъ всегда не въ единственномъ числѣ, а почти всегда во множественномъ и рѣдко въ двойственномъ. Картина такого пѣшаго хожденія полѣчиться къ Машѣ всегда можно наблюдать преимущественно весною или лѣтомъ. Иногда бабы эти ходятъ къ Машѣ изъ за какихъ нибудь семейныхъ непрѣятностей, а то изъ пустяковой какой нибудь болѣзни. Но преимущественно возасть къ Машѣ больныхъ съ первыми болѣзнями, въ особенности «порченыхъ», съ «молоденской» и пр., какъ и ко всѣмъ юродивымъ. Платы никакой, говорятъ, Маша не беретъ, развѣ что на свѣчи. Но это только такъ говорятъ. На самомъ же дѣлѣ родственники Машины безъ приноса никого къ ней недопускаютъ, каковыи приносомъ сами и пользуются. Лѣчить Маша всѣхъ своихъ пациентовъ однимъ и тѣмъ же лекарствомъ, а именно водой. Это до нѣкоторой степени въ родѣ барона Бревескаго цѣлебная невская вода, которая начала проникать уже и въ нашу пустынью. Я не хочу этимъ сказать, чтобы кто либо изъ помянутыхъ захарей

т. е. баронъ ли Вревскій или Маша Мухановская заимствовали одинъ у другаго систему своего лѣченія. Нѣтъ. Мнѣ думается напротивъ каждый изъ нихъ добился до своего лѣкарства самостоительно. Да и чѣмъ же, спрашивается, и лѣчить Машѣ, какъ не водой? Развѣ Маша знаетъ какое либо лѣкарство? Да развѣ наконецъ за лѣкарство то не отвѣтишь передъ начальствомъ? А вода,—это вещь безвредная, всѣмъ людямъ въ потребу. Воду пить всѣмъ дозволяется, а значитъ и лѣчить водой тоже разрѣшается, какъ не содержащую въ своемъ составѣ вредныхъ веществъ. За медикаментами нужно быватьѣхать въ Москву, а этотъ медикаментъ всегда дома, всегда подъ руками. Да и помогаетъ хорошо. Чего же больше? И спрось хорошій... Воду свою Маша приготавляетъ довольно просто. Беретъ корецъ или чашку воды, пускаетъ туда свой крестикъ, а иногда просто уголекъ, прочитаетъ молитву, и вода готова. Воду эту можно и пить и умываться ей, примачивать больное мѣсто и проч. и проч. Но главное назначеніе Машиной воды, чтобы Маша сама своей водой умыла больнаго. Умоесть Маша больнаго, ну, говорятъ, и полегчаетъ. И отъ глазиши бываетъ полезна, и отъ порчи и чуть не отъ всякой болѣзни. Словомъ, все это лѣченіе такъ просто, но всегда такъ полезно и хорошо для всякаго человѣка.

Интересная юродивая была такъ же въ селѣ Подовечье, Скопинскаго уѣзда Аннушка. Это была дѣвушка лѣтъ тридцати. Аннушка вся была буквально голая, т. е. безъ всякаго платья и покрова. Отъ курной избеной копоти, тѣло у Аннушки было все черное. «Она была черная, какъ шахтёрь», какъ выражаются обѣ ея очевидцы. Аннушку, очевидно, никогда не мыли. Жила юродивая на дворѣ въ особой избушкѣ, маленькой до невозможности и специально сдѣланной для нея. Въ этой специальной избушкѣ она была привязана на желѣзной цѣпѣ въ родѣ того, какъ собакъ привязываютъ. Въ стѣнку избушки было вбито желѣзное кольцо съ большою желѣзною цѣпью, и этой цѣпью за поясъ была привязана юродивая. Аннушка въ своей избушкѣ лежала постоянно, говорятъ, на особыхъ палатахъ, которыхъ состояли только изъ двухъ дощечекъ. Съ этихъ палатей она никогда не слѣзала, да и не могла слѣзть, такъ они были устроены. На палатахъ она лежала даже и въ то время, когда курная ея избушка топилась, значитъ, въ страшномъ дыму и копоти. Лѣкарства Аннушки никакого не давала. Она только узнавала, что за болѣзнь у пришедшаго. По представлению народному, она была юродивая и въ тоже время угадѣ, потому что лѣкарства никакого не давала. Пришедшему къ ней Аннушка всегда говорила всего 2—3 слова и больше ничего, и то еще, когда пристрашаютъ ея ея родные, а то пожалуй ничего не скажетъ. Въ настоящее время край нашъ лишился этого угада. Аннушка недавно умерла. Изъ угадовъ мнѣ известенъ еще только одинъ мужикъ,

который живеть гдѣ то около села Богородицкаго, Скопинскаго уѣзда. Къ нему, говорять, тоже очень много простаго народу ходить. Мужикъ этотъ даже не юродивый, а просто угадъ. Онъ узнаеть, что за болѣзнь у пришедшаго, угадаетъ, кто произвелъ кражу лошади, угадаетъ жениха невѣсты. Какъ оказывается, всѣмъ больнымъ, приходящимъ къ нему, онъ говорить почти одно и тоже. Одному говорить,—въ тебѣ простуда, другому—въ тебѣ порча, и больше, кажется, ничего не знаетъ. Славой особой онъ и не пользуется, какъ другое.

Къ числу юродивыхъ здѣсь еще причисляютъ (или вѣрѣю онъ самъ себя причислять къ юродивымъ) одного какого то монаха, который, впрочемъ, живеть не въ монастырѣ, а въ міру, въ своей родной деревнѣ Горожанѣ, Данковскаго уѣзда. Почему монахъ этотъ удалился въ міръ, къ прецести Вааловой, неизвѣстно. Отъ своей семьи онъ живеть врозь, въ отдѣльной кельѣ, въ которой, говорить, много разговоръ и стоять даже нѣчто въ родѣ аналоя. Человѣкъ Божій больше принимаетъ больныхъ женщинъ и преимущественно съ женскими болѣзнями. Такимъ образомъ онъ больше въ рачѣгинекологъ. Про него ходить много разговоровъ и все романическаго свойства. Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ можно вывести безошибочное заключеніе, что онъ, по всей вѣроятности, въ своей душѣ страстный донъ-жуанъ. Такъ кромѣ больныхъ женщинъ, къ нему ходятъ еще деревенскія дѣвушки спрашивать про своихъ жениховъ. Монахъ всякую такую пациентку сначала, говорить, обласкаетъ и разговорится съ ней, что называется, честь-честью. Тѣмъ временемъ онъ даже поставить самоваръ и всегда посадить свою пациентку съ собой пить чай, за которымъ идутъ, по всей вѣроятности, душеспасательные разговоры. Говорятъ, очень многія дѣвушки дѣйствительно узнаютъ своего жениха.

V.

Пятую и послѣднюю категорію народныхъ лѣкарей составляютъ колдуны. Я потому ихъ поставилъ вслѣдъ за юродивыми, что колдунъ составляетъ совершенную противоположность юродивому. Какъ юродивый признается въ народѣ человѣкомъ, Божіимъ, такъ, напротивъ того, колдунъ признается человѣкомъ, который знается съ самимъ чѣртомъ и отъ него получаетъ свое колдовство; какъ сказано выше, юродивые больше лѣчать людей «порченыхъ», т. е. порченыхъ злымъ духомъ. Но духъ то злой дѣйствуетъ на человѣка не прямо, не непосредственно, а透过 колдуновъ или иногда просто透过 злыхъ людей. Злому человѣку, а въ особенности колдуну доста-

точно бываетъ иногда посмотрѣть на хорошаго человѣка, чтобы сейчасъ же его сглазить, чтобы съ нимъ что либо случилось неладное. Поэтому злыхъ людей, а въ особенности, колдуновъ нужно стараться какъ ни можно избѣгать и съ ними даже и не встрѣчаться, чтобы не быть ими испорченнымъ, чтобы они не сѣѣли съ глазу. Но для того, чтобы испортить человѣка, который даже и не встрѣчается съ колдуномъ, послѣдній иногда прибѣгаетъ къ такому средству, что съ нимъ нельзя не встрѣтиться. Колдунъ прикидывается оборотнемъ, т. е. обращается напримѣрь бараномъ или лошадью и, въ такомъ видѣ, все таки можетъ встрѣтить свою жертву и испортить, а самъ при этомъ разсыплется, такъ что его и сѣѣдъ простынетъ.

И такъ по народному понятію, юродивые и колдуны находятся между собой въ постоянной враждѣ, антагонизмѣ. Отсюда вытекаетъ, что и средства лѣченія, какъ юродивыхъ, такъ и у колдуновъ, должны быть несомнѣнно разныя. Такъ какъ юродивые лѣчать при помощи имъ близкаго Духа Божія, то они въ свою воду пускаютъ крестикъ, читаютъ надъ ней разныя молитвы, а то и просто помогаютъ однимъ своимъ словомъ, такъ какъ они считаются одаренными отъ Бога особою благодатью. Колдунъ же, напротивъ, лѣчить злымъ духомъ, онъ съ чѣртомъ знается, а потому всѣмъ своимъ пациентамъ во время своего колдовства велитъ снимать крестъ, и молитвъ, понятно, никакихъ не творить. Да и какая ужъ тутъ молитва? И пациенты у колдуна встрѣчаются больше такіе, гдѣ нуженъ самъ чѣртъ. Такъ напримѣрь, къ нему ходятъ беременные женщины, съ цѣлю изгнанія плода; влюблённые женщины ходятъ къ колдуну съ цѣлю привратить къ себѣ предметъ своей любви, когда не встрѣчаютъ въ этомъ предметѣ столь дорогой для нихъ взаимности. Любовь вѣдь тоже есть дьявольское наважденіе на человѣка? По колдунамъ еще ходить съ такою болѣзнию, которая, по мнѣнію больнаго, получена имъ отъ самого же колдуна или просто отъ злого человѣка, такъ какъ, кромѣ юродиваго, только колдунъ можетъ исправить то, что онъ самъ сдѣдалъ. Такъ напримѣрь, колдунъ можетъ вылечить того человѣка, котораго испортилъ онъ самъ или другой какой колдунъ; можетъ вылечить такого, котораго сѣѣли съ глазу. Но кромѣ всего этого колдуны признаются въ народѣ одаренными особеною, имъ однимъ только присущею, специальную такъ сказать способностію присаживать человѣку килу. Колдунъ же можетъ и согнать килу, т. е. вылечить отъ ней. Килой называется въ народѣ опухоль, какая бы то ни было, и гдѣ бы то ни было, на лицѣ ли, на конечности или на тѣлѣ. Слово «кила», происходитъ несомнѣнно, отъ греческаго слова ἡ κῆλη, что значить, опухоль.

Слово это въ народъ попало, очевидно, изъ медицины, потому что въ медицинѣ это довольно употребительное слово для означенія опухолей, такъ hydrocele, водяная опухоль яичка, saccocoele и проч. Больные съ такой килой идутъ, обыкновенно, лѣчиться сначала къ своей бабкѣ-знахаркѣ. Если же та не помогаетъ, то идуть къ юродивому, т. е. стараются дьявольскую болѣзнь излѣчить Божескимъ лѣкарствомъ. Но потомъ, когда и юродивый не поможетъ, съ килой обращаются къ самому колдуну, чтобы онъ сгналъ свое нахожденіе. Нѣчто похожее на это продѣлываютъ многіе хронические больные. Они сначала идутъ лѣчиться къ обыкновенному врачу-аллопату, потомъ идутъ по монастырямъ, служать молебны. Наконецъ, когда ничто уже не помогаетъ, идуть къ гомеопату, который лѣчить подъ своимъ девизомъ,—клинъ клиномъ вы-бивай (*similia similibus curantur*) или даже и не лѣчить, а просто тоже умныхъ людей морочить.

И такъ по колдунамъ ходятъ больные уже послѣ всего, послѣ всѣхъ своихъ напрасныхъ мытарствъ и, обыкновенно, ходятъ не съ охотой. Кому же, правду, хочется знатьсѧ съ чертомъ, когда онъ и безъ того такъ страшенъ? По колдунамъ вообще ходятъ больные очень рѣдко и то больше ужъ съ неизлѣчимыми болѣзнями, когда больной готовъ лучше идти въ воду, чѣмъ въ могилу.

Въ народѣ есть колдуны, есть и колдуны, и послѣднихъ едва ли не больше, чѣмъ первыхъ. Но особенной славой изъ всѣхъ колдуновъ здѣсь славился Федотъ, въ селѣ Милославщинѣ, Скопинскаго уѣзда. Его то для примѣра я и опишу здѣсь. Федотъ когда то былъ военнымъ служителемъ при военному лазаретѣ. Поэтому онъ, говорять, зналъ кое-какія лѣкарства, но больше все таки добрыхъ людей морочилъ, т. е. колдовалъ. Фигура Федота была подходящая для колдуна. Онъ былъ какой то весь сгорбленный и при томъ разбитый параличомъ. По этому онъ совершенно не владѣлъ лѣвою рукой и правой ногой, такъ что постоянно ходилъ съ большими костылемъ, который ему удобно было держать здоровой правой рукой. На народѣ онъ впрочемъ почти не показывался и въ церковь никогда не ходилъ и даже 16 лѣтъ сряду не пріобщался Св. Таинъ. Послѣднему впрочемъ, можетъ быть много сподобствовало и то обстоятельство, что въ селѣ Милославщинѣ 12-ть лѣтъ не было священника и исправлять должность священника изъ села Измайлова, отстоящаго отъ него за 7 верстъ. Плохо въ деревни безъ священника! Спасибо, по новому положенію, церковь опять открыли и прислали опять своего священника. Впрочемъ Федотъ, подъ конецъ своей жизни, передъ самою смертью все же призвалъ священника, исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ и даже, говорять, и пособоровалъ. Громъ не грянетъ,

мужикъ не перекрестится, говорить русская пословица. Федотъ былъ очень известный по всей округѣ и, говорить, замѣчательный колдунъ. Ему даже изъ Петербурга писали письма, чтобы онъ присыпалъ еще побольше лѣкарства своего для приворота, потому что хотя и хорошо помогаетъ, но мало лѣкарства, не хватаетъ немного. Слава его сложилась больше отъ того, что всякаго пришедшаго къ нему Федотъ заставлялъ снимать крестъ, ибо только подъ этимъ непремѣннымъ условиемъ онъ и могъ колдовать. Во время своего колдовства Федотъ всякую бабу заставлялъ раздѣваться до нага, и при этомъ еще тоже велѣлъ снимать и крестъ. Въ такомъ положеніи, да еще и безъ креста, на бабу понятно нападалъ просто страхъ. Но Федоту это было и нужно, потому что всякая баба при этомъ невольно должна была догадаться, что передъ ней дѣйствительно никто иной, какъ колдунъ взаправду, потому что даже и крестъ велѣлъ снять. Мученицы эти бабы! Да, въ такомъ положеніи, по моему, умрешъ со страху!.. А она еще терпить. Но что же дѣлать, когда любовь мучить, не даетъ покоя? Тутъ ужъ нужно терпѣть по неволѣ.

Хитрый, дѣйствительно, человѣкъ былъ этотъ Федотъ. Какъ оказывается онъ всѣмъ своимъ пациентамъ давалъ одного и того же лѣкарства, а именно на говярной соли. Это простая соль, но на говяренная колдуномъ. Какъ ей колдунъ тамъ наговаривалъ, читалъ что ли чего надъ своей солью, ничего конечно неизвѣстно никому изъ смертныхъ, потому что колдуны при жизни никому не открываютъ своего секрета, а только передъ смертю передаютъ иногда этотъ секретъ, но рѣдко кто принимаетъ отъ нихъ такую страшную вещь, какъ колдовство. Но вѣроятнѣе всего, Федотъ просто шепталъ чего либо надъ своей солью и больше ничего не дѣлалъ; въ него и такъ вѣрили хорошо. Федотъ былъ всегда правъ. За соль передъ начальствомъ отвѣтить никогда не придется. Эта вещь всѣмъ доступная и сподручная. Такимъ образомъ, оказывается, все равно, что Маша Мухановская и баронъ Вревскій лѣчатъ водой, Кузьмичъ, извѣстный самарскій знахарь, лѣчили сѣномъ, а Федотъ лѣчили просто солью. Все это вещи познательныя, какъ познательно можетъ быть, и обманывать дураковъ. Да Федотъ, говорить, такъ даже и выражался всегда, что на его вѣкъ дураковъ хватить. И взаправду хватало.

Въ сосѣднемъ имѣніи Курбатовѣ кучерь былъ не въ ладахъ съ управляющимъ. Однажды, когда управляющій уѣхалъ на родину, кучерь отправляется къ Федоту съ просьбой приворотить къ нему управляющаго. Надо замѣтить, что управляющій этотъ былъ вполнѣ интеллигентный человѣкъ. Федотъ даетъ кучеру своей колдовской соли и велитъ ею посыпать постель упра-

вляющаго. Жена кучера была прачкой въ имѣніи и вотъ она, подъ предлогомъ, перемѣни бѣлъ на постели, всю эту постель и посыпала Федотовой солью. Когда хозяинъ пріѣхалъ, то его тотчасъ же предупредили, чтобы онъ не ложился на постель въ виду того, что она наколдована. Тотъ, конечно, не посмотрѣлъ на предупрежденіе, стражнуль съ постели соль и прескокойно легъ спать. На утро онъ уволилъ своего кучера. Тогда кучеръ отправился опять къ Федоту, и говорить ему, что его уволили. Колдунъ и на этотъ разъ завертываетъ въ тряпичку той же своей соли,—Федота не проведешь, опять соли,—и говорить кучеру: «вотъ тебѣ еще, поѣзжай теперь въ Петербургъ, прямѣ къ барину, завтра же здѣсь будешь». Кучеру и безъ этого приходилосьѣхать въ Петербургъ, потому что онъ самъ былъ Петербургскій житель. Волей неволей туда поѣхалъ, но, понятно, до сихъ поръ не возвращался. Между тѣмъ приворотъ этотъ не дешево обошелся кучеру. Федоту подарили ситцевую рубашку, дали три рубля денегъ, коровьяго масла и проч. Про водку я ужъ не говорю, потому что безъ водки колдунъ никого не принималъ. Любопытный фактъ передаютъ такъ же и Федотовой ветеринарной практики. Въ деревнѣ нельзя быть врачомъ одной какой либо специальности, а нужно даже всегда быть врачомъ и ветеринаромъ вмѣстѣ. Такъ, я прежде отказывалъ приходившимъ ко мнѣ за какимъ либо лѣкарствомъ для лошади или коровы. Но теперь всегда даю такого лѣкарства. Да и какъ отказать мужику въ надобномъ лѣкарствѣ? Обыкновенно въ Петербургѣ или въ Москвѣ, знаменитые при томъ, ветеринары лѣчать больше все собакъ. А въ деревнѣ? Въ деревнѣ ветеринаровъ совсѣмъ нѣть, ихъ здѣсь замѣняютъ коновалы да кузнецы. Про лѣченіе же собакъ здѣсь и помину нѣть. Въ лѣченіи здѣсь дѣйствительно больше нуждаются лошади и коровы. А знаете ли, что такое для мужика лошадь или корова? Мужикъ ихъ иногда пѣнить чуть не дороже своей бабы. Да и дѣйствительно бабу можно мужику взять не одну, а и другую и даже третью дадутъ. А лошадь или корову? гдѣ еѣ взять бѣдному мужику, да еще другую, если настоящая околѣтъ? Какъ тутъ отказать въ лѣкарствѣ? Помню, мужикъ изъ села Покровскаго привелъ ко мнѣ лошадь. Она у него одна и есть, и та, почитай что же-ребенокъ. Лошадь эта въ катухѣ весь себѣ лобъ распорола до кости. Работать не на чѣмъ, заработка, мужикъ плачетъ. Я велѣлъ повалить лошадь. зашилъ ей лобъ и свинцовки далъ. Послѣ мужикъ какъ меня благодарили за это. Или, баба изъ Сергиевки проситъ лѣкарства для своей коровы, которая на колѣ распорола себѣ вымя. Баба вся въ слезахъ, дѣти малыя. Ну какъ тутъ не дать какой нибудь карболовой или свинцовой примочки? Вотъ, говорю, Федота призвалъ на ветеринарную практику одинъ здѣшній

купецъ-арендаторъ. У купца падали лошади отъ какого то затяжного мыта. Вѣрѣ же всего на лошадяхъ быть не мыть, а настоящій сапъ. Кроме того лошади дохли еще и отъ безкорницы, потому что дѣло было въ одинъ изъ недавнихъ голодныхъ годовъ, бывшихъ въ нашей мѣстности. Сначала лѣчили лошадей сами, призывали потомъ коноваловъ, кузнецовыхъ. Ничто не помогаетъ. Тогда ужъ привезли Федота. «Что? Какъ по твоему? — спрашиваютъ колдуна. «Да у васъ на скотномъ дворѣ камень зарытъ; у васъ надъ лошадьми сдѣлано». Отвѣчаетъ колдунъ. Купецъ заставляется искать наколдованный камень. Весь скотный дворъ изрыли. Но гдѣ камень тамъ найти? Дѣло было зимой, когда скотный дворъ бываетъ полонъ навоза. Лошади между тѣмъ все дохли. Колдунъ живетъ въ имѣніи и пьянствуетъ. «Погоди, говорить затѣмъ колдунъ, я теперь сдѣлаю штуку». Беретъ какую-то вещь и начинаетъ наговаривать. Нѣтъ, что-то не выходитъ... «Давай крестъ! обращается колдунъ къ купцу. «Я», разсказывалъ самъ послѣ того купецъ, «тутъ и струсишь, но креста не даль». Да и какъ снять съ себя крестъ? Вотъ если съ другаго кого крестъ снять, это дѣло иное. «Снимай ты, староста! спрашиваетъ колдунъ, но и староста креста не снялъ. Тогда Федотъ долженъ быть безъ этого условія творить свое колдовство. И что же? Падежъ все продолжался, лошадей двадцать у купца пало, тѣмъ и дѣло кончилось. Видно нельзя было такъ съ крестомъ колдовать. Послѣ того купецъ этотъ служилъ все молебны и каялся въ своемъ грѣхѣ, что съ чѣртомъ было спознался. Между купцами мало окаянныхъ, а все раскаянные. Ветеринарная практика эта все-таки дала, говорить, колдуну всего-то рублей около тридцати.

Въ заключеніе всего, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что знахарство имѣетъ своею почвой крайнюю неразвитость и невѣжество простаго народа. Безъ устраненія этой главной причины наврядъ ли помогутъ даже радикальныя мѣры къ устраненію вреда, происходящаго отъ нашего знахарства.

Поэтому первой, самой главной мѣрой къ искорененію въ народѣ знахарства, по моему мнѣнію, должна быть сельская народная школа и прежде всего, конечно, церковно-приходская, а не земская, сшитая на скорую нитку. Въ необходимости сельской школы можно воочию убѣдиться вся кому. Достаточно для этого только въ глубокую, скучную осень проѣхаться по селу, гдѣ нѣтъ школы и хорошенько присмотрѣться, чѣмъ занимаются крестьянскіе дѣти въ это свободное для нихъ время. Единственное ихъ занятіе, какъ оказывается, въ это время — игра въ шары, да игра въ шашки, а зимой начали развиваться и карты. Само собой

разумѣется, что гораздо бы лучше и полезнѣе для нихъ было бы,—посѣщать въ это время школу и вмѣсто пустаго гонянія шаровъ по деревнѣ, научиться хоть сколько нибудь Закону Божію, не говоря ужъ про законы человѣческіе, а такъ же равно и—грамотѣ и письму. По праздникамъ же лучшее дѣло для дѣтей было бы—посѣщать Храмъ Божій и въ немъ читать и пѣть на клиросѣ. Все бы поменьше было вѣры въ разныхъ колдуновъ, да юродивыхъ, да заговорщиковъ. Въ пустую же голову вѣдь лѣзть страшная галиматья,—лѣшіе да домовые да колдуны да бѣсы разные. Ученѣе свѣтъ, а неученѣе тьма, говорить сама русская пословица.

Второю мѣрой для устраненія захарства было бы, по моему мнѣнію, развитіе сельской земской медицины. Хотя въ послѣдніе время земская медицина идеть впередъ и большими шагами, но все-таки какъ то она ютится больше по городамъ, гдѣ и такъ всегда много врачей, да городъ и самъ въ состояніи содержать своего врача и свою больницу. Кромѣ того слѣдовало бы правительству обязать всѣ наши земства закономъ,—содержать, напримѣръ, на 25 тысячъ жителей обоего пола—одного врача и больничку хоть на 10 кроватей. Вѣдь обязываютъ же, напримѣръ, фабрику, на 100 человѣкъ рабочихъ имѣть врача и одну больничную койку. Пространства у насъ все большія, постоянные по этому разѣзды, на которые врачи много теряютъ времени и здоровья, народонаселеніе громадное. Одинъ врачъ и не можетъ спрятаться съ дѣломъ. На это скажутъ конечно, что у земства нѣтъ средствъ. Но въ этомъ сейчасъ же можно разувѣриться если посмотрѣть попристальнѣе, какъ на сельскомъ сходѣ мужики изыскиваютъ общественные деньги себѣ на водку, или какія деньги частный человѣкъ платить захарю, чтобы вылечиться напримѣръ отъ сифилиса. При пристальномъ взглядѣ окажется, что недостатокъ средствъ—это пустая отговорка и нежеланіе заняться дѣломъ.

Третіей, наконецъ, мѣрой къ искорененію вреднаго вліянія на народъ нашего захарства должны служить конечно и полицейскія мѣропріятія. Но такъ какъ захарство укоренилось уже въ народѣ, сдѣлалось его свычаемъ и обычаемъ, взошло въ него, что называется, плоть и кровь, то конечно трудно его оттуда выгнать одними полицейскими мѣропріятіями. Хотя все-таки попугать захарей и не мѣшаетъ... Все, хоть сколько нибудь, бояться будутъ.

Земской Врачъ *Николай Рудинский.*

Сельцо Арцибашево Скоп. у.
17-е марта 1891.

Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпическаго стиля.

О повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ.

I. Два типа «повтореній» въ старофранцузскихъ *chansons de geste*.

Вопросъ о повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ разбирался специально только по отношенію къ старофранцузскимъ *chansons de geste*¹⁾, но тутъ онъ разросся въ почтенную литературу, которая ²⁾ противорѣчащими другъ другу взглядами, высказанными въ ней, доказываетъ, насколько онъ долженъ быть принять во вниманіе и въ разсчетъ при всякомъ изслѣдованіи обѣ эпосѣ, и что эта пѣсенная особенность коренится отнюдь не въ кремнеземѣ позднѣйшихъ наслѣденій, но въ самихъ нѣдрахъ народнаго творчества. Вѣдь недаромъ Моненъ (Monin) и его послѣдователи на основаніи повтореній думали примѣнить къ *chanson de Roland* теорію пѣсень, построенную Вольфомъ по отношенію къ Иліадѣ и Одиссеѣ, недаромъ и Форіэль, Штейнталъ и Пол. Парисъ усматривали въ нихъ самостоятельные пересказы одного и того же событія. Но эти мнѣнія отступили на задній планъ, вытѣсненные признаніемъ этихъ повтореній за особый эпический пріемъ, признаніемъ, къ которому примкнули всѣ теперь занимающіеся этими предметомъ учёные, и которое Гастонъ Парисъ выразилъ словами: *il (le poète) tourne et retourne son idée et, pour arriver à la rendre complètement, l'exprime de plusieurs manières*³⁾. Въ томъ же духѣ высказался и проф. А. Н. Веселовскій: «Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы не было впечатлѣніе бо-

¹⁾ Отдельные указанія можно найти въ книжкѣ Heinzel'a: *Ueber den Stil der altgermanischen Poesie* (Quell. & Forsch. X т.) 1875 г., где повторенія рассматриваются подъ заглавиемъ *Variation der Aussage*, и у Noreen'a въ его *Spridda Studier* 1895 (глава: *Om tavtologi*, стр. 52 слѣд.).

²⁾ Изложена въ диссертациі Dietrich'a: *Über die Wiederholungen in den altfranzösischen chansons de geste*, 1881 г.

³⁾ *Histoire poétique de Charlemagne*, стр. 24.

лѣзно, томительно, и можетъ быть потому именно, что оно томительно, что оно щемить душу, имъ не насытиться за разъ. Веселые моменты жизни переживаются быстрѣ. Встрѣтивъ образъ изнеможенного Роланда, трубящаго надрываясь на вѣсть своимъ ¹⁾, современный поэтъ схватилъ бы его быть можетъ цѣликомъ, исчерпаль бы въ одинъ присѣсть присущее ему либо связанное съ нимъ поэтическое содержаніе. Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводить дѣйствительный процессъ психического акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія танутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону и снова возвращающиеся къ основной нотѣ и образу: обезсиленный Роландъ еще трубить» ²⁾).

Провѣримъ это опредѣленіе на примѣрахъ изъ той же пѣсни о Роландѣ ³⁾.

«Роландъ обять смертнымъ холодомъ и голова его склонилась на грудь. Онъ спѣшить къ соснѣ и ложится ницъ въ тѣни подъ нею на травѣ зеленой; рядомъ кладеть онъ свой мечъ и рогъ. Лицо онъ обращаетъ къ врагамъ для того, чтобы Карль и весь народъ сказали: «Вотъ храбрый воинъ! онъ погибъ сражаясь!»—Онъ кается въ грѣхахъ, молясь усердно и простираетъ руку къ небу».

Повтореніе въ двухъ стихахъ резюмируетъ то, что, главнымъ образомъ, въ девати стихахъ, повѣствуется въ первомъ разсказѣ,—но зато развивается и дополняетъ то, что вкратцѣ указано въ послѣднихъ двухъ стихахъ первого отрывка: «Роландъ чувствуетъ, что смерть его близка, и лежа на холмѣ, который глядитъ въ Испанію, ударяетъ себѣ рукою въ грудь: «Боже! прости ради Твоей славы мои грѣхи и прегрѣшнѣя, которыхъ я совершилъ со дня рожденія доднѣсъ, когда моя кончина близка». — Онъ простираетъ правую руку къ Богу, и ангелы съ неба спускаются къ нему».—Слѣдуетъ еще повтореніе, но уже въ приведенныхъ отрывкахъ содержится все, намѣчены всѣ черты, хотя не вполнѣ разыяснены.—«Графъ Роландъ лежитъ, простершись подъ сосной; свое лицо онъ обратилъ къ Испаніи. Онъ вспоминаетъ о многихъ вещахъ: о всѣхъ земляхъ, которыхъ онъ завоевалъ, о милой Франціи, о своихъ родныхъ и о Карльѣ, своемъ владыкѣ, который воспиталъ его. Онъ не удерживается отъ слезъ и вздоховъ, но не забываетъ при этомъ и своей

¹⁾ Соответствующее описание изъ пѣсни о Роландѣ приводится ниже.

²⁾ Новые изслѣдованія о французскомъ эпосѣ (Журн. Мн. Нар. Просв., ССХХХVIII, стр. 249).

³⁾ По изданію Готье, стихъ 2355 слѣд.

участи и, каясь, молится Богу: «Всеправедный Отець! Ты никогда не измѣняешь Себѣ, святаго Лазаря Ты воскресилъ отъ смерти и Даниила защитилъ отъ львовъ, избавь мою душу отъ всѣхъ мукъ и спаси отъ грѣховъ, кото-рые я совершилъ въ своей жизни». Онъ прощаетъ правую руку къ Богу, и св. Гавріиль принимаетъ ее. Голова его склонилась на руку. Сложивши на крестъ руки, онъ скончался. Богъ послалъ къ нему ангеловъ-херувимовъ св. Рафаила, св. Михаила, и вмѣстѣ съ ними спустился и св. Гавріиль. Они приняли въ рай душу Роланда». — Примѣръ этотъ прекрасно оправдываетъ опредѣленія Париса; но я выбираю другой ¹⁾).

«Роландъ поднялъ свой рогъ къ устамъ, прижалъ къ губамъ и дохнуль всей грудью. Раздался звукъ въ высокихъ горахъ, и откликъ пронесся въ даль на 30 миль. Карлъ и все войско услышало его, и король сказалъ: «Наші вступили въ бой». Но Ганелонъ ему отвѣтилъ: «Когда-бы не ты, а кто другой сказалъ это, то съ нимъ-бы поступили, какъ подобаетъ со лже-цомъ». — Графъ Роландъ съ усилиемъ и въ изнеможеніи, такъ жалобно трубить въ свой рогъ. Алая кровь струится изъ гортани и на головѣ виски прорвались отъ напряженія. Но изъ рога звонко льется зовъ. Карлъ слышитъ его, пробираясь черезъ ущелья, герцогъ Неймскій слышитъ, и всѣ Французы внемлютъ. И король говоритъ: «Чу! рогъ Роланда! Никогда-бы онъ не затрубилъ, если бы не было битвы». Ганелонъ отвѣчаетъ: «Никакой нѣть битвы. Вы стари больно, весь посыдѣли и болтаете безсмыслицу, какъ ребенокъ. Роландъ достаточно извѣстенъ своимъ чрезмѣрнымъ духомъ, и диво, что Господь все терпитъ его... Изъ-за зайца онъ будетъ Вамъ трубить, хоть цѣлый день. Навѣрно онъ тѣшится со своими воинами. На свѣтѣ и нѣть человѣка, ко-торый бы отважился вступить съ нимъ въ бой. Такъ двинемся! Что-же мы остановились? Великая страна еще далеко впереди». — Согласно съ опредѣле-ніемъ Париса и съ аналогіей съ первымъ примѣромъ мы ожидаемъ повтори-тельный разсказъ съ прибавленіемъ новыхъ чертъ, новыхъ подробностей. — «У Роланда губы въ крови, и на головѣ виски прорвались отъ напряженія. Рогъ звучитъ жалобно и слабо. Карлъ слышитъ его и всѣ Французы внем-лютъ, и король говоритъ: «У рога долгій вздохъ!» Герцогъ Неймскій отвѣ-тилъ: «Роландъ находится въ опасности; тамъ завязался бой, влянусь моей совѣстью. Кто-нибудь предалъ его, а именно тотъ, который Васъ уговари-валъ. Къ оружію! пусть раздаются крики и спѣшите на помощь Вашему родственнику. Уже вдоволь Вы наслушаитесь жалобы Роланда». Императоръ велѣлъ трубить въ рога и Французы спускаются...»

¹⁾ Стихъ 1753 слѣд.

Карль слышит звук рога, но его опасения опровергает Ганелонъ въ первыхъ двухъ повтореніяхъ; въ третьемъ вопреки всѣмъ ожиданіямъ выступаетъ герцогъ Неймскій, и его слова придаютъ разсказу другой исходъ. Насъ поражаетъ то, что третье повтореніе занимаетъ не только самостоятельное, но даже противоположное мѣсто по отношенію къ двумъ предыдущимъ. Посредствомъ ихъ пѣвецъ хочетъ внушить слушателю: не ждите помощи для Роланда отъ Карла; съ нимъ вѣдь измѣнился Ганелонъ, который постарается отвратить вниманіе и подозрѣніе императора. Длинная рѣчъ Ганелона вполнѣ убѣждаетъ слушателя; но слѣдуетъ еще повтореніе, и дѣйствіе принимаетъ другой оборотъ.

Я приведу еще примѣръ ¹⁾: Роландъ, видя, что воины его погибаютъ, хочетъ трубить въ свой рогъ, чтобы Карль его услышалъ и воротился, но Оливье удерживаетъ его словами, что это было-бы большимъ позоромъ, что его родителямъ пришлось-бы за это краснѣть, и что онъ-бы обезчестилъ ихъ на всю жизнь и пр. Когда Роландъ вторично заявляетъ о своемъ намѣреніи трубить въ рогъ, Оливье ему возражаетъ, что теперь это было-бы трусостью: «когда я Вамъ совѣтывалъ это сдѣлать, другъ, то Вы не соблаговолили; если-бы императоръ былъ здѣсь, мы бы не подверглись такой потерѣ». И въ третій разъ еще Оливье развиваетъ эту мысль: «мы могли-бы выиграть эту битву, взять въ плѣнъ и убить короля Марселя, но Ваша отвага погубила столько французовъ и насть самихъ и обезславила Францію».—Тогда подъѣзжаетъ архиепископъ и начинаетъ ихъ уговаривать, чтобы они перестали спорить, и чтобы Роландъ затрубилъ въ рогъ; «быть можетъ, Карль его все-таки услышитъ; онъ отмстить за нихъ, и язычники по крайней мѣрѣ не уйдутъ, ликуя; французы найдутъ наши трупы, поплачутъ надъ ними и зароютъ ихъ въ освященную землю и не разорвутъ ихъ собаки, кабаны и волки».—Съ приведеннымъ повтореніемъ весьма сходно и то мѣсто, гдѣ Оливье въ началѣ битвы совѣтуетъ Роланду трубить, а послѣдній самонадѣянно отказывается (стихъ 1053 слѣд.), но оно менѣе характерно потому, что споръ ихъ ни къ чому не ведетъ. Однако и здѣсь троекратная просьба Оливье и непоколебимый отвѣтъ Роланда «производить болѣе сильное и болѣе величественное впечатлѣніе, чѣмъ сдѣлало-бы простое предложеніе» ²⁾).—Въ послѣдніхъ примѣрахъ каждое повтореніе имѣло свой собственный *raison d'être*. Они не составляли одно цѣлое описание, въ которомъ первые пересказы подготавливали-бы послѣдующіе. Часто третье повтореніе противостояло двумъ

¹⁾ Стихъ 1702 слѣд.

²⁾ Н у г о р. Den oldfranske Heltedistuning, стр. 27.

первымъ, какъ содержащее иѣчто совсѣмъ новое, неожиданно подвинувшее дѣйствіе впередъ. Слѣдовательно, объясненіе Париса не пригодно ко всѣмъ повтореніямъ, а изъ приведенныхъ только къ первому, къ описанію смерти Роланда.

Но я перехожу къ болѣе грубому, зато и болѣе наглядному примѣру изъ *Renaut de Montauban*¹⁾: Карлъ хочетъ повѣсить пленнаго Ричарда и за исполненіемъ этого приговора обращается къ рыцарю *Beranger de Wales*, взывая къ его чувству долга какъ вассала, надѣленнаго многими ленныхми владѣніями. Но *Beranger* наотрѣзъ отказывается императору въ этой просьбѣ, говоря: «Да будетъ проклятъ тотъ, кто позорнымъ образомъ вздумаетъ удержать свои имѣнія». — Тогда Карлъ поочередно проситъ *Ydelon'a*, *Ogier'a*, *Turpin'a* и еще пять другихъ рыцарей съ немногими измѣненіями въ рѣчи; каждый разъ онъ получаетъ тотъ-же отвѣтъ, и каждый разъ Карлъ восклицаетъ: «Негодай! Богъ тебя накажетъ! Но Ричардъ будетъ повѣшенъ, клянусь моей бородой!» — пока, наконецъ, одинъ не принимаетъ на себя это гнусное порученіе. — Однаково въ *chanson de Roland*, когда нужно отправить послы къ королю *Марсилю*, сперва предлагается себя герцогъ *Неймскій*, потомъ Роландъ и *Turpinъ*, но напрасно; порученіе возлагается на *Ганелона* (стихъ 244 слѣд.).

Пѣвецъ безъ разныхъ колебаній выразилъ то, что хотѣлъ. Въ первомъ случаѣ пѣвецъ хотѣлъ описать смерть Роланда, но вслѣдствіе своего «*tongue et retourne*» получились три повторенія; во второмъ, пѣвецъ хотѣлъ сказать, что Карлъ напрасно обращался къ *Beranger'у*, *Ydelon'у*, *Ogier'у*, *Turpin'у* и пяти другимъ рыцарамъ, повѣствованіе о чѣмъ и ведется безъ остановокъ, безъ повтореній. Въ одномъ случаѣ повторяется описание, въ другомъ само дѣйствіе. Правда, то и другое въ концѣ концовъ зависитъ отъ воли пѣвца, но первое касается изложенія, второе — дѣйствія. Понятно, что Роландъ и въ дѣйствительности могъ трубить три раза, и, вѣроятно, сдѣлалъ бы это, понятно также, что Карлъ послѣ отказа, полученнаго отъ первого рыцаря, обращается къ другому и т. д., но немыслимо, чтобы Роландъ умиралъ трижды. Значить, мы имѣемъ повторенія двоякаго рода, которая слѣдуетъ отличать другъ отъ друга: геминацію дѣйствія и параллелизмъ выраженія.

Геминація дѣйствія искони свойственна народному творчеству и особенно часто примѣняется къ сказкѣ²⁾. — Ганелонъ передаетъ королю *Марсилю* по-

¹⁾ По *Tobler'у*. *Über das volkstümliche Epos der Franzosen* (Zeitschr. für Völkerpsych. & Sprachwiss. т. IV).

²⁾ Ср. проф. Зѣлинскій: *Die Märchenkomödie in Athen*.

сланіе Карла, которое вызываетъ всеобщее негодованіе; когда всѣ успокаиваются, Ганелонъ повторяетъ свое посланіе (ст. 425 слѣд.). Что-же другое, какъ не послѣдовательная геминація,—разговоръ Марселя и Ганелона, начиная съ 520 стиха. Весьма интересно, какъ Кечаренъ приносить Валигану вѣсть о Ронсевальскомъ побоищѣ: въ первомъ сообщеніи онъ главнымъ образомъ останавливается на гибели французовъ, во второмъ выдвигаетъ опасное положеніе сарациновъ (ст. 2765 слѣд.). Но подобная геминація еще не были бы повтореніями въ обычномъ смыслѣ, если-бы къ нимъ не присоединялась другая особенность народно-эпического стиля: однообразіе оборотовъ и употребленіе словъ и рядомъ однихъ и тѣхъ-же излюбленныхъ стиховъ. Если современный поэтъ будетъ описывать равныя ситуаціи, то онъ постарается каждой придать особую окраску. Сравните также описание въ *chanson de Roland* (ст. 860 слѣд.), какъ сарацинскіе герои собираются около племянника Марселя, чтобы сообща напасть на Роланда: братъ Марселя Fausseron, злонравный Corsablin, славный и отважный de Balaquer, преслѣдователь христіанъ Tugis, каналеръ-волокита Margaris, длинокудрый Chernuble изъ бесплодной земли демоновъ и др.—Но обыкновенно народъ не стремится разнообразить отдѣльныя части геминаціи; каждый разъ приводятся одни и тѣ-же стихи, иногда кое-что прибавляется и измѣняется, но въ общемъ получается впечатлѣніе обычнаго повторенія. На самомъ-же дѣлѣ слито два рода повторенія, во первыхъ, повтореніе самого дѣйствія, во вторыхъ, каждый разъ повторяется описание этого дѣйствія. Понятно, и я указалъ на это, геминація возможна и безъ втораго повторенія; но народное творчество рѣдко заботится о томъ, чтобы разнообразить описание. Если-же повторяется описание такого дѣйствія, которое въ дѣйствительности не могло повториться, какъ напр. смерть Роланда, то вмѣсто геминаціи дѣйствія получается параллелизмъ выраженія.

Разбирая библію съ эстетической точки зренія, Гердеръ ¹⁾ впервые отстаивалъ значеніе параллелизма, говоря, напр., что въ притчахъ Соломона какъ-будто отецъ наставляетъ своего сына и мать повторяетъ его совѣтъ, или указывая на то, что противоположности неба и земли дали поводъ къ сопоставленію безконечнаго съ ничтожнымъ, прекраснаго съ подлымъ; тамъ блещутъ вѣчныя звѣзды, тамъ растягивается чистая синева; на землѣ-же вездѣ перемѣна, прахъ и разложеніе.—Слѣдъ подобнаго сопоставленія можно усмотрѣть ножалуй и въ слѣдующей строфи изъ пѣсни о Роландѣ (ст. 1830 слѣд.): «Высоки горы и мрачны и велики, долы глубоки и быстры потоки!

¹⁾ *Vom Geist der ebräischen Poesie*, 1782 г.

Спереди, сзади раздаются трубы, отвѣчая рогу Роланда. Императоръ разъѣзжаетъ разг҃ѣванный, а французы въ смятѣніи и въ горести»...

Чѣмъ воспріимчивѣе художественное чутье народа, тѣмъ тщательнѣе сглаживается характеристическая особенность каждого приема, потому что намѣренный эффектъ оскорбляетъ эстетическое чувство, и приходится скрывать его. Такъ какъ и параллелизмъ и геминація — повторенія, хотя различного рода, то при подобномъ сглаживаніи особыхъ примѣтъ, они должны были сблизиться. Параллелизмъ становится драматичнѣе, будеть избѣгать прямаго повторенія сказанного и излагать подробности описываемаго факта въ извѣстномъ порядкѣ. Въ художественной геминаціи возможная единичность дѣйствія не существуетъ непосредственно. Французскій эпосъ достигъ высокой ступени развитія, и что-же? — Въ немъ различіе между обоми родами повтореній не было замѣчено большими числомъ ученыхъ, обращавшихъ свое вниманіе какъ разъ на этотъ вопросъ.

II. Геминація дѣйствія и параллелизмъ выражений въ финскомъ эпосѣ.

Я желалъ-бы иллюстрировать оба рода повтореній на финскомъ эпосѣ, гдѣ онѣ получили крайне одностороннее и необычайно широкое примѣненіе. Можно сказать, что финскій народъ не производилъ отдельныхъ стиховъ, а все попарно, или другими словами, что мы имѣемъ собственно двѣ скрепляющіяся версіи Калевалы. Это объясняется тѣмъ, что пѣль не одинъ пѣвецъ, а двое, причемъ одинъ говорилъ первый стихъ, а другой, парафразируя эту-же мысль, возражалъ ему вторымъ. Вотъ что Ленрутъ рассказывалъ 80-лѣтній Архипа, знаменитѣйшій пѣвецъ рунъ въ Вуокилеми: «Когда мы въ рыболовное время отдыхали на берегу Лапукки у костра, вотъ бы Вамъ слѣдовало быть тамъ! У насъ былъ наемникъ изъ Лапукки, также хороший пѣвецъ, но все таки не ровня моему отцу. Всю ночь на пролетъ они пѣли у огня, рука объ руку, и никогда не повторялась одна и та-же руна. Я тогда былъ мальчикомъ и слушалъ...». — Въ началѣ Калевалы Ленрутъ помѣстилъ приглашеніе одного пѣвца къ другому подсѣсть и начать съ нимъ руну:

Золотой мой другъ и братецъ,
Дорогой товарищъ дѣйствія!
Мы споемъ съ тобою вмѣстѣ,
Мы съ тобой промолвимъ слово.

Наконецъ мы увидались,
Съ двухъ сторонъ теперь сошлися,
Рѣдко мы бываемъ вмѣстѣ,
Рѣдко ходимъ мы другъ къ другу,

На пространствѣ этомъ бѣдномъ,
Въ краѣ Сѣвера убогомъ.
Такъ давай свои мнѣ руки,

Пальцы наши вмѣстѣ сложимъ,
Пѣсни славныя споемъ мы
И начнемъ мы съ лучшихъ пѣсень ¹⁾.

Этотъ способъ пѣнія былъ, кажется, болѣе древнимъ, за что стоять и приведенные отрывки. Подъ вліяніемъ такого обычая параллелизмъ стиховъ разился въ норму, къ которой пріурочилась и народная лирика финновъ.

Если выдѣлить изъ Калевалы Айно, Куллеръо, Маріатту, космогонію и другіе самостоятельные эпизоды, а равно и заговоры, причитанья и пѣсни, то остаются три главныхъ героя, Вейнемейненъ, Ильмариненъ и Лемминкайненъ, которые каждый въ свою очередь три раза совершаютъ знаменитую поѣзdkу на сѣверъ (Pohjola).—Вейнемейненъ сватается за чудную дочь сѣвера. Она трижды вадаетъ ему испытанія. Когда онъ, исполняя третью условіе, рубить ладью, то топоръ вслѣдствіе неловкаго удара ранить его въ ногу. Вейнемейненъ за помощью вѣдеть въ первому двору, но тамъ застаетъ только мальчика; во второмъ онъ находитъ старуху, которая себѣ самой не можетъ помочь; въ третьемъ домѣ онъ вылѣчивается старикомъ и затѣмъ уѣзжаетъ (VIII, IX пѣсни).—Ильмариненъ пріѣзжаетъ на сѣверъ съ той-же цѣлью какъ и его братъ. И на него возлагаются три задачи. Празднуется свадьба, но нѣть пѣвца. Сперва было приглашаніе рыбъ пѣть, но они оказываются неспособными, также и дита, въ третьихъ Вейнемейнена, который тотчасъ соглашается и обращается къ присутствующимъ со словами:

Есть-ли кто изъ молодежи,
Въ высоко-честномъ народѣ,
Кто-бѣ сложилъ съ рукою руку,
Положилъ бы ихъ другъ къ дружкѣ
И потомъ бы началъ пѣніе,
Пѣніе радостное поднялъ?.. ²⁾

Затѣмъ молодые уѣзжаютъ (XIX—XXV пѣсни).—Лемминкайненъ раньше тоже добивался сѣверной красавицы, имя которой страннымъ образомъ нигдѣ не упоминается. При третьемъ подвигѣ онъ погибаетъ отъ коварства владыки сѣвера. Но его мать вновь оживляетъ его. Чувствуя себя обиженнымъ, что его не пригласили на свадьбу Ильмаринена, онъ опять отправляется на сѣ-

¹⁾ Переводъ А. П. Бѣльского.
²⁾ У Бѣльского, стр. 258.

верь и убивает тамъ владыку. Видя, что на него идуть войною, онъ бѣжитъ. Спустя нѣсколько времени онъ въ третій разъ для отмщенія проникаетъ на сѣверъ (XI—XV, XXVI—XXX пѣсни). — Но и Ильмариненъ послѣ смерти своей первой жены вторичноѣдетъ на сѣверъ, чтобы свататься къ другой сестрѣ; его встречаютъ съ насмѣшкой и съ презрѣніемъ; тогда онъ насилино увозитъ дѣвицу. Желаніе возвратить себѣ Сампо, которое онъ ковалъ во время своего первого посѣщенія, ведетъ къ третьей поѣздкѣ. Владычица сѣвера, желая отплатить имъ чѣмъ-нибудь, сперва наводить на нихъ болѣзни, затѣмъ медвѣда, и, въ третьихъ, запрятываетъ луну и солнце. Но Вейнемайненъ своимъ кантелемъ спасаетъ отъ всѣхъ бѣдствій. И послѣдній трижды совершає поѣздку на сѣверъ, сперва одинъ, а потомъ два раза въ сопровожденіи Ильмаринена (XXXVIII—IL пѣсни).

Девять разъ повторяющаяся поѣздка на сѣверъ—вотъ та канва, по которой вышиты узоры Калевалы. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти поѣздки соединили отдѣльныхъ героевъ, заставляя ихъ добиваться сѣверной красавицы. Развитіе финского эпоса представляеть изъ себя крайне любопытное явленіе. Въ то время, какъ съ одной стороны все повторяется одинъ и тотъ-же мотивъ, мы съ другой замѣчаемъ пошытку итти въ глубь, разработку темъ въ смыслѣ психологического анализа, какъ Куллеро, или изобрѣтеніе незначительныхъ по содержанію и вполнѣ случайныхъ эпизодовъ. Правда, эпостъ Калевала въ такомъ составѣ, какъ мы его теперь имѣемъ, скомпилированъ Ленротомъ, но несомнѣнно, что всѣ эти пѣсни составляютъ нечто цѣлое, какъ выраженіе одной и той-же творческой фантазіи, какъ поэтическое достоаніе одного и того-же народа. Пусть Вейнемайненъ является древнѣйшимъ героемъ эпоса, а Лемминкайненъ—позднѣйшимъ, тѣмъ лучше, если мы можемъ опредѣлить отдѣльные фазы его возникновенія, если мы можемъ стать на твердую почву исторического изслѣдованія и отрѣшиться отъ шаткихъ психологическихъ догадокъ.

Мы видѣли, что почти все содержаніе финского эпоса построено на тригеминаціи, видѣли также, что параллелизмъ стиховъ сдѣлался правиломъ. Но одно не зависитъ отъ другаго; каждая стилистическая особенность имѣеть свои причины и свое развитіе.

III. Общія мѣста и «повторенія» въ русскихъ былинахъ.

Теперь мы приступимъ къ разбору повтореній въ русскихъ былинахъ. Прежде всего мы выдѣлимъ такъ называемыя общія мѣста, повторяю-

щіяся на каждомъ шагу, примѣнимыя при каждомъ событіи, каждомъ бо-
гатырѣ. Былина начинается:

Выводилъ Илья Муромецъ добра коня
Изъ завозенъки изъ новыя,
Накладывалъ онъ потнички бумажные,
На потнички сѣдѣльшико черкасское;
Клаалъ обѣтъ на палицу боевую
И на саблю острую,

На копье мурзалецкое...
И вставалъ въ стремынико голъяшное
И садился въ сѣдѣльшико черкасское.
Не ясень соколь въ перелетѣ леталь,
Не бѣлый кречеть перепархиваль,
Туто ѿхалъ удалой добрый молодецъ.

Стдить въ первомъ стихѣ вмѣсто Илья Муромецъ сказать Алешенька
или Дюкъ Степановичъ или Добринюшка, и получается другая былина.—
Если дѣйствіе происходитъ въ княжескихъ палатахъ, то вступленіе непре-
мѣнио будеть такого рода:

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласковаго кназя у Владимира
Было пированыице сопочестенъ ширъ
На всѣхъ кназей на всѣхъ бояровъ
На всѣхъ могучіихъ богатырей.
И всѣ на ширу порасхвастались,

Умный то хвастаетъ добрымъ конемъ,
А разумный то хвастаетъ отцемъ-ма-
терью,
А безумный то похваляется молодой
женой да неудачливой.

Входить гость:

Крестъ кладеть онъ по писаному,
Поклонъ ведеть онъ по ученому.

Ему предлагаютъ вышить:

Подымаетъ онъ чару единой рукой,
Вышиваетъ онъ на единый здохъ.

Такихъ излюбленныхъ общихъ мѣсть можно было-бы выписать очень
много. Онѣ почему-то понравились, считались такими удачными, что иначе и
нельзя было выразиться. Онѣ представляютъ большое удобство для пѣвца.
Сочиняется онъ новую былину, такие запѣвы очень кстати, возпроизводить-
ли онъ старую, то прибѣгаешь къ нимъ, особенно, если память ему измѣ-
няется. Притомъ они были общимъ достояніемъ; никто не могъ обвинять
пѣвца въ заимствованіи. Но слушатели и не требовали самостоятельности отъ
сказителя, не воздавали ему особой хвалы, если онъ импровизировалъ что-

нибудь до сихъ поръ не слыханное, не могли выразить свое недовольство, если онъ сочинить, да неладно и нескладно. Не было, скажемъ, никакого поощрения быть оригинальнымъ. Всякая народная поэзія поэтому болѣе или менѣе однообразна. Новые черты, новые сказанія называются лишь виѣшней судьбой народа. Но и тогда наблюдается стремленіе народного творчества подводить новые понятія и событія подъ извѣстные ему типы. Почекенъ пиръ устраивается уже не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ **бѣлокаменной**; Илья Муромецъ замѣщается Ермакомъ Тимофеевичемъ. Народная поэзія нарастаетъ, но не выростаетъ; ея развитіе происходитъ не органически, но кристаллически.—Общезвѣстны єпака птербенца Гомера:

‘Ημος δ' ἥριγένεια φάνη ροδοδάκτυλος 'Ηώς
ῶρνοτ' ἄρ' εἴ εὸνῆφιν и т. д.

Или: οἱ δ'εἰς ὄρχηστόν τε καὶ ἵμερόσσαν ἀοιδήν
τρεψάμενοι τέρποντο, μένον δ'επί ἑσπερον ἐλθεῖν.
τοῖσι δὲ τερπομένοισι μέλας ἐπὶ ἑσπερος ἡλθεν
δὴ τότε κακκείοντες ἔβαν οἰκόνδε ἔκαστος.

Наконецъ:

τέκνον εἴμαν, ποιόν σε ἔπος φύγεν ἔρχος ὁδόντων.

По обычному толкованію эти повторенія должны быть особымъ художественнымъ пріемомъ, представляютъ изъ себѣ остановочные пункты рассказа и придаютъ языку спокойный неторопящій тонъ, отличающій его отъ лирики и драмы. Для современного читателя — пусть такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ свидѣтельствуютъ о скучности народного творчества. Приведенный родъ повтореній не имѣетъ ничего общаго ни съ геминаціей, ни съ параллелизмомъ. Это общія мѣста, которыми щедро орудуетъ сказитель, — описанія снаряженія, поѣздки богатыря и боя; это — рѣчи, привѣтствія, ругательства, приказанія и порученія.

Переходъ отъ общихъ мѣстъ къ параллелизму выраженія почти-что не замѣтенъ: первыя примѣняются всегда и вездѣ, когда къ тому представляется случай, вторыя повторяются въ одной и той-же былинѣ. Въ былинѣ о Хотенѣ Блудовичѣ (Рыбн. I, стр. 44) въ 28 стихахъ описывается споръ двухъ вдовъ; Блудова жена возвращается домой и разсказываетъ сыну о случившемся, слово въ слово повторяя вышесказанныхъ 28 стиховъ. Равно въ былинѣ о князѣ Романѣ Дмитріевичѣ (Рыбн. I, № 74) сперва рассказывается о нападеніи двухъ ратниковъ на Москву; этотъ-же разсказъ передается ворономъ Роману, а имъ уже всему войску. Еще болѣе пространная повторенія содержитъ сказочная былина о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ

Волшанскою (Рыбн. I, стр. 443).—Эти повторяющиеся описания не суть общая мысль, потому что они свойственны только одной какой-нибудь былинѣ; но и по отношению къ этой одной былинѣ они не служатъ запѣвами. Это—параллельные рассказы одного и того-же событія, которые сказитель то передаетъ отъ себя, то влагаетъ въ уста дѣйствующаго лица былины, то употребляетъ въ видѣ вѣща прорицанія. Въ этомъ разнообразіи ситуаций и заключалась весь смыслъ этихъ повтореній.

Повтореніе одного стиха по нѣсколько разъ можетъ быть очень естественно. Такъ у Рыбн. I, стр. 241:

Още есть у Ставра чимъ похвастати:
Мои добрые молодцы не старятся,
Мои добрые конюшки не держатся,
Моя золота казна не тощится;
Да още есть у Ставра чѣмъ похвастати:
Есть у Ставра молода жена... ¹⁾

Какое глубокое впечатлѣніе и какая наглядность можетъ быть достигнута посредствомъ повторенія одного и того-же стиха, видно изъ слѣдующаго примѣра:

Разсердился Оника воинъ,
Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою,
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть;
Задѣлъ Оника ноженькой правою,
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.
Соскочилъ Оника со добра коня
И принимался во всю силу богатырскую,
И по колѣнъ ушелъ во матушку сырь
землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
Разсердился Оника по сердиному,
И разозлился Оника по звѣриному

И принимался всюю силой богатырскую:
И по поясъ ушелъ во матушку во сырь
ру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
И принимался Оника не на шутоцьку,
И по грудей ушелъ онъ во матушку
во сырь землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть,
И надорвалъ онъ свое ретивое сердечко.

(Рыбн. II, стр. 256).

Единымъ въ своемъ родѣ является отрывокъ былины у Кирилловскаго (II, стр. 66), гдѣ каждая половина стиха повторяется два раза:

¹⁾ Пространнѣе это мысль Рыбн. II, стр. 115

У попа была бесѣдушка, у дьякова другая,
У дьякова другая: хвалились два брата,
Хвалились два брата, што есть у насъ сестрица,
Што есть у насъ сестрица, изъ терема не ходить,
Изъ терема не ходить, бѣлиль съ лица не ронить,
Бѣлиль съ лица не ронить, бѣла лица не кажеть.

Если эти повторенія не слѣдуетъ поставить на счетъ записателя, увлекшагося тѣмъ, что при пѣніи каждый стихъ дѣйствительно повторялся, то мы въ этомъ небольшомъ отрывкѣ должны видѣть попытку послѣдовательнаго проведения повторенія. Если-же эти повторенія возникли только благодаря мелодіи, отнюдь не входили въ словесный составъ былины, то тутъ намъ сохранилось свидѣтельство о той причинѣ, на счетъ которой должно быть поставлено введеніе многихъ повтореній въ эпосѣ, напр., той особенности, что послѣднія слова одного стиха начинаютъ слѣдующій. Эта особенность, встрѣчающаяся правда на каждомъ шагу, но всетаки не проходящая черезъ всю былину, теперь уже принадлежитъ къ составу самого стиха. Если мы теперь находимъ подобнаго рода повтореніе:

Гой еси ты старой казакъ,
Ты старой казакъ Илья Муромецъ!

то оно обусловливается не растягиваниемъ мотива, подобно секвенціи, но требованиемъ эпического приема, возникшаго благодаря музыкальнымъ соображеніямъ. Уже въ Словѣ о полку Игоревѣ находится отраженіе этого приема въ описаніи битвы при Немигѣ:

Кровави брезѣ
Не бологомъ бяхуть посѣяни,
Посѣяни костьюми Русскихъ сыновъ.

Иногда такимъ образомъ связано нѣсколько стиховъ:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драны надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.

Въ разсмотрѣнныхъ только-что параллелизмахъ дословно повторяется часть стиха, или одинъ какой-нибудь стихъ или цѣлый повѣствованія; они

не прибавляютъ ничего новаго къ уже сказанному, ни въ чёмъ не дополняютъ картины новыми подробностями, развѣ, что иногда не лишены художественного значенія. Такъ какъ они касаются только формы, то мы условимся называть ихъ **формальнымъ параллелизмомъ** въ отличіе отъ **внутреннаго, — метафорическаго**. Но между тѣмъ и другимъ существуютъ **переходныя степени**: здѣсь послѣдній глаголъ повторяется, но уже не въ личной формѣ, а какъ причастіе.

Разставлялъ шатерь полы бѣлые,	Сваря кашу, расхлебывать,
Разставя шатерь, сталъ огонь сѣчи,	Расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать,
Высѣча огонь, стала раскладывать,	Богатырскій сонъ на 12 дѣнь,
Разложа огонь, стала кашу варить,	На 12 дѣнь, на двое суточки.

(Кирѣевск. I, стр. 3).

Тамъ повтореніе предлагается въ видѣ вопроса:

Собирались три русскихъ
Три могучихъ богатыря
Ко кресту ко Леванидову;
Тутъ они крестами побратались.
Кто-же изъ нихъ былъ большой братъ?
Кто-же изъ нихъ былъ средній братъ?
Кто-же изъ нихъ былъ меньшій братъ?
Старой казакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ,
Михаилъ Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшой братъ.
(Рыбн. I, стр. 229).

Но все труднѣе становится различать **формальный параллелизмъ**, все неудобнѣе указывать на повтореніе одной и той-же мысли. Въ былинѣ «Сорокъ каликъ со каликою» калики «захотали» Еленинскій стихъ:

Не можетъ Владиміръ стоячи стоять,
Не можетъ Владиміръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владиміръ лежучи лежать;

Это однообразное выраженіе, означающее, что Владиміръ не зналъ куда дѣваться.

Добрыня бѣть челомъ передъ матерью:

Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле разгуляюся
Съ казаками миѣ, Добрынѣ, показаковать,
Съ молодцами миѣ, Добрынѣ, повидатися,
Съ богатырями миѣ, Добрынѣ, поборотися,
Богатырскую силу испробовать.

Подъ казаками, молодцами и богатырями разумѣется все одна и та-же богатырская сила. Изъ четырехъ послѣднихъ стиховъ каждый въ отдѣльности *de facto* выражаетъ ровно то-же, что всѣ вмѣстѣ; но по отношенію къ художественности между ними разница. Съ одной стороны: казакъ, молодецъ, богатырь—понятія, идущія *crescendo*, составляющія хлѣбъ; съ другой казаковать, видаться, боротися все опредѣленіе выражаетъ цѣль поѣздки. Послѣдній стихъ подводитъ итогъ, резюмируетъ сказанное.

До сихъ поръ пощадались все формальные параллелизмы, формальные правда, не въ первоначальномъ смыслѣ слова, во всетаки выросшіе на почвѣ дословныхъ повтореній, однако приближающіеся къ метафорическимъ, которые, впрочемъ, и другаго происхожденія и другаго развитія.

IV. Параллелизмъ въ былинномъ эпосѣ.

Проф. Веселовскій въ разборѣ «Матеріаловъ и изслѣдований» Чубинскаго указываетъ на малорусскіе запѣвы, выражающіе обыкновенно параллелизмъ природы съ настроениемъ человѣка, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. «Разработка шла путемъ анализа,—какъ и наше обособленное до эгоизма личное чувство ростетъ и изощряется и никнетъ анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыхъ не даны его первымъ моментомъ, его внезапнымъ раззвѣтомъ, непосредственнымъ увлеченіемъ» ¹⁾). Но такие символические запѣвы не чужды и народному эпосу. Въ былинѣ о Вольгѣ, напр.:

Говорить царь со царицею:
«Ай же ты царица Шанталовна!
Я знаю про то, вѣдаю:

На Руси-то трава растетъ не по ста-
рому,
Цвѣты цвѣтуть не по прежнему,

¹⁾ Стр. 37.—См. также въ статьѣ: Новыя книги по народной словесности (Журн. Мин. Нар. Просв., т. CCXLIV).

А видно Вольги-то живаго нѣтъ». На Руси все трава растеть по старому,
Говорить царя Панталовна: Цвѣты то цвѣтуть все по прежнему».
«Ай же ты царь Турецъ Санталь! (Рыбн. I стр. 186).

Илью Муромца часто привѣтствуютъ:

Одно солнышко изъ семи свѣти,
Одинъ богатырь изъ святой Руси!

Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится: Солнце свѣтится изъ небесъ, Игорь князь въ Русской земли. Чудный параллелизмъ представляетъ слѣдующее мѣсто:

Отломилась вѣточка	На чужу дальную сторону,
Отъ садовой отъ яблонки,	На чужу дальную сторону
Откатилось яблочко:	За рѣку за Смородину.
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери	(Кирѣевск. II, стр. 61).

Собственно странное и совсѣмъ непонятное опредѣленіе времени:

Когда воссіяло солнце красное
На нашу на землю Святорусскую,
Тогда народился младый богатырь
Младый богатырь Вольга Всеславьевичъ.

По толкованію Рыбникова (I, стр. XVIII) Вольга родился «современно появленію болѣе ясныхъ, первоначальныхъ формъ новаго быта». Но очевидно, мы тутъ имѣемъ извращенный параллелизмъ. Вначалѣ было вѣроятно:

Воссіяло солнце красное...
Народился младый богатырь...

Но такое простое сопоставленіе, должно быть, оскорбляло синтаксическое чувство сказителя, и онъ некстати прибавилъ союзы.

Древнѣйший видъ параллелизма—безыскусственное сопоставленіе:

На небѣ солнце—въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Иногда самый предмет опускается, и называется только его символъ.
Настасья Романовна заявляетъ Никитѣ только:

Померкло наше красно солнышко,
Потухла звѣзда подвосточная! (Рыбн. II, стр. 215).

Но въ послѣдствіи символъ «объективировался», получая самостоятельное значение для воображенія пѣвца, въ родѣ слѣд.:

Не морозы крещенские, (И не наборы солдатские)

По частымъ наволокищамъ: По Сварской Украины ^{4).}

(Рыбн. I, стр. 452).

Но это явление не эпическое; оно мнѣ нужно было только для иллюстраціи. — Символь, получивъ собственные эпитеты и собственные функции, отличные отъ эпитетовъ и функций описываемаго предмета, въ лирикѣ прекрасно уживался съ нимъ. Еще-бы: символъ реалъ и сопоставленъ съ чувствомъ нереальнымъ. Реальное никогда не можетъ быть помѣхой нереальному. Напротивъ, чѣмъ больше символъ развивался, чѣмъ картиныѣ онъ разрастался, тѣмъ нагляднѣе и осязательнѣе онъ выражалъ туманное представление о чувствѣ. Настроеніе медленно-ли, скоро-ли расплывается, воображеніе хватается за твердую орнаментику символа. Не то было въ эпосѣ. Тутъ символъ сопоставлялся съ реальнымъ и опредѣленнымъ фактотъ, и между ними должно было произойти столкновеніе. Это столкновеніе повело къ сравненію. Возвьмемъ параллелизмъ:

Знать де полетка соколиная,
Видѣть и полетка молодецкая,
Что быть Добрынѣ Никитичу (Кирѣевск. II, стр. 21).

¹⁾ Я подозреваю, что втотъ запѣвъ не относится къ сгѣдующей былинѣ, которая начинается уже инымиъ складомъ:

Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву.

Допустимъ, что воображеніе остановится на картинѣ летающаго сокола; но рядомъ выступаетъ и строго обрисованный, яркохастичный образъ мчащагося на конѣ Добрыни; сказатель сначала недоумѣваетъ, какъ могли два такихъ разныхъ предмета появиться рядомъ, но вскорѣ соображаетъ, что

Не ясенъ соколъ въ перелеть леталь,
припомнить еще, что

Не бѣлый кречетъ перепархиваль,
Выѣзжалъ Добрыни Никитичъ младъ.

Но не всегда, а въ народной эпикѣ другихъ народовъ почти никогда, не требовалось подобнаго отверженія и враждебнаго отстраненія напрашивавшагося символа: воображеніе заключало съ символомъ извѣстный *modus vivendi*. Оно понимало, что символъ не тождественъ съ изображаемымъ предметомъ, но признавая нѣкоторое сходство между ними, допускало ихъ сопоставленіе, формально однако различая ихъ союзомъ «какъ» или «что». Такъ возникло положительное сравненіе, которое одно только обычно у другихъ народовъ, но въ русскихъ былинахъ занимаетъ лишь второстепенное мѣсто. Разъ символъ формально обособился отъ предмета, то сравненіе могло принимать какіе угодно широкіе размѣры и составить особую картину, разрушающую связь разсказа. Въ гомеровскихъ сравненіяхъ мы за подробностями символа обыкновенно забываемъ сравниваемый предметъ. Или кто напр., читая о конѣ, который *ἀχοστήσας ἐπὶ φάτνῃ*

δεσμὸν ἀπορρύξας θείῃ πεδίοιο κρασίνῳ,
εἰωθὼς λούεσθαι ἐνρρεῖος ποταμοῖο
κυδιόσῳν ὑψοῦ δὲ κάρη ἔχει, ἀμφὶ δὲ χαῖται
ῶμοις ἀίσσονται· δὲ δ' ἀγλαῖηφι πεποιθὼς
ρόμφα ἐγοῦντα φέρει μετὰ τὴνθεα καὶ νομὸν ἵππῳ
(Hom., Z 506—511).

еще удерживается въ умѣ, что это Парисъ спѣшить на поле битвы, а не видеть передъ глазами своей души бодрого коня, мчащагося къ табуну, съ развѣвающейся гривой.

Но порой мы замѣтимъ и болѣе тѣсное соединеніе символа съ предметомъ, доходящее даже до полнаго слиянія. Если припомнить изъ прічтаний, гдѣ смерть мужа уподобляется закатившемуся солнцу, то понятны будутъ и слѣдующіе обороты:

Укатилося великое желаныцо,
Оно въ водушки, желанье, во глубокій,

Въ дики темныи лѣса да во дремучіи
За горы оно, желанье, за толкучіи. (Барсовъ I, стр. 1).

Или жена тоскуетъ:

Ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка,
Тосковать да подъ косьвчатымъ окошечкомъ,
Коковать буду горюша подъ окленкой
Какъ несчастная кокоша на сыромъ бору.

Горемычница отожествляетъ себя съ птицей кукушкой и продолжаетъ по-
этому:

На подсушней сижу на деревиночкѣ,
Я на горькой сижу да на осиночкѣ. (Барсовъ I, стр. 102) ¹).

Но и въ былинѣ я нашелъ удивительный примѣръ подобнаго сланія сим-
вола съ предметомъ, такъ что качества первого переносятся на послѣдній и
наоборотъ,—въ былинѣ о царѣ Соломанѣ и Василии Окульевичѣ (Рыби. II,
стр. 300). На вопросъ Окульевича, отчего дрожитъ мать сыра земля, Со-
ломанъ отвѣчаетъ, что звукъ его рожка услышали лебеди на синемъ морѣ,
что онъ вылетѣли и бѣть крыльями объ воду, что не стало у нихъ ста-
раго царя Соломана. Во второй наконъ онъ уже выражается яснѣе, приписы-
вая гуль земной скоку добрыхъ коней «кормленыхъ-ученыхъ».—Когда Со-
ломанъ заигралъ въ третій разъ, то рать-сила наѣхала. И вотъ Соломанъ
обращается къ Окульевичу со словами:

Гляди-ка ты на всѣ четыре стороны, Налетѣли мои гуси-лебеди
Почто ты посѣялъ пшеницу бѣло- Гуси-лебеди да черныя вороны,
вую, Клюютъ твою пшеницу бѣлоярову.—
Посѣялъ по чисту полю?

Однако такие примѣры чутъ-ли не единичны въ народномъ эпосѣ, они
болѣе свойственны личному творчеству, и то только наиболѣе индивидуаль-
нымъ поэтамъ — Шекспиру, Шелли, Гейне, Ленau ²), и получили высшее
развитіе въ образномъ языкѣ символистовъ. Недаромъ такой стиль называется
индивидуализирующімъ. Но способъ характеризованія народнаго воображенія
всегда былъ типичнымъ, и поэтому сравненіе является его отличительнымъ
украшеніемъ.

¹) Проф. Веселовскій. Die russischen Todtenklagen (Russische Revue, III т.) стр. 520 и др.

²) Boyle. Das Typische und das Individualisierende in der Dichtkunst.

У. Геминація дѣйствія въ русскихъ былинахъ.

Укажемъ на некоторые любопытные примѣры геминаціи въ русскихъ былинахъ.

Всѣмъ извѣстно, что Вольга при встрѣчѣ съ Микулой сперва посыпаетъ пять молодцевъ, «чтобы сопку съ земельки повыдернули», затѣмъ десять, наконецъ, всю дружину. Но вначалѣ это происходило куда проще. Сразу:

Пришла та силушка великая,
Начали сопку за обжи подергивать,
Вкругъ-то сопку повертывать,
А не могутъ сопку повыдернуть;
Тутъ то Микула Селяниновичъ ¹⁾
Подѣзжалъ ко сопкѣ кленовыя...
Какъ улетѣла та сопка къ подоблакамъ.

(Рыбн. I, стр. 23).

Разсказъ Дюка Степановича (Рыбн. II стр. 154) о сказочныхъ удобствахъ и чудесахъ въ своей «Индіи богатой, да въ Галичѣ проклятой», такъ какъ онъ былъ похвальбой хат'ѣюхъ, получилъ драматическую жизнь и разложился на цѣлый рядъ эпизодовъ о томъ, какъ Дюкъ мараеть свои сапоги, о томъ какъ онъ выливаетъ зелено вино, какъ онъ не можетъ сѣсть калача, какъ ему жаль своей бурушки-каурушки, что нѣтъ въ Киевѣ пшеницы бѣлояровой и пр.

Раньше чѣмъ Илья встрѣчается съ паленицей удалой, къ ней высыпаютъ Алешу и затѣмъ Добрыню; но оба не смѣли «у ней силушки отвѣдати». Тогда только выѣзжаетъ Илья. Когда онъ «спустилъ ее на матушку сырь землю» и «ступилъ на бѣлы груди», то трижды обращается къ ней съ вопросомъ о происхожденіи и имени, но только на третій разъ получаетъ надлежашій отвѣтъ. Въ другой былинѣ Добрыня наѣзжаетъ на паленицу и ударяетъ ее, но видя, что она и не оглядывается, для испытанія своихъ силъ расшибаетъ «сырой дубъ по ластинъямъ». Это повторяется еще разъ, тогда только паленица пріоглянулась.

Костя Новоторжанинъ, Шотанюшка Хроменъкій и Хомушка Горбатенъкій ничто иное какъ тригеминація, которая своимъ возникновеніемъ обязана тому

¹⁾ По ошибкѣ пѣвецъ поставилъ: Вольга Святославовичъ.

обстоятельству, что, дескать, продѣлка Василія Буслаева, этотъ новый спо-
собъ набора дружинъ — очень понравилась.— И Садко не однімъ разомъ заку-
паетъ товаръ въ Новгородѣ, а трижды. И Никита Романовичъ, несмотря на
всѣ угрозы царя Ивана Васильевича трижды повторяетъ свое привѣтствіе и
тогда только открываетъ ему, что сынъ его спасенъ. Въ былинѣ «Сорокъ
каликъ съ каликою» сперва за каликами посыпаютъ Алешу, но они покола-
чиваютъ его за невѣжливость, затѣмъ Добрыню, который съ ними обращается
какъ егъдуетъ. Уже въ болѣе позднемъ варіантѣ послѣ Алеши высказывается
напрасно еще Чурило (Кирѣевск. III, стр. 88).

Интересный примѣръ послѣдующей геминаціи представляетъ изъ себя
Соловей съ его семействомъ. Еѣ Соловью, который вначалѣ былъ одинокъ
(Гильферд., № 171) былъ присоединенъ потомокъ, сынъ или дочь, который
пытается отмстить за отца. Изъ тригеминаціи потомка получались былины
въ родѣ № 10 у Рыбн. I или № 5 и 7 у Тихонравова II и большей
части былинъ о Соловьевѣ у Гильфердинга. Я не нашелъ былины, гдѣ бы вы-
ступили въ защиту Соловья три сына, повсюду дочери, но вѣроятно и такія
пѣлись въ народѣ. Изъ тригеминаціи трехъ сыновей Соловья получилось ихъ
девять (Кирѣевск. I, стр. 43). Въ № 1 Тихонравова II Илья єдетъ съ при-
вязаннымъ къ сѣду Соловьемъ:

И видѣть онъ въ полѣ девять молодцевъ,
Девять молодцевъ въ кулаки бьются.

Но Илья совѣтуетъ Соловью:

Закляни ты своихъ малыхъ дѣтей,
Не заклянешь — самого смерти предамъ!

Соловей такъ и поступаетъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ чистымъ полемъ,
И видѣть опять девять сыновъ,
Соловья вора-разбойника.

Тутъ ужъ Соловей самъ отъ себя просить ихъ не трогать Илью.—
Само собою разумѣется, что Илья встрѣчаетъ еще девять сыновей. Солов-
евой говорить имъ:

Не троньте вы молодца прямовѣжаго,
У меня силы не съ више, да старый въ горсти зажаль.
И не много у него сыновъ — всего двадцать семь.

Кромъ того въ этой былинѣ еще упоминается объ одной дочери Соловья. Такимъ образомъ Илья вмѣсто одного чудовища одолѣваетъ двадцать девять ¹⁾).

Какъ собственно слѣдуетъ понимать описание свиста Соловья? Что Соловей издавалъ звуки, похожіе то на свистъ соловья, то на шипѣніе змѣи, то на ревъ звѣри? — Сомнѣваюсь. Ближе всего было уподобить крикъ Соловья-разбойника соловииному свисту, ближе всего вслѣдствіе тождества имени, но сказитель нашелъ это слишкомъ слабымъ выраженіемъ такого шума, отъ которого

Подъ Илью конь падъ на-корачъ,
и вотъ онъ прибавляетъ:

Зашипѣль Соловей по змѣиному.

Но и этотъ стихъ недостаточно силенъ; понадобился еще третій:

Заревѣль Соловей по звѣриному.

Мы высказались, что соловииный свистъ былъ приписанъ вору-разбойнику по тождеству имени; прямое указаніе, что подобнымъ образомъ возникли и другія черты, находимъ у Кирѣевск. I, стр. 45:

Посвисти, Соловей, по соловииному,
Пошиши, змѣй, по змѣиному,
Зравкай, звѣрь, по туриному.

И Орестъ Федоровичъ Миллеръ допускаетъ подобное толкованіе. «Соответственно названію собака Соловей еще мызгаетъ по собачьему», говорить онъ ²⁾). Уже это колебаніе между мызганьемъ собаки, свистомъ соловья, звѣринымъ ревомъ и шипѣніемъ змѣи — доказываетъ, что эти выраженія не должны быть поняты въ буквальномъ смыслѣ. Притомъ такое образное выраженіе не стоитъ особнякомъ въ русской былинѣ; оно подходитъ подъ категорію выше опредѣленного формального параллелизма. Часто этотъ свистъ и не опредѣляется ближе:

Онъ и свищетъ своимъ громкимъ голосомъ,
Его добрый конь спотыкается.

(Кирѣевск. I, стр. 28. Гильферд., стр. 1219)

¹⁾ У Тихонравова I встрѣчаются двѣ былины гдѣ выступаетъ 12 сыновей, у Кирѣевскаго (стр. 77) — семь сыновей Соловья.

²⁾ Илья Муромецъ, стр. 262.

Иногда указывается на разные степени свиста, но не на разные манеры получается геминация:

Ужъ какъ свиснулъ Соловей въ четверть свою голоса,
Что столѣтніе дубы зашаталися;
Какъ и свиснулъ во второй разъ онъ въ полголоса,
Что Илья съ конемъ только вздрогнулся;
Какъ хотѣлъ Соловей свиснуть во весь голосъ свой,
Натянулъ Илья Муромецъ калону стрѣлу.

(Кирѣевск. I, стр. 31; IV, стр. 3).

Въ сказкѣ говорится, что Соловей «засвисталъ своимъ свистомъ разбойничимъ крѣпко»¹). По обычаю разбойниковъ Соловей сидѣть на дубу и караулить²). При послѣдовательной геминаціи выходитъ, что Соловей гнѣздится на трехъ, на девяти, на двѣнадцати, на тридевятыи дубахъ.— Свистъ Соловья же сдѣлался общимъ мѣстомъ. Онъ присущъ и Скимену звѣрю (Кирѣевск. II, стр. 10); онъ-же приписывается и коню Добрыни. Встрѣча Ильи съ Соловьемъ оказалася воздействиѣ на былину о Дунаѣ тамъ, гдѣ его догоняетъ неувѣнная имъ невѣста, которую онъ принимаетъ за татарина. Дѣйствіе свиста описано весьма поэтично:

Рыкнулъ Татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ Татаринъ по змѣиному;
Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,
Травашки въ чистомъ полѣ повянули,
Цвѣточки на землю повысыпали. (Рыба. I, № 30).

Мы ограничимся этими отрывочными замѣтками. Быть можетъ, онѣ не всегда окажутся удачными. Но мы увѣрены, что руководившая насы мысль животворна. Несомнѣнно, историческое и сравнительное изученіе эпоса должно сопровождаться изслѣдованіемъ вопросовъ, касающихся его производительности: какъ возникаютъ варианты? что сказитель вносить новаго въ былину, которую онъ поетъ? въ какомъ размѣрѣ усвоиваются чужіе элементы, съ которыми народъ такъ или иначе сталкивается? какое измѣненіе перетерпѣваетъ событіе въ воображеніи народа? какую роль играютъ при этомъ эпические приемы?

¹) Кирѣевск. I, стр. XIX.

²) Сл. П отѣб и я. Этимологическія замѣтки (Живая Старина III, стр. 125).

какъ былина стирается съ памяти народа и какіе слѣды она оставляетъ, въ видѣ-ли отраженія въ другихъ произведеніяхъ или въ видѣ поговорки или мѣстнаго названія и пр.?—словомъ, изслѣдованіемъ цѣлаго ряда вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не только пролило бы свѣтъ на ту или другую былину, но и помогло бы выработать особую методику, примѣнимую уже ко всякому народному эпосу.

K. Тіандер.

ОТДѢЛЪ II.

Свадебные причеты, дѣтскія пѣсни и пр. записанныя въ Щетинской, Хмѣлевской и Меленковской волостяхъ, Пошехонскаго уѣзда.

I.

Вы здорововете, сударь-кормилецъ-батюшко и родимая матушка:
Услышали кукушку по кукованью, бѣлую лебедушку по кликанью,
А меня-то молодешеньку по зычну голосу.
Куковала-горевала горька-сирота оть вечерней зорюшки до утренней—
Что жалѣла себя молодешеньку.

II.

Посудите-ко народъ-люди добрые:
Принесли мнѣ молодѣхонькѣ три подарочка—
Первый мнѣ подарочёкъ—Пресвятая Богородица,
Вгородѣ-оть подарочёкъ—кунью шубу подвѣнечную,
Третій подарочёкъ—златый перстень обручатися;
Посудите вы, народъ-люди добрые,
За который да подарочекъ мнѣ принятися.
Ужъ приняться мнѣ, молодѣхонькѣ, что за первый за подарочекъ—кунью шубу
подвѣнечную—
Кунья шуба-та износятся.
Ужъ приняться мнѣ молодѣхонькѣ за второй-оть за подарочекъ, златенъ пер-
стень обручальный—
Златый перстень распаяется.
Ужъ приняться мнѣ молодѣхонькѣ за третій за подарочекъ за Мать Пресвятую
Богородицу:
Слыхала красна дѣвица оть народу, оть добрыхъ людей,
Что родительское благословленыице великое, надѣлѣнное
На огнь-то оно нѣ горитъ, на водѣ-то оно нѣ тонеть.

III. При ходѣ священника съ крестомъ въ домъ невѣсты:

Не слыхала красна дѣвица,
Свѣтла свѣтлица роскучалась,
На пяту-да становилася,
Со пяты долой спустилася—

Вошли, волетѣли дорогѣ гости.
Сначалу-то пришелъ кормилецъ—духов-
ный отецъ-батюшко—
Умная головушка, разумная,

Голова-та твоя пресвященная,
А рука-та твоя благословенная,
Пришелъ по меня по молодехоньку
Съ врестомъ животворящимъ—
Приведешь да въ честь великую
При послѣдней порѣ времячкѣ,

При остановомъ житѣе дѣвичьѣ:
Ужъ какъ мнѣ-то молодехоньку подо-
шла—да пора-времечко
Подъ вѣнецъ нести буйна гбюва,
Подъ посадъ нести руса коса.

IV. При обрядѣ «покупки мѣста».

Ты послушай-ко, соколь-милый братъ,
Ты за мѣстечко проси сто рублей,
За дѣвичью красу проси тысячу,
За меня за молодехоньку цѣны не ска-
зырай...

Богъ тебѣ Судья, соколь милый братъ,

Не поберегъ меня, красной дѣвицы,
Что моей да дѣвьѣй красоты.
Бросился ты и кинулся
На ихъ слова научёныя,
На учёныя, на куплёныя.

V.

Ты послушай-ко, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Соколы вы, браты милые, и голубушки милы сестры!
Вы скажите-ко душѣ да красной дѣвицѣ:
Хоть и дали молодѣ волю великую,
Дали мнѣ платьё цвѣтное и дѣвичью-ту побязку—
Не въ пору-да не вѣ время, къ вечеру-то мнѣ позднѣхонько;
Ужъ дали молодѣ волю великую, ужъ приставили къ молодѣ-да много сто-
рожовъ.

Ты, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Развѣ что за мнай завидѣли, что завидѣли-засыпали:
У меня у молодехоньки не по старому пошло, по прежнему—
Что завѣшены очи ясныя мелкотравчатой намѣточкой.

VI. При выходѣ невѣсты для «обзываанья»—приглашенія родни:

Что пошла я красна дѣвица на улочку
Не по старому пошла, не по прежнему:
Безъ желѣзъ да ноги скованы,
Безъ нарушниковъ руки связаны.

VII. При приближеніи къ дому родни (невѣста-сирота).

Ужъ какъ чье это хоромы, чье высокіе?
Во этихъ во хоромахъ во высокихъ
Поны-те ли живутъ или дѣканы,
Съ городовъ люди чиновныѣ?
Не попы да и не дѣканы,
Что живеть моя голубушка мила сестра,
Мой пріятный, полюбовный вѣтъ. (Въ дому вѣтъ).
Ты подумай-ко, мила сестра,
Хошь и дали молодѣ волю великую—звать-то мнѣ родни родимую
На свою свадьбу сиротскую, на горькую—
Не ждите-ко болѣ зватова,

У меня́ у красной дѣвицы посыпать-то мнѣ нѣкого,
Поднялась я молодехонька, что безъ батюшки, безъ матушки,
Что во горюшкѣ-то во великомъ.

IX. При входѣ на кладбище.

Походить-ко мнѣ душѣ-да красной дѣвицѣ по площади церковной,
Поискать-ко мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ пріемѣтнова мѣстечка, пристойнова—
Высокія, глубокія могилушки своего кормильца батюшки, родимой матушки. (На
могилѣ).

Ты здорово, сударь-кормилецъ батюшка и родимая матушка.
Узнавай, кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Сѣрую кожушку по кожуванью,
А меня́ молоду по звичну голосу.
Во останнѣё-те во послѣдніѣ я пришла, кормилецъ-батюшка и родимая матушка:
Что востаньте-ко пробудитесь отъ крѣпкого сна отъ мертвова,
Ужъ какъ жалуйтѣ, ходите въ дороги гости на мою свадьбу сиротскую,
Когда посулитесь-да въ дороги гости—
Во полу-ли почки темныѣ или по зорюшкѣ-то по вечернѣй,
На эту-бы пору времечко стала ждать-да дожидатися.
У меня́-то у души у красной дѣвицы была-бы свадебка веселая.
Ужъ я встрѣтила-бы кормильца-батюшка.
Ужъ какъ этого всего не бываетъ.
Не поднимется туманъ со сина моря,
Не всплывать-же камешку поверхъ воды,
Не вырастывать на камнѣ шелковой травѣ:
У моего кормильца-батюшка тремъ замкамъ на сердцѣ заперто.
Отъ замковъ да ключи обраты,
Въ сине-морюшко да ключи брошены;
Не всплывать-же ключикамъ поверхъ воды,
Не живать-же кормильцу-батюшку,
Не живать да на бѣломъ сѣтѣ,
Только кликать,— не докликаться
И будить—не добудитися что душѣ да красной дѣвицѣ.

X. При возвращеніи, послѣ обзываанія родни:

Вы́ встрѣчайтѣ-ко, соколы да братья иные, меня́ душу красну дѣвицу.
Созвала я красна дѣвица всю родню свою родимую,
Своего кормильца-батюшка и родимую свою матушку.
И придетъ кормилецъ-батюшка не вобъявъ да людимъ добрыимъ.

XI. Родни «спасаютъ»—благодарятъ.

Вы спасибо, соколь иллій братъ (перебирается вся родня)
На хлѣбѣ да соли, на честной добродителян,
Какъ учили молоду уму-разуму потихо-
хоньку, полегохоньку.

Вы простите-ко душу красну дѣвицу
Во тѣхъ во досадушкахъ великихъ,
Какъ жила-тоя красна дѣвица.
Сердечушкомъ была неснослика,

На языкъ была не сдержанна.
Ужъ tenerь мнѣ, молодѣхонъкъ,
Подъ вѣнецъ нести буйна голова,

Подъ посадъ нести руса коса:
Росплетутъ-то мою косоньку,
Росплетутъ-то да надвое.

XII.

Благослови-ко меня, да Боже-Господи,
Поскорбить-то ретиво сердце,
Посмочить да платье цвѣтное!
Ты послушай, сударь-кормилецъ-батюшка,
Куда-же я больно баско снаряжаюся,
Во свое-да платье цвѣтное,
Безъ поры да безо времечка,
Безъ Господскаго да праздничка?
Да скажи, сударь-кормилецъ-батюшка и
родимая матушка,
Какъ пойду-то я, молодѣхонка, къ обѣд-
нѣ пресвященнейой
Не по старому пойду, не по прежнему:
Я во горюшкѣ, во кручинушкѣ,
Во слезахъ да во горючинъхъ,
Не въ своей волѣ великоей,
Такъ послушай, сударь-кормилецъ-батюш-
ка и родимая матушка,
Подойдите ко мнѣ, молодѣхонъкѣ,

Пока я во душахъ во красныхъ дѣви-
цахъ,
Во своей волѣ великоей:
Вы раскроите мелкотравчату намѣточку,
Поглядите-ко моего лица бѣлаго—
Играеть-ли румянецъ во бѣломъ лицѣ,
Сияеть-ли моя дѣвъя красота,
Ужъ какъ эти-ли камбабурскія блѣз-
дочки? (sic)
Ужъ какъ можно мнѣ знать, можно вѣ-
дати,
Самой да догадатися,
Не играеть румянецъ во бѣломъ лицѣ,
Не сияеть моя дѣвъя красота—
Не по старому пошло, не по прежнему,
Все прошло, да миновалося,
Все прошло, да порѣшилося
Мое житѣе дѣвичье безпечальное, безза-
ботное.

XIII.

Ты послушай, сударь-кормилецъ-батюшка
и родимая матушка,
На что разсердились, расногнѣвались на
меня на молодѣхонъку?
Развѣ вы, кормилецъ-батюшка и роди-
мая матушка,
За иной да чтѣ завидѣли, чтѣ завидѣ-
ли-заслышили?
Какъ жилѣ-то я у васъ, молодѣхонка,

Потише я жила ключевой воды,
Пониже шелковой травы,
Берега, молода, свою волю великую,
Ровно душу во бѣломъ тѣлѣ;
Не давала, молода, свою волю великую
Вѣтру-вихорю обдувать,
Часту дождику—обдождивать,
Людямъ добрымъ осмѣивать.

XIV.

Ужъ какъ какъ же, кормилецъ-батюш-
ка и родимая матушка,
Говорили вы про меня, про молодѣхонъку,
Говорили народъ-люди добрые
Славу добрую рѣчь хорошую,

Говорили вы, сударь-кормилецъ-батюш-
ка и родимая моя матушка,
Что съ тобою, дочка милая,
Что повѣки мы съ тобой не разстанемся:
Ужъ какъ я на васъ вся надѣялась—
На стѣны бѣлокаменны.

XV. Спасаютъ (благодарить невѣста) на басѣ.

Ужъ какъ стать мнѣ, молодѣхонъкѣ,
Со этой со лавочки дубовой
На полы да на рудовые,
На свои да рѣзвы ноженьки,
На башмачки на сафьянны,
На чулочки ярославскіе.

Подойти мнѣ, молодѣхонъкѣ,
Ко своему кормильцу-батюшкѣ и роди-
мой моей матушкѣ:
Такъ спасибо вамъ, сударь-кормилецъ-
батюшка и родимая моя матушка,
На хлѣбѣ да на соли, на честной доб-
родѣтели!

Ищо спасибо вамъ, сударь-кормилецъ-
батюшка и родимая моя матушка,
На цвѣтномъ платьице—шелковомъ,
На шелковомъ на хорошошѣтъ!
Ужъ какъ клали сударь-кормилецъ-ба-
тюшка и родимая моя матушка,
На меня да платье цвѣтное,
Не жалѣли да золотой казны—
Наклали да платье цвѣтное
На завидость людамъ добрыимъ,

На издивушку да милымъ подруженькамъ.
Какъ надѣну-то я, кормилецъ-батюшка,
Что своё да платье цвѣтное,
Пойду я, молода, во торги да во ярмарки.
Во торговыя во лавочки—
Завидовали миѣ мои подруженьки:
«Ты какая, наша голубушка,
Счастливая зародилась у своего кормиль-
ца-батюшка,
Не жалѣль-же онъ золотой казны».

XVI.

Ты прощай, кормилецъ-батюшка и ро-
димая матушка,
Во всѣхъ меня досадушкахъ великихъ:
Нагрубила, досаждала красна дѣвица,
Сами-то вы знаете, вѣдѣаете,
Молодымъ-то я была молодехонька.
Какъ теперь миѣ, молодехонькѣ,
Всё прошло да миновалося,
Всё прошло да порѣшилося
Хорошое житѣе дѣвичье, безпечальное,
беззаботное.
Ужъ какъ миѣ-то, молодехонькѣ,
Что мое-ли житѣе дѣвичье,
Ровно во сну оно приснилось,
Во просоныцѣ привидялось.
Теперь миѣ, молодехонькѣ,
Не вѣки-те вѣковати,
Не годы-те годовати,
Не недѣли вѣ дѣвкахъ сидѣти,
Не другая красоватися.
Не много миѣ остается поры-времечка—
Одинъ часъ да со минутою.
Жила-то я у васъ, кормилецъ-батюшка
и родимая матушка,
Не видала я, красна дѣвица,
Когда красное солнышко закатается,
Вѣлій день да зарождается.
У тебя, кормилецъ-батюшка и родимая
матушка,
Сумеречки были гультивые,
Подымочки сочтивые.
Родима матушка встанешь по утру по
ранехоньку,
Погодѣ будиши меня молодехоньку:
«Ты вставай-ко, дочка милая,
У меня дѣло не дѣлано,
Всѧ робота не работана,
У меня печка не топлена»,

Ключева вода не напоена!
Ужъ какъ встану я, молодехонька, со
мягкія постельюшки,
Погляжу я по своей свѣтлой свѣтынѣ:
У моей родимой матушки всѣ дѣло при-
дѣлано—

Ключева вода напоена,
Свѣтла свѣтлица истоплена.
И спрошу я у своей родимой матушки,
За какое дѣло миѣ принятыся.
На отвѣтъ-то скажетъ родима матушка:
«Ты чеши-ко буйну голову,
Зашлети-ко русу косоньку,
Умывай да лицо блѣое,
Снаряжайся во свое да платье цвѣтное—
Не во самое хорошее,
Ступай-ко, мое родимо дитятко,
Ко своимъ-то милымъ подруженькамъ,
На свою смиренную бесѣдушку—
У меня всѣ дѣло придѣлано».
Теперь у меня, у молодехоньки,
Какъ я стану жить во чужихъ людяхъ,
У чужаго отца матери:
Стануть будить-то поранехоньку:
«Ты вставай, сочливая, дремливая!
У меня дѣло все придѣлано,
И работа приработана:
Свѣтла свѣтлица истоплена,
Ключева вода напоена».

Какъ я встану, молодехонька,
Что встану—умоюсь горючимъ слезамъ,
Утруся иправимъ рукавомъ,
Погляжу по темной темницѣ,
По заключенной ключеницѣ:
У лихіѣ-то свекровушки
Всѣ дѣло не дѣлано,—
И работа не работана—
Тѣни темница не топлена,

Ключевà вода не пошена.
У дихiè-то у свекровушки не знаю, мо-
лода,
За какое мнiè дiло принятися.—
Одолить меня горе-кручинушка,
Пристанеть печаль къ ретиву сердцу:

На чужой-ту, дальной стiронiè
Не знаю, кому поведать горе-кручи-
нушку;
Сойти мнiè во тёмную во горенку,
Припаста, молодё, на приданую коробушку,
Поведать-то мнiè горе-кручинушку.

XVII. При приближениi дружекъ:

Не боитесь, не страшитесь, люди добрые!
Не надъ вами туча грянула,
Туча грянула, стрiла ударила—
Надо мной одной туча грянула,
Стрiла ударила.
Погляди-ко, кормилець-батюшка, кругъ
нашего дому благодатного,
Подымается туча грозная,
Туча грозная, громовитая—
Подъезжаютъ-то чужiе люди
Съ чужiè дальны стороны
Бъ нашему дому благодатному.
Послушай-ко, сударь-кормилець-батюшка,
Пошли-ко сокола брата иллаго,
Что-бы купилъ замки да полужёные,

Ключики да мièдные,
И заперли-бы воротечка тесовая,
Не пустили-бы въ благодатный домъ.
Ты поставь, кормилець-батюшка,
Ко дверямъ—придверничка,
Ко широкимъ воротамъ—ты сторожа,
Воротятся чужiе люди,
Оставлять меня молодёшеньку,
У кормильца-то у батюшка, у родимой-
то у матушки.
Ужъ какъ можно знать, догадатися,
Не воротится пора времячко,
Ужъ какъ приводить Боже-Господи
Ко судьбiè-то ко Божьей—
Идти во чужiе люди.

XVIII.

Ужъ какъ стать-то мнiè молодёшонькiè,
Проти этого чудиаго образа,
Помолиться Боже-Господу;
Ужъ мнiè складывать крестъ по писан-
ному,
Молитву творить Иисосову.
Ужъ какъ первый поклонъ поклонюсь за
царя благовёриаго,
Какъ второй поклонюсь за царицу bla-
говёриную,
Ужъ какъ еще поклонъ поклонюсь за
свою волю великую,
Какъ теперь мнiè, молодёшонькiè, по лiè-
вую по рученьку
Стоять бёлые берёзоньки,
Какъ по правую по рученьку
Стоять сады-то всё зелёные,
Съ виноградомъ со увёшаньемъ;
На зади у молодёшоньки
Стоять лièса-да тёмные,
Лièса тёмные, дремучие,
Попередъ молоды красить красно сол-
нышко,
Святить да святель мièсяцъ:

Ужъ какъ можно мнiè знать, можно вѣ-
дати,
Самой да догадатися—
Не сады стоять зелёные съ виноградомъ
со увёшаньемъ—
Сидять мон всё сродники,
Всё дядюшки, всё тётушки и голубушки
милы сестры:
Не берёзоньки стоять бёлые
Сидять-то мон милы подруженьки,
Всё весёлые и радошные, баскiя и па-
рядные;
На зади у молодёшоньки
Не стоять лièса темные, лièса тёмные,
дремучие—
Стоять народъ-люди добрые,
Всё соседи, и соседушки, и соседски
малы дётушки,
Попередъ-то молодё не красить-то крас-
но солнышко,
Не святить-то святель мièсяцъ—
Стоить кормилець-батюшка и родимая
моя матушка
Съ великимъ благословеницемъ,
Съ сердочнымъ надиленицемъ.

XIX.

Благослови, кормилець батюшко,
Во послѣднѣе, во останнєе,
Пока во душахъ да красныхъ дѣвицахъ,
Во своей волѣ великоей:
Надѣлите-ко, сударь-кормилець-батюшка
и родимая моя матушка,
Надѣлие счастиемъ, талантомъ—

Благословите меня молодѣхоньку.
Я слыхала, молодѣхонька, родительское
благословеніе великое, надѣлѣніе
На водѣ-то оно нѣ тонеть,
На огнѣ-то оно нѣ горитъ,
Въ чужихъ людяхъ не загончиво.

XX.

Ужъ у насть во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ
Какъ сидѣть моя милая подруженька.
Ты послушай, моя милая, задушная по-
друженька,
Я обѣ чѣмъ да буду говорить,
Понизкѣ да буду кланяться,
Не оставь-ко моїе просьбы великія:
Сѣдѣ-ко на мое мѣсто почтѣнное,
Почтѣнное, книжницкое—
Замѣни меня молодѣхоньку,
Отъ этой поры-времечка;
Не пожалѣла-бы я, молодѣхонька, сво-
его платья цвѣтнаго,
Хошь-бы я, молодѣхонька,
Осталась у кормильца у батюшка, у
кормилицы у матушки
По старому, по прежнему,

Да всѣ-бы по дотольному:
Я пошла-бы молода съ задушнимъ по-
друженькамъ
Во весельѣ, во радости на смиренную
бесѣдушку.
Можно мнѣ знать, можно вѣдати,
Самой да догадати—
Не замѣнить задушная подруженька
Что меня да молодѣхоньку:
Ужъ какъ дѣвка-то я стала на возрастѣ
И невѣста-то стала на выдачѣ—
Ужъ такъ можно мнѣ знать, можно вѣ-
дати,
Никто не замѣнить меня молодѣхоньку.
Видно приводить мнѣ Боже-Господи
Самой садиться молодѣхоньку
Во мѣсто во книжницкое.

XXI. Невѣста садится съ братомъ, который будетъ «продавать»

Ты послушай, соколь милый братъ,
О чѣмъ я буду говорить, понизкѣ да
буду кланяться,
Не оставь моїе просьбы великія:
Какъ пріѣдуть-то чужи люди,
На сдавайся ты на ласковы словечушка—
Какъ у этихъ у чужихъ людей
Золота казна займина,

Ласковы слова научёныя.
Ты за мѣстечко-то проси 100 рублей,
За выкупъ проси тысячу,
За меня молоду цѣны не сказывай—
Ужъ какъ я, молода, зародилась у сво-
его кормильца батюшка,
Зародилась я безцѣнная.

XXII. Поехѣ продажи мѣста невѣста обращается къ брату:

Богъ тебѣ судья, соколь милый братъ,
Промѣнялъ ты меня молодѣхоньку,
На стаканъ зеленѣ вина.
Какъ теперь я, молода,
Рѣвнушко на льду подломилася,

Во проломъ да опустилася,
Чужимъ людямъ покорилася.
Не сама я покорилася чужимъ людямъ,
Впередъ-то покорился сударь-кормилець-
батюшка и родимая матушка.

ХХIII. Когда подносят дружкѣ вина, не называя его, и тотъ принимаетъ противъ обычая:

Ужъ какъ Богъ тебѣ судья, корми-
лецъ-батюшко:
Нахвалили вы чужихъ людей,
Что и умны и разумные,
И школьные, проворные,
Знаютъ, какъ съ людьми обойтитися,

Понизкѣ да поклонитися—
Какъ эти-то чужи люди
Видно въ лѣсѣ они родилися,
Пеню богу они молилися:
Не знаютъ, какъ назвать гхъ по имени,
Извеличать поизбѣтчству.

ХХIV. Когда невѣста (сирота) обдаритъ всю родню:

Какъ послушай-ко, родимая-матушка, со-
колы да браты милые.
Я спрошу вѣсъ, молодехонька,
Всю-ли родню я обдарила:
Всѣ-ль дядюшкѣ и тѣтушкѣ, бра-
тovей да своихъ милыхъ,
И голубушекъ родныхъ сестеръ?
Я сама да знаю вѣдаю,
Я во горюшкѣ, во кручинушкѣ,
Во печали во великой
Позабыла я, не сдумала своего кормиль-
ца-батюшко.
Не слыхали красны дѣвицы,
Свѣтла свѣтлица раскуталась,
На пяту да становилася,
Со пяты долой спустилася
Потихохоньку, полегохоньку.
Не вѣбъявъ да людямъ добрыимъ

Какъ во нашей свѣтлой свѣтлицѣ
Вдругъ раскрасило красно солнышко,
Разсвѣтиль-то свѣтѣль мѣсяцъ.
Ост-ронитесь - ко, народъ-люди добрые,
на всѣ четыре стороны!
Не конѣмъ мнѣ проѣхати,
Не корабль-да животовъ вести—
Одному пройти-проѣхати
Моему кормильцу батюшкѣ
Со великимъ надѣнѣицемъ,
Съ сердечнымъ благословенѣицемъ.
Можно знать, можно вѣдати самой мо-
лодехонькѣ,
Съ того свѣту, втораго Суда
Нѣть не выходу не выѣзду,
Не коннаго, не гѣшаго,
Не письма нѣть, не грамотки,
Некакого проповѣдчика.

ХХV. При прощаньи:

Ты прощай, кормилецъ-батюшко и ро-
димая моя матушка,
Прощайте меня молодехоньку!

Живите безъ меня—разживайтесь,
Наживайте кошельки да золотой казны.

ХХVI. Утромъ, въ день свадьбы:

Ты послушай-ко, сударь-кормилецъ-ба-
тишко и родимая моя матушка,
Спала-ли вами почка тѣмная,
Спала-ли вами, лежала-ли?
Ужъ какъ мнѣ, молодехонькѣ,
Не спала-да почка тѣмная,
Не спала-да ие лежала.
На малѣхонько призабылася—
Какъ приснился мнѣ некорыстный сонъ,
Некорыстный сонъ, не радостный.
Ужъ какъ, ровиушко, кормилецъ-батюш-
ко, у васъ на широкоемъ дворѣ

Выростала бѣлая берёзонька,
Бѣлая берёзонька, кужлявая,
Со коренѣицемъ со рудовыимъ,
Со отростелькамъ со вѣтлянѣицемъ,
Со листичкамъ со шелковыимъ.
Какъ еще, кормилецъ-батюшко, на ва-
шемъ широкомъ дворѣ
Столбы-ти пошатились,
Верей да подломились.
Какъ еще, кормилецъ-батюшко, у ва-
шего дому благодатнаго
Частва ли(в)синка разсыпалася

По одной да половничинкѣ.
 Ты послушай, кормилицъ-батюшка,
 Наряди-ко своего сына милаго,
 Кой на ноженъку скорѣхонѣкъ,
 На посыпочку легохонѣкъ,
 Ты пошли-ко къ попамъ его, къ дьяка-
 намъ, ко всѣмъ причетникамъ—
 Не разсудять-ли не корыстный сонъ.
 Ужъ можно инѣ знать, можно вѣдати:
 Выростала-то не бѣлая берёзонька—
 Выростала красна дѣвица со своимъ бѣ-
 лымъ ноженъкамъ,

Со своимъ бѣлымъ рученькамъ, со своей
 да буйной головой.
 Не столбы-ти пошатилися,
 Не вереи подломилися—
 Ужъ какъ я, молода, ровно на льду про-
 ломилася,
 Во проломъ да опустилася.
 Не часта лисенка разсыпалася—
 Разсыпалася руса коса по одной да во-
 лосиночкѣ.

XXVII. При собираньи невѣсты къ вѣнцу:

Ты послушай, моя милая подруженька,
 Заплети-ко русу косоньку во послѣднѣ,
 во оставшыѣ,
 Еще заплети-да русу косу
 Со всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
 Заплети-ко въ русу косоньку три но-
 жичка,
 Три ножичка, три булатные,
 Три булатные, укладные:
 Какъ сведуть-то меня, молодѣхоньку,
 Въ Божью церковь во собориую,

Поставить-то въ вѣнцу золоченому,
 Стануть-то надѣвать вѣнцы золоченые
 На мою да буйну голову,
 Стануть расплетать русу косоньку чужи
 люди—
 Обѣжуть они руки бѣлые,
 Отступятся отъ меня, отъ молодѣхоньки,
 Уйдутъ-то изъ Божьей церкви соборныи,
 Оставить меня, молодѣхоньку,
 Стану жить-то я по старому,
 По старому—по прежнему.

XXVIII. «Воля», такъ называется этотъ причетъ.

Какъ теперь отошла воля великая,
 Отшумѣли вѣтры-вихори.
 Отговорили теперь люди добрые,
 Отговорили славу добрую,
 Славу добрую, рѣчь хорошую про меня
 молодѣхоньку.
 Ужъ какъ систи (сѣсти) молодѣ подъ
 переднее окошечко,
 Откнуть-то инѣ окошечко—
 Ноглядѣть молодѣ, куда пошла воля ве-
 ликая,
 Во которую путь-дороженьку.
 Ужъ какъ пошла моя воля великая,
 Пошла вонъ изъ свѣтлой свѣтлицы
 И пошла на калиновъ мостъ;
 Съ калиноваго моста—на красноѣ крыльцо.
 Съ краснаго крыльца—на свѣтлу лисенку.
 Пошла-то воля великая,
 Пошла она, заохала,
 Зарыдала и заплакала,
 На меня да разсердилася,

Повѣки она не сулилася.
 Вошла моя воля великая во лѣса во
 темные,
 Въ лѣса темные, дремучіе;
 Какъ нашла да три дороженьки.
 По первой пошла по дороженькѣ—
 Медвѣдъ-то лежить со медвѣдцей,
 Ужъ тутъ моя воля испугалася,
 Со дороженьки ворочалася.
 Какъ еще-то нашла дороженьку,
 На этой-то путь-дороженькѣ
 Лежить змѣй со змѣятами;
 Ужъ какъ тутъ-то моя воля испугалася,
 Со дороженьки ворочалася.
 По третьей-то пошла по дороженькѣ—
 Зелёной-отъ лугъ лежить разрызчатый,
 Ужъ какъ тутъ моя воля испугалася,
 Со дороженьки ворочалася.
 Ужъ какъ можно знать, можно вѣдати,
 Самой да догадатися:
 По первой по дороженькѣ

Не медвѣдь лежитъ съ медвѣдицей—
Свѣкоръ со свекровушкой,
На второй-то на дороженькѣ не змѣй со
змѣятами—
Девѣрья со золовушкамъ;

Какъ на третьѣй на дороженькѣ
Не зелёный лугъ лежитъ разрывчатой—
Лежитъ чужъ чуженинъ (женихъ)
Съ чужіё сторонушки.

XXIX.

Какъ пошла я, молода, по пути да по
дороженькѣ,
На встрѣчу-ту идетъ старость бабьяя,
На горбу-то да кошель виситъ,
Костылемъ да подпирается,
Сама собой да похваляется:
«Какъ тебя я, красна дѣвица,
Взвѣтра малѣхонько, поране этого,

Обесчещу, красна дѣвица—
Сынъ съ головушки дѣвью красоту,
Росплету я русу косоньку при народѣ,
при добрыхъ людяхъ,
При попахъ и при дѣяконахъ,
При всѣхъ причетникахъ,
При милыхъ задуш(ев)ныхъ подружень-
кахъ».

XXX.

Подойди-ко, родима тѣтушка ко мнѣ мо-
лодѣхонькѣ
Во послѣднѣй, во оставнѣй,
Научи-ко, какъ жить во чужихъ людяхъ,
Привыкать-то мнѣ ко чужимъ отцу-ма-
тери,

Какъ тошнѣе того привыкать къ чу-
жому-чуженину—
Ужъ какъ ровно къ крапивушкѣ ко
жгучей,
Ко морозу ко трескучему.

XXXI. Невѣста пѣняетъ отцу, что далѣко просватали:

Поверсталь (просваталь)-бы ты меня,
кормилецъ-батюшка,
Поблизѣхоньку—на одворинку.
Вы верстаете меня, кормилецъ-батюшко.
Далѣкими-то далѣкохонько—

На чужую дальную сторону:
На эту-то дальную сторону
Не ходять, не єздятъ добры-люди,
Только летаютъ одиѣ вольны пташечки
По жеребью да по порядочку.

XXXII. При рукобитьѣ, невѣста проситъ свою замужнюю сестру:

Подойди-ко ты ко мнѣ, голубушка мила
сестра,
Пока я во своей волѣ великой,
Во душахъ во красныхъ дѣвицахъ,
Подсоби-ко ты мнѣ горюшко погоревать,
Великихъ слѣзъ поубавити;

Поучи-ко, моя голубушка, уму-разуму,
Какъ жить во чужихъ людяхъ;
Нашто (вѣроятно) много надо ума-разума
И обычая-то лѣткаго;
Не дадутъ далѣко мнѣ разгуливать,
Широко они расхаживать?

XXXIII. Сестра, въ отвѣтъ на просьбу невѣсты:

Ты послушай-ко, голубушка мила сестра,
Не знаю, молода, испугать-ли тебя, обра-
довать,
Какъ жить во чужихъ людяхъ.
Ты живи-ко, моя голубушка,
Держи голову споклонную,
Ретиво сердце спокорливо;

Называй-ко ты ихъ по имени,
Величай по изотчеству;
До чужого-то чуженина
Будь ты ласкова, привѣтлива,
Еще, моя голубушка,
Ты живи-ко во чужихъ людяхъ,
Не держи-ко задушнныхъ подруженекъ;

Когда стоскуется, сгрустнется,
Ужь какъ выди ты во чистѣ подѣ,
Припади-ко на горючей на камешокъ
Своимъ ретивымъ сердечушкомъ.

Повѣдай свое горюшко великоѣ:
Горючъ камешекъ не выскажеть,
Мать-сыра земля не вынесеть.

XXXIV. Невѣста благодарить за совѣтъ:

Спасибо тебѣ, голубушка мила сестра,
Поучила меня уму-разуму,

Ровно легче-то стало ретиву сердцу.

Слѣдующіе (дѣтскіе) стихи обращаютъ вниманіе своей формой—размѣромъ, совершенно похожимъ на тоническое стихосложеніе. Такое стихосложеніе, по господствующему мнѣнію, было чуждо народной поэзіи, а въ искусственной впервые введенно Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ. Дѣтскіе стихи, колыбельные пѣсни представляютъ всѣ виды тонического стихосложения, хотя среди нихъ мало стиховъ строго выдержаннныхъ по формѣ, т. е. напр., одинъ хорей; чаще всего въ смѣси:

Х о р е й.

I.

— «Заяцъ бѣлой

Куда бѣгалъ?»

— «Въ лѣсѣ ду-бовый»

— «Что тамъ дѣлалъ?»

— «Лѣтко дралъ».

— «Куда малъ?»

Падъ ко-лоду».

— «Кто у-кralъ?»

Шишелъ вышелъ,

Вонъ по-шелъ.

II.

Дождикъ, дождикъ,

Пере-стань!

Я по-ѣду въ Гороно-стай

Дактиль: Бѣгу мо-житъся, Хри-

сту поклоня-ться.

У Хри-стѣ сиро-тѣ отво-рѣла во-

рота.

III.

Радуга, дуга, (смѣшанный).

Не давай дождя,

Давай солнышка—колоколышка.

IV.

Загорѣлся кѣшинъ домъ,

Кошка вѣбѣжала,

Глаза выпучила,

Падѣ-жала къ каба-ку.

V.

Гуля-Гуля голубокъ,

Кто тебя зарѣзаль?

Батюшка зарѣзаль,

Матушка вѣльла.

Сестрица не ъла,

Падѣ столомъ сидѣла,

Косточки гладала,

На небо кидала.

На небѣ-то люди;

Люди пропали

Вора оклевали.

Воръ-то божится:

«Право-нерѣво, не я».

VI (колыбельная).

Гули, гули-гуленьки,
Прилетали голубки.

Стали они ворко-вать,
Стали Митеньку качать.

VII (когда ходить въ лѣсъ за грибами, просять):

Никла Микла, (Амфибрахій)
Наиболин лукбушко

Стбомъ верхомъ
Перевытышкомъ!

VIII.

Чи́йлики, чи́йлики,
По кусту, по насту,
По лебедю гора́зду.

Шишелъ вышелъ,
Вонъ пошелъ!

Этими стихомъ находить, кому въ извѣстной игрѣ «водить», т. е. напр., если играютъ, «въ убирки», то всѣ прячутся—убираются, а одинъ ищетъ—«водить». Всегда выбираютъ такъ: участники игры становятся въ кружокъ, и одинъ говорить стишокъ, ударяя на каждой стопѣ по порядку одного изъ мальчиковъ; кому ударъ придѣтъ на послѣдней стопѣ, тотъ и водить.

Коляда на Рождество, записана въ Хмѣлевской волости, Пощеконского уѣзда.

Благослови-ко ты, хозяинъ,
Подъ окошкомъ стать,
Коляду разсказать.
Ужъ какъ наша коляды
Не велика, не мала—
Она въ двери не лизеть,
Въ окошко шьеть,
Черезъ улицу метететь,
Черезъ тынъ подасть.

За заслонкой-то жолудокъ—
Подавай его сюда;
На полице-то пирогъ—
Ломай поперечь.
Кто дастъ пирога—
Цѣльный дворъ живота;
Кто не дастъ пирога
Ни кола, ни двора,
Ни милаго живота.

«А з бульба»—современная дѣтская игра указываетъ на древніе происхождѣніе дѣтскихъ игръ и бесперемѣнную ихъ передачу, можетъ быть виродолженіи стихій до настоящаго времени. Такъ, въ этой игрѣ сохранилось древнє-славянское слово «азъ»—я, потерявшее въ наше время для народа свое значеніе: игра называется «азбульбой»—именемъ, въ которомъ соединены два слова—«азъ» и «бульба». Въ примѣненіи къ дѣтскимъ игровымъ стихамъ это свойство имѣть особое значеніе, доказывалъ, что тоническое стихосложеніе дѣтскихъ стиховъ имѣть очень древніе происхождѣніе.

Игра эта такова. Изъ участниковъ игры одинъ становится къ стѣнѣ, другіе въ недалекомъ разстояніи отъ него.

Стоящій у стѣнъ говоритъ:

—«Азъ Бульба?»

—«Ты Бульба»—отвѣчаютъ другіе.

—«Нажмай кулаки!» командаeтъ Бульба.

—«На чье боки?» спрашиваютъ другіе, приготовляясь напасть на того, кого назоветъ Бульба.

Бульба называется одного изъ участниковъ, на котораго тотчасъ-же всѣ нападаютъ, стараясь дольше не допустить до стѣны, гдѣ его не трогаютъ, и онъ самъ

становится Бульбой. Если его сшибутъ съ ногъ, когда онъ не успѣть добѣжать до мѣста, его не трогаютъ, предупреждая другъ друга: «лежачаго не бывать». Добѣжавъ до мѣста, онъ кричить: «Чурь (славянскій богъ) на мѣстѣ!»—которое останавливается тотъчъ его ряныхъ преслѣдователей.

Пѣсни и причѣты—въ дополненіе собранныхъ отъ 1892—96 гг. по Меленковской волости, Йрославской губ.

I. Старинная народная пѣсня.

Какъ во городѣ во славномъ Кіевѣ
У богатаго купца были три сына.
Отецъ съ матерью ночки не спали,
Ночки не спали, думу думали:
«Намъ котораго сына въ содатушки от-
дѣть—
Ужъ какъ первого отдать—дѣти малыя;

Намъ второго отдать—жена умная;
Намъ отдать не отдать сына младшаго».
Ужъ какъ младшій сынъ распакался,
На отца, на матерь пораспогнѣвался:
«Уже что я вань, или не сынъ быль?»
«Или ты миѣ—не родная мать,
«Не родная мать, злая мачиха?»

II. Свадебный причѣтъ (импровизация одной невѣсты-сироты; переданъ ся тѣткою).

Ты поди, кормильца тѣтушка,
Что ко миѣ да молодѣхонъкъ,
Къ сиротѣ да горе-бѣдноей;
Не прогнѣвайся, моя кормилица,
Что не вышла, да не встрѣтила,
Не брала я за бѣлы руки,
Не садила на честно мѣсто,
На честно мѣсто, на лавочку.
Я спрошу да, молодѣхонъка,
Ужъ ты Ѳхала путемъ-дорогою,
Ты глядѣла на всѣ четыре стороны—

Не летять-ли гуси сѣрые,
Не летить-ли младъ ясень соколь;
Не идѣть-ли кормилецъ-батюшка
Не исесть-ли кормилецъ-батюшка
Во рукахъ-то Богородицу,
Во устахъ благословенъице?
Вѣрно миѣ да, молодѣхонъкъ,
Видно ждать да не дождатся,
И глядѣть не доглядѣтися не съ кото-
рую сторонушку.

III.

Вы послушайте, братья-батюшки,
Я о чѣмъ да буду говорить,
Понизкѣ да буду кланяться—
Отъ бѣла лица—до пояса,
Я отъ пояса—до сырой земли:
Я пойду да, молодѣхонъка,
Во поля-то я во чистые,
Во луга да во зелёныѣ,
Во траву да во шелковую;
Положу я дивью красоту

Во траву да во шелковую;
Что придѣтъ да лѣто теплое
И пойдёте, братья-батюшки,
Со косами да со вострыми,
Вы подрѣжите дѣвью красоту во лугахъ
да во зелёныхъ,
Принесите во свой благодатный домъ,
Положите, братья миыгъ, подъ серединѣ
окошечко.

Нѣкоторыя измѣненія въ ранѣе сообщенныхъ и отрывки.

I.

Не бѣла лебедь вскричала—
Мать по дочери всплакала:
«Дорогая дочка миая,
Чадо миое—дочь любимая,
Позабыла ты трой ключи:

Первый ключъ отъ свѣтлой горенъки,
Второй—отъ комода красна деревца,
Ужъ какъ третій ключъ отъ своей вѣ-
люшки».

II.

Облеталь соколь всю Святую Русь,
Не нашель соколь житъя, лучше дѣвичья:

Житьё дѣвичье—воля вольная,
Воля вольная, безуёмная.

На челобитьѣ (одинъ изъ древнихъ свадебныхъ обычавъ, до сихъ поръ сохранился въ Хмѣлевской волости, Ярославской губерніи).

Нѣкоторыя загадки при продажѣ мѣста.

Двери комнаты, гдѣ сидить невѣста, держать подруги,—не пускаютъ дружку, пока онъ не прочитаетъ Иисусовой молитвы. Дружка подходя къ столу, гдѣ сидить невѣста, опять читаетъ ту-же молитву. Кто продаетъ мѣсто (часто сторонній ловкій человѣкъ) начинаетъ загадывать загадки дружкѣ. За неотгадку дружка платить золотой казной. Для этого, чтобы произошла «замятка»—дружка не отгадалъ бы, дѣвицы подымаютъ столы на одни ножки и зажимаютъ въ столѣ сучки. Предь загадываніемъ входятъ побѣжанцы.

— «Чѣмъ ты напередъ шѣль!—спрашиваетъ продавецъ мѣста дружку; если послѣдний не опытенъ, то можетъ отвѣтить не вионадъ—«Ногами»,—напр., (отгадка—Иисусовой молитвой).

— «Подай мнѣ море на четырѣхъ столбахъ?» (Яндову съ пивомъ).

— «Самъ нагъ, рубашка подъ пазухой?» (Свѣтлая восковая).

— «Поставь домъ—углы вызолоти, середку высеребри». (Накласть денегъ на столъ—на углы золото, чаще, конечно, серебро; на срединѣ серебро или мѣдь).

— «Подай сиваго коня, чтобы могъ вывестъ меня?» (жениха).

Во время столованія до вѣнца, женщѣ садясь за столъ, наступаетъ правую щеку невѣсты и береть правую руку «отъ порчи».—Обычай, с. въ Хмѣлевской волости, Пошехонского уѣзда.—Здѣсь-же сохранились старинныя названія и существуютъ роли при свадебной церемоніи, не говоря уже о дружкѣ, полудружкѣ, сватахъ, свахахъ, посаженомъ отцѣ матери, тысяцкаго, который не отлучается отъ жениха и во время обрядовъ водить его подъ руку; названія «большого или меньшаго барина»— большого и меньшаго боярина.

О сохранившемся до сихъ поръ обрядѣ «челобитья» упоминается въ описаніяхъ свадебъ второй царя Михаила Феодоровича и первой Алексія Михайловича: «Государь.. послалъ царицыныхъ дружекъ къ царевнѣ сказать, что-бъ она шла въ грановитую палату на мѣсто. Она-же, пришедъ, ударили челомъ, и старшій изъ нихъ сказалъ» и т. д.

Изъ народныхъ сувѣрій по Ярославской губерніи:

I. Прощаніе съ землей. Обычай этотъ соблюдается «въ приткѣ», т. е. такой загадочной болѣзни, для которой онъ не находить причинъ. Такъ, совершенно до этого времени здоровый человѣкъ, находясь на волѣ—въ ъздѣ, на работе, въ ходьбѣ, вдругъ почувствуетъ боль въ какой-нибудь части тѣла; если, спустя нѣкоторое время, болѣзнь не только не прекратится, но будетъ усиливаться—для крестьянина несомнѣнныи признакъ, что онъ наказанъ отъ матери-сыры земли за свою провинность. Чтобы выздоровѣть, нужно проститься съ мѣстомъ, гдѣ почувствовалъ боль. Прощаются на девяти вечернихъ и девяти утреннихъ зоряхъ. Приходя на мѣсто, становятся лицомъ къ востоку и трижды говорятъ: «прости, мать-сыра земля, въ чёмъ тебѣ я досадилъ». Послѣ каждого заговора дуютъ и плюютъ черезъ правое плечо и кляются въ вѣмлю. Если «попрітчітся» скотинѣ, хозяева, за неизвѣстностью мѣста, прощаются за скотину на повѣти.

II. Заговоръ отъ грыжи. Когда гдѣ нибудь у крестьянина появится грыжа, подъ которой часто разумѣютъ всякую опухоль на тѣлѣ—то самыи вѣрныи средство считаются самому грызть зубами грыжу по зорамъ, приговаривая при этомъ: «грыжа, грыжа, не ты меня грызешь, а я тебя грызу».

III. Озѣнь. Такъ называется въ народѣ болѣзнь, которая приключается отъ дурного глазу. Болѣзнь эта можетъ выражаться, по повѣрю, въ разныхъ формахъ и иногда настолько сильныхъ, что можетъ кончиться смертью. Отъ озѣна лѣчить особые, «знающіе» люди. Лѣчение состоять въ отчерпываніи воды. Въ чёмъ состоять отчерпываніе—составляетъ секретъ «знающихъ» людей.

IV. Урошичные камни. Такъ называются находимые по большей части въ рѣкахъ жолтые, фигурчатые съ дырочками камни, которые привѣшиваются къ настѣни куричей, чтобы водились куры. Урошичные камни особенно необходимы, когда курица обижаетъ кикимора, выдергиваетъ изъ перья и всасчики томить ихъ.

V. Осы и соты считаются самыи вѣрныи средствомъ, чтобы водились скотъ.

VI. Чтобы предовратить неурожай, который всегда бываетъ, когда поворуютъ въ полѣ или огородѣ, окуриваетъ это мѣсто гнилой соломой.

Сказеньки.

I. Объ женскомъ ехидствѣ. Былъ мужъ жену, хотѣлъ добиться, чтобы она не ругалась. Побѣсть, побѣсть да отстанеть; а жена все: «скребокъ да скребокъ»—такъ ругали мужа.—Былъ онъ ёё, былъ, а баба все ругалась, пока языкъ ворочался. Наконецъ, добился до того, что отшибъ ей языкъ и запряталъ подъ лавку. Но и тутъ не уялась ехидная баба,—не языкъ, такъ другимъ досадила мужу: забитая подъ лавку, безъязыкая, она ногтями скребла полъ, напоминая о его ругательномъ прошвищѣ.

II. Лѣни и отетень (понятіе подобнаго рода лѣни). Лежали лѣни да отетень подъ яблоню. И говорить лѣни отетеню: «отетень, отетень, раскрои ротъ—аблоко-то съ яблони и попадеть въ него». А отетень лѣни и отвѣчаетъ: «лѣни, лѣни, какъ тебѣ не лѣни ротъ-отъ роскрывать!»

Приводимыи пѣсви представляютъ образы примѣненія стариинныхъ причѣтовъ, представляющихъ прежнія идеальныя семейныя отношенія къ настоящимъ, современнымъ, часто далеко не добрымъ.

Причитаетъ мать надъ сыномъ, который женится «по своей волѣ»—не спросивъ согласія родителей.

I.

Сядись-ко ты, родимое дитятко.
Въ дорогоѣ-то мѣсто княженецкоѣ,
Скажи-ко мнѣ, дородный добрый моло-
децъ,
Попрошалъ-ли ты благословеньца вели-
каго,
Надѣленъца сердечнаго?
Такъ скажи-ко, мое болѣзное дитятко,
Благословиль-ли тебя родимой-отъ ба-
тюшко
Верстаясь (жсниться) безъ поры—безо
времечка.

Я сама да знаю-вѣдаю,
Не благословилъ-бы тебя родимый ба-
тюшко;
Только я да бѣдна горькая
Дала тебѣ благословишице великое
И не ѿть радинъ-то родимаго серде-
чушка—
По неволюшкѣ по великоеї.
Что ты ростъ-то у меня не по сыротскіе,
Гуляль-то ты не по молодецкіе;
Безпокойиъ меня горе-бѣдную—
Прогулываль да ночки тѣмные,

Просыпаль да девъки бѣлые.
И скорбиль ты меня горе-бѣдную,
Что досаждаль ты людямъ добрымъ,
Всѣмъ сосѣдамъ и сосѣдушкамъ

И верстаю тебя, болѣзное дитятко,
Не на славу добрымъ людямъ—
На большое осужденьце.

II.

Я одна да горе-бѣдная,
Что живу да на бѣломъ свѣтѣ;
Некому мнѣ повѣдать своего горя-кручи-
иушки,
Что неволюшки великоей.
Какъ стоскнется мнѣ и взгрустнется,
Выѣду я во чистѣ-поле,
Сяду я на горючъ камень,

Скукую я по кукушечью,
Сгорюю я по горюхину
И подамъ да свой сдыщѣнъ голосъ
Высоко да по поднебесью,
Далѣко да по Святой Руси—
Въ города-ти понизовскіѣ,
Ко своей да ладѣ мнѣой.

Одинъ изъ «спасательныхъ»—которыми невѣста благодаритъ родню—причетовъ.

Спасибите вамъ, братья-батюшки,
Что украсили красну дѣвицу,
Съ головы-то да дѣвью красоту,
Русу косоньку—алымъ ленточкамъ,
Со стану-то меня платьемъ цвѣтныемъ.
Какъ я стану жить во чужихъ людяхъ,

Не покиньте ко меня, братья милые,
Приголубьте вы меня,
Хоть не хлѣбомъ—солью — Божьей ми-
лостью,
Ласковымъ словомъ привѣтливыми.

Изъ причёта къ свату.

Въ ланти-ти злодѣй (сватъ) обувается,
Къ нему кѣла надвигается,
Онъ отъ кѣлы отпирается:

«Не моя,—дѣ, кила—дружкина,
Кила дружкина съ полудружьемъ».

Старинная пѣсня (стихъ съ риѳмами).

Тѣмнѣлъ свѣтъ очи—
Нѣ спаль до полночи.
Весь я истомился,
На бокъ спать ложился.
Сталъ я засыпать—
Горе забывати.
Пришла къ мнѣ радость, радость дорогая,
Радость дорогая — дѣвица любая.
Брѣквуда въ колечко,

Вышелъ на крылечко.
Сталъ я отпирати,
За рученьки брати.
За рученьки брати—повель во свѣтлицу,
Повель во свѣтлицу красную дѣвицу.
Посадилъ за столикъ,
Налилъ вина чару,
Налилъ вина чару, самъ я выпилъ пару.

Сообщилъ Яковъ Ильинскій.

Рекрутскія причитанія.

(Въ Тульской губ.).

Къ солдату народъ относится сочувственно и любовно: въ немъ видятъ защитника царя и отечества, его признаетъ человѣкомъ бывалымъ, много видавшимъ и умудреннымъ долгомъ пребывавшемъ на чужой сторонѣ «въ военной наукѣ», и ему посвящаетъ массу сказокъ, въ которыхъ выводить его всегда торжествующимъ героемъ.

Но не смотря на это свое уваженіе и на эту любовь къ солдату, народъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ отбыванію воинской повинности,—и уходъ изъ семьи члена въ солдаты для крестьянского семейства является великимъ горемъ и представляется большимъ несчастіемъ.

Хотя крестьяне говорятъ, что «въ нынѣшнее время отслужишь—собака съ кошкой не забудутъ, а прежде со службы придешь—ви роду, ни племени», но собственно чувства, который приходится испытывать имъ при проводахъ рекрутовъ, почти также тяжелы и ужасны, какъ и въ прежнее время—въ періодъ старого порядка отбыванія рекрутчины, когда солдатская служба называлась «злодійной», «грозной», «убойной»,—начальники—«супостатами», «злодіями», «свирѣпными», «скроzekозными»,—солдатское жѣтье—«великимъ беззальницемъ и горе-горькимъ живленьицемъ»,—когда жена и мать совѣтывали рекруту—«безчастной головушкѣ» «на убѣгъ бѣжать», «укатиться отъ родники на чужую сторонушку на эти уречныя недѣлюшки», чтобы «не знали суды не правосудные», «не догадались-бы власти страховитые¹»...

На сколько въ общемъ страшна еще для крестьянина военная служба, объ этомъ свидѣтельствуютъ случающіеся въ деревнѣ факты, когда парни, привзывающіеся въ службу, въ видахъ освобожденія отъ нея, увѣчать себя на всю жизнь, выворачивая или обрубляя у себя на рукахъ пальцы, употребляя захарскіе настои, привыкающіе къ винѣ часто неизлечимую чахотку, и т. п. А народная прѣсна даже не признаетъ никакой другой нужды, никакого другого горя, кромѣ солдатскаго:

Деревенски мужики
Съ пеконъ вѣка дураки:
Во солдатахъ не бывали,
Нужды-горя не видали!..

Родные рекрута начинаютъ его оплакивать за вѣсколько недѣль и даже иѣсяцъ до разлуки съ нимъ, и причитанія въ домѣ его семейныхъ становятся обычнымъ явленіемъ: къ нимъ прибѣгаеть въ минуту грусти и мать рекрута, и жена его, и сестры.

Самъ рекрутъ послѣдніе дни на родинѣ проводить обыкновенно въ пьянствѣ и разгулѣ съ своими сверстниками,—ему какъ-бы не по силамъ трезвому видѣть печальные осунувшіяся лица своихъ близкихъ, слышать въ плачъ, выносить ихъ лихорадочные взоры, въ которыхъ видно столько душевной муки, и сознавать, что скоро наступитъ конецъ его «волюшки»...

Яркую картину тѣхъ чувствъ, который приходится переживать близкимъ род-

¹) См. Причтанія Сѣвернаго края, собр. Е. В. Барсовыи. Ч. II, 1892 г. Москва.

ственникамъ при проводахъ кого-нибудь изъ родня въ солдатскую службу, представляютъ собою рекрутскія причитанія, записанныя мною въ Тульской губернії.

Эти плачи не дышать эпическимъ складомъ и не содержать въ себѣ остатковъ древнаго міровоззрѣнія народа, какъ «причеты» прежнаго времени, записанные напримѣръ, Барсовыми; — они также уступаютъ послѣднимъ и въ широтѣ художественнаго замысла: въ новѣйшихъ плачахъ нѣтъ уже роскошнаго художественнаго описанія ужасныхъ картинъ солдатской жизни, нѣтъ похвалъ удали солдатъ и ихъ молодечства, нѣтъ изображенія побѣдъ или пораженій, заставляющихъ восторгаться или страдать национальное чувство, и т. п., что мы встречаемъ въ «причетахъ» професіональныхъ воспеній, — плачущая по рекрутѣ женщина въ настоящее время ограничивается изображеніемъ лишь своего личнаго горя, своихъ личныхъ чувствъ. И все-таки рекрутскія причитанія, — эти полу-пѣсни лирическія, полу-рассказы скорбныя, — не смотря на ограниченія свои особенности, богаты такими оборотами, сравненіями и образами, и столько выражаютъ въ себѣ чувства, что невольно удивляешься создавшемъ ихъ духовной мощніи.

Вотъ плачетъ жена рекрута. Сама она, очевидно, давно уже продумала и прочувствовала постигшее ее горе, поражена имъ, но ей не вѣрится, чтобы другіе понимали весь ужасъ ея положенія. Поэтому прежде всего въ своемъ причитаніи она обращается къ самому близкому для себя человѣку — покидающему ее мужу, и, какъ-бы предлагая ему поразмыслить надъ постигшемъ ихъ несчастьемъ, говоритъ ему:

Куда жъ ты, мой другъ, собираешься?
Въ какую путь-дорожку широкую отправляешься?
Какъ намъ съ тобою разстаться,
Какъ намъ распрощаться будеть?

За этими вступительными словами слѣдуетъ самое изображеніе горя оставляемой безпомощной женщины: вспоминается прошлое, рисуются картины будущаго.

Съ тобою мы жили—
Другъ дружку не обижали;
Мы съ тобою жили—
Людей не смѣшили:
Бывало ты меня уваживалъ...
Бывало ты меня приголубивалъ,—
Къ своему сердечушку прижималъ!
А теперь — на какой-же дороженькѣ
поджидать тебя?
Изъ котораго хоровода выбирать тебя
будеть,
Откуда бѣленыкинъ голубочкомъ при-
летиши,
Меня обласкаешь?
Когда я опять услышу твое словечушко?
Когда дождусь отъ тебя поцѣлуя?
Скажи-же ты, дружечка моя милая,
Дружечка моя совсѣмъ!
Съ кѣмъ миѣ поговорить будеть?
Съ кѣмъ думку подумать?
При тебѣ-то, милая моя дружечка,
Я и умна и хороша была;
Весь тебя, моя дружечка,
И осудить меня,—

Безъ тебя, моя милая,
И осмѣять меня!..
Безъ тебя вѣмъ буду смѣна, постыла!..
Напримаюсь я горя безъ своего дру-
жечки!
Пойду я съ трудной работушкѣ домой,—
Думаю: встрѣтить меня мой другъ!
Думаю: привѣтить меня мой голубокъ!
Нѣтъ, не видать его ясныхъ очей,—
Нѣтъ, не слыхать его звонкаго голоса!
Приду я домой, думаю отдохнуть,—
А тутъ—одинъ туда посылаеть,
Другой—сюда!
Всѣмъ угоди,
Всѣдѣ угоди!
Пойду-же я, горькая,
Пойду-жъ я, несчастная—
По чужимъ уголочкамъ шататься,
Буду я, разнесчастная, кукушечкой куко-
вать!
Смотрите, мои глазушки,
Смотрите, мои слезовые!
На дружка моего милаго,
Какъ я его провожаю!

Провожу я своего друга,
Провожу я своего милаго,—
Возвращусь я въ свой домокъ,
На пустую кроватушку посмотрю...
Въ какой я уголокъ не гляну,
Въ какой я уголокъ ни кинусь,—
Вездѣ мнѣ холодомъ несетъ!..
Свалилась моя бѣдная головушка
По самыя плечки!

Горе солдатки усложняется, когда она осается съ малолѣтними дѣтьми на рукахъ, такъ какъ ей приходится переживать результаты своего одиночества и беспомощности, переносить оскорблѣнія и обиды, уже не однѣ, а еще съ другимъ существомъ, близкимъ ей, но болѣе слабымъ, чѣмъ она сама.

Милый мой дѣтёночкъ!
Остался ты безъ своего батюшки!
Никто тебя, дитятко, не приласкастъ,
Никто тебя милаго
Къ своему сердечку не прижметъ!
Сдѣлаешься ты, дитятко, въ семьѣ

Огорвалось мое сердечко!
Родимая моя матушка!
На что-ась ты меня породила такую
горькую,
И въ чужіе люди опредѣлила—такую
несчастную?
Лучше-бы мнѣ не родиться на такое
горе,
На такое лютое!

Всѣмъ какъ будто не родной,—
Сдѣлаешься ты въ ней
Какъ будто чужой!
Будешь ты холодный и голодный,
Всѣ будуть надѣть тобой надругаться,
Всѣ будуть говорить ва тебя: обжорный!

Въ причитаніи солдатки встаютъ собственно тѣ-же картины горя, слышится та-же скорѣ по утратѣ любимаго человѣка и вмѣстѣ — кормильца и зиступника, что и въ похоронныхъ причитаніяхъ¹). Да это впрочемъ и естественно, при долговременности предстоящей разлуки и постольной для солдата возможности, въ случаѣ войны, положить свою душу «за царя и отчество». Но «пока живъ человѣкъ, живое и гадаетъ», говорить народная пословица. Такъ и въ данномъ случаѣ: женщина не хочется думать, что проводы рекрута — для иael «послѣднее съ нимъ свиданыце».. и она боится, чтобы другъ ея милый не измѣнился въ отношеніяхъ къ ней, не увлекся другими «незаконными», и въ свою очередь старается усмоконить своего мужа на счетъ себя, причитывая:

Голубчикъ мой милый!
Дорогая моя дружечка!
Дай Богъ, чтобы у тебя не нашлось луч-
ше меня,
А я-то и не подумалъ...
Другъ мой милый!

Напиши ты съ дальней сторонушки
Хоть словечушко,—
И это мнѣ будетъ радостно,
И это мнѣ будетъ весело,
Что ты меня не забылъ!

Женщина, ясно представивъ себѣ непріглядное будущее, какое ожидаетъ ее по уходѣ мужа,—проникается лишь одинимъ желаніемъ, чтобы это безотрадное скрѣе ми-новало, скрѣ-бы возвратился ея «дружечка», и жизнь ихъ потекла-бы по прежнему... Она голоситъ:

Милое мое дитятко!
Родимое мое дитятко!
Помолись ты Господу Богу милостивому
Возвратиться твоему батюшкѣ..
А то возрастешь ты въ неродной семье
Всѣмъ чужой!..
Будемъ мы своего батюшку поджидать,—

Придеть онъ, мой дружечка,
Придеть онъ нашъ милый!
Всѣ твои денечки,
Всѣ твои часочки—
Всѣ я сосчитаю:
Авось мой дружечка воротится назадъ!

¹) Ср. мою статью: „Похоронныя причитанія“, т. XIII—XIV Этнографическаго обозрѣнія.

Особенно тяжело это ожиданіе, когда находящійся въ солдатахъ не знать до-
мой никакого извѣстія:

Глянь,—о моей дружечкѣ слуху нѣть!
Выду я на улицу;
Гляну на все чѣтыре сторонушки:
Нѣдѣль-ли кто,

Не єдетъ-ли,—
Не несетъ-ли слушочку о дружечкѣ моей?
Ни какого слуху нѣть
И никакой вѣсточки!

Плачь матери, по своему содержанію, въ общемъ одинаковъ съ приведеннымъ плачомъ: и въ томъ и другомъ мы видимъ, прежде всего, воспоминаніе о прежнемъ житьѣ бытѣ,—затѣмъ представлѣніе о будущемъ одинакомъ положеніи безъ сына или мужа, и наконецъ—томительное ожиданіе его возвращенія.

Прожитое прошлое, до разлуки съ рекрутомъ, рисуется остающимся женщинамъ въ привлекательныхъ краскахъ.—Женѣ рекрута жаль той жизни, когда она имѣла у себя надежного защитника и кормильца, который ее любилъ и «привѣчалъ» своимъ ласками, и съ которымъ ей приходилось жить, «и смѣши» людей,—не подавая повода другимъ къ пересудамъ и насмѣшкамъ. Мать-же вспоминаетъ о сынѣ, какъ ее уважавшемъ и обѣщавшемъ было ее нокой до конца ся жизни,—какъ о счастливомъ мужѣ, служившемъ ей на старости лѣть лишь однѣмъ утѣшениемъ.

Наоборотъ, незавидно и печально положеніе покинутыхъ женщинъ,—матери сыномъ, а жены мужемъ.—Молодой женѣ, обыкновенно не успѣвшей съ мужемъ устроиться самосогательнымъ хозяйствомъ, приходится «таскаться по чужимъ уголочкамъ» и претерпѣвать отъ другихъ, не исключая и родственниковъ,—обиды, оскорблениія и всякия огорченія: «безъ своего дружечки никому не угодишь». Мать безъ помощника сына принуждена сама править хозяйствомъ: «теперь я сама буду вездѣ ходить», говорить она. Горькая участъ становится особенно тяжелой для матери, когда ей приходится быть свидѣтельницей непутнаго поведенія своей невѣстки, забывшей мужа и малаго ребенка.

Сравнительно хорошее прошлое и неприглядное настоящее заставляетъ томиться и мучиться женщины желаніемъ скорѣйшаго прибытія ихъ дорогого желанного кормильца домой. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи женщины пересчитываютъ «всѣ денечки, всѣ часочки», когда долженъ вернуться ихъ «надежда»; они высматриваютъ прохожихъ, проѣзжихъ—въ надеждѣ хоть что-нибудь услышать о своемъ миломъ. Наконецъ, вдохновляясь своимъ горемъ, женщина доходитъ до такого поэтическаго плаесоса, который заставляетъ ихъ обращаться къ любимому существу, прося его «встрѣпихнуться бѣлымъ голубочкомъ, прилетѣть на родную сторону яснымъ соколочкомъ, сѣть на широкое подворьице, во зеленый садъ, и сказать пѣсенку веселую о самомъ себѣ».

Но при общемъ сходномъ содержавіи разбираемыхъ причитаній,—въ нихъ замѣчается и нѣкоторая разница. Именно—плачь жены по мужу значительно уступаетъ плачу матери по сыну въ выражющейся въ нихъ силѣ любви къ отправляющемуся въ военную службу и въ вытекающихъ отсюда—картиности изложенія, а также въ разнообразіи обращеній и эпитетовъ, прилагаемыхъ къ рекруту. Эти особенности являются естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ условій, при которыхъ у крестьянъ устраивается бракъ, когда обращаютъ вниманіе не на сердечную привязанность жениха и невѣсты, а лишь на ихъ физическая сила и материальный достатокъ, необходимые для крестьянина, какъ работника и хозяина. Собственно мнѣ лично не приходилось слыхать болѣе художественнаго, болѣе красиваго плача, какъ плачь матери по рекрутѣ.—Вотъ этотъ плач:

Милое мое дитятко,
Разжалкій мой сыночекъ,
Разумный мой голубочекъ!

Куда-же я тебя собираю,
Куда я тебя отправляю?
Въ какую путь-дорожку,

Въ какую работу?

Ты у меня рось—нужды не видаль,
А теперь ты тамъ примешь холоду-
голоду,

Приходятся твои ноженьки
По дальней сторонушкѣ,
Примахаютъ твои ручечки
За тяжелое ружье браючи!

Ягодка моя хорошая,

Ягодка моя созрѣлая!

Ты меня уважалъ,

Ты меня уговаривалъ:

«Я тебя, мамычка, не брошу,
Я тебя, мамычка, не кину».

Теперь ты меня обманулъ:

Ты меня вспомниулъ

Горькую-несчастную!

Ты, бывало, въ избѣ ходилъ,
Все равно какъ соколъ леталь,
Какъ хорошій соловѣй распѣвалъ!

Теперь же занустѣлый нашъ уголочекъ,
Занустѣлая наша горенка!

Кто-же нась теперь разбудицъ,
Кто нась теперь покличеть?

Ты, бывало, миѣ скажешь:
«Вставай, моя милая мамычка!

Топи-жь ты избу,
Навари-же ты намъ картошекъ..

Ты меня накормишь,
На работушку проводиши.

Теперь миѣ накормить некого!
Теперь я буду сама вездѣ ходить!

Сама всѣ я твои стежечки,

Всѣ твои дороженьки—

Всѣ я прихожу,

Всѣ слезими оболью!

Я тебя женила,—

Думала, что себѣ радость получиша.

И вправду—я утѣшалась вами:

Куда вы, мои дѣтки, не пойдете,

Что ни станете дѣлать,—

Я на васъ, какъ на голубковъ,

Не насмотрюсь, не налюбуюсь..

Точно голубъ съ голубкой гуркуетъ,

Такъ вы, мои дѣтки,

Не наглядитесь, не наговоритесь

Другъ съ другомъ!

Отглѣдѣлись мои глазушки,

Оглѣдѣлись мои старые.—

Не всѣрѣчу я голубковъ такихъ!..

Дорогой мой сыночекъ!

Оставляешь ты горькую,

Оставляешь ты несчастную—

Свою дружечку милую

И дѣточку недавно рожденную.

Будетъ она несчастная

Кукушечкой куковать

Съ своей дѣточкой малой,

Какъ будто въ чужомъ уголочкѣ!

Не порадуется мое сердечко,

Глядя на такихъ несчастныхъ-горь-
кихъ!

Жалко миѣ моего дитятка,

Жалко миѣ моего хорошаго,

Что затрепится, затаскается

Его дружечка

По чужимъ людямъ...

Молодой человѣкъ нетерпѣливый,—

Онъ всѣму вѣритъ,

Онъ все слушаетъ;

Хоть и дурно ему говорять,—

Все за добро принимаетъ!..

А стану ей я говорить,

Что это худо,

Что это дурно,—

Она только меня возненавидѣть:

— «Старая вѣдьма гудить да ругает-
ся...»

Дитя кричить одна въ уголочкѣ...

Пойду я, покличу мать ея нежеланную,
— Ея нѣту!

Забыла она своего друга,

Забыла своего милаго!

Дитѣ брошено—не накормлено,

Не напоено...

Только я подойду—покормлю,

Тебя вспомню...

Ну-ка ты, мое дитятко, быль-бы,

Ну-ка ты, мое милое, быль-бы,—

Не было-бы этого ничего-бы! .

Этого горя,

Этого несчастья

Никакъ я не могу забыть!

При престарѣлыхъ монхъ лѣтахъ

Не на кого сердцу моему повеселиться.

Въ этомъ я горѣ трохъ вижу несча-
стныхъ:

Несчастная твоя дѣточка кричить за-
брошена,

И ты ничего не знаешь о своей же-
нѣ люблѣй...

А она закружилась, запуталась!

Отъ такого горя, если бъ гробъ стоялъ,

Я въ него-бъ легла..

Окроися, гробъ дубовы!

Раскройся, могила!

Лучше мнѣ умереть,
Чѣмъ видѣть такое горе!
Милая моя невѣстушка!
Будь ты со мною такая-же,
Какъ при своемъ другѣ миломъ,
А при моемъ сынѣ иенаглядномъ!
Будь ты такая-же ласковая, милая!
Будемъ мы однѣ съ тобой
Ростить и вѣжить твоего милаго дѣтечка;
Будемъ глядѣть на него,
Вспоминать объ его батюшкѣ,
Вспоминать объ его родомомъ!
Дитятко мой милый!
Дитятко мой хороший!
Не забудь ты горемычную свою жену
И меня несчастную—мать свою ста-
руху..
Разжалкій мой сыночекъ!
Залетная моя пташечка!
Горемычная кукушечка!
Залетѣла ты далеко—
На чужую сторонушку,
За темны лѣса,
За широкія поля раздольныя,

За луга привольные!
На далекой чужой сторонѣ плохо жить:
Тамъ нѣть ни роду-племени,
Тамъ нѣть ни отца, ни матери,
Ни братьевъ, ни сестеръ,
Ни дядюшки, ни тетушки!
Милый мой дитеночекъ!
Ясный мой соколочекъ!
Встрѣчыхнись, полети бѣлымъ голубоч-
комъ,
Яснымъ соколочкомъ лети-жъ ты ко мнѣ!
Сядь ты на широкое подворынѣ,
Сядь-же ты на веденій садокъ,
И скажи-жъ ты пѣсеньку,
И скажи-жъ ты веселую
О самомъ себѣ!
И люди-то выйдутъ,
И люди-то услышать:
Что-жъ это за пташечка
Въ саду распѣваетъ,
Какъ хороший соловей пѣсеньки играеть?
Пойду жъ я выйду, я погляжу:
Не мой-ли это сынокъ,
Не мой ли изъ чужой стороны?

Самъ народъ къ причитаніямъ матери и жены относится также неодинаково: въ первомъ онъ видѣтъ бѣзъ искренности, чѣмъ въ послѣднемъ.—Крестьянскія женщины говорятъ, что «снеги всегда госятъ изъ правды», т. е. что скорбны чувства, которые выражаются въ материнскихъ плачахъ, всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ, такъ какъ «свое дѣтѣ, —плохо-ли, хорошо-ли оно,—всегда матери дорого». Поэтому же говорятъ: «когда мать плачетъ по сыну-рекругу, наплакавшись, слушая ея причты». Но жены «выливаютъ» въ причетахъ свои дѣйствительные чувства лишь по тѣмъ мужьямъ, съ которыми они жили «во любви и согласіи»; по пьяницамъ-же, «ругателямъ» и «бутарагамъ», т. е. по людямъ не покойнымъ, любящимъ дратъся, плачать, «дабы людей не стыдно было» и потому, что «надо законъ свой почесть»... А если и всплакнуть, поголосять «взаправду», то «не по мужѣ своемъ, а по горю своемъ»,—особенно если имъ приходится оставаться непристроеннымъ къ своему собственному углу, беззащитнымъ да еще съ дѣтьми малыми гориться. Такая женщина, «которая для виду только плачетъ, для отвода глазъ», говоритъ народъ, «иной разъ загородится платкомъ да оглядывается: не пообѣдали-бы дома безъ неї... а на прощанье не задумается своему мужу сказать горькую истину: «жила, моль, я за тобой, какъ за худой бородой,—не видала ничего хорошаго,—много людей перестрашили»...—«День былъ тѣмень, ночь, Богъ дасть, будеть свѣтла», утѣшаетъ она себя, надѣясь «свободно вздохнуть» послѣ мужа...

Не пугаютъ ея и грозныя рѣчи мужа, бесплодно негодующаго противъ наступающей для его жены свободы: «снеги—если, Боже, сохрани и избави,—что безъ меня случится... тогда исповѣдуйся и причастишь,—на свѣтъ тебѣ больше не жить»!..

Разницу своихъ взглядовъ на приведенные плачи народъ ясно выражаетъ и въ своихъ пѣсняхъ. Такъ въ одной изъ нихъ, изображающей чувства матери и жены по погибшемъ молодцѣ, онъ говорить:

Гдѣ мать плачет,
Тамъ рѣка шумит,—
А гдѣ жена плачетъ
Тамъ роса пала:

Взойдеть солнце—
Росу высушить,
Молода жена
Гулять пойдетъ..

Кромѣ жены и матери по рекрутѣ плачутъ его сестры, тетки и другія родныя или знакомыя женщины, которыхъ въ день проводовъ собираются въ домъ его семьи; но плачи такихъ женщинъ обыкновенно содержать въ себѣ описание горя лицъ, наиболѣе близкихъ рекрутѣ, а именно — его родителей и жены, и въ сущности представляютъ собой лишь перифразъ разбираемыхъ выше плачей. Интересною особенностью этихъ причитаній является обращеніе плачущихъ женщинъ къ отцу, матери и женѣ рекрутѣ съ приглашеніемъ послѣднихъ поплакать надъ своимъ величимъ горемъ,—женщины, иногда хоромъ, причитаютъ:

Собрали мы бесѣдушку невеселую,—
Собрали мы бесѣдушку скучную, горькую:
Провожаемъ мы добра молодца—
Ясна сокола,
На чужую сторонушку,
Во трудную работушку,
Отъ родимаго его батюшки,
Отъ желанной его матушки,
Отъ молодой его дружечки!
Остаетесь вы, несчастные родители, оди-
нокими:

Уходить ваша перемѣна,

Уходить вашъ корнильецъ!
Остаешься ты, молодая жена,
Непристроенной, беззащитной:
Уходить твой защитникъ,
Уходить твоя надежа!
Не-то вы дождитесь своего сынка милаго,
Своего дружка сердечнаго,—
Не то нѣть!
Плачете вы надъ своимъ величимъ горемъ,
Надъ своимъ величимъ несчастыцемъ,—
Плачете, не разгадывайте!..

Бросая послѣдній взглядъ на рекрутскія причитанія, нельзя не замѣтить, какое большое значение они имѣютъ въ отношеніи характеристики быта народа: передъ нами въ яркихъ краскахъ рисуются картины крестьянской нужды и тяжелаго положенія солдатъ въ домѣ своего мужа.

Почему уходъ рекрутѣ въ военную службу является для его семейныхъ горемъ? — Правда, здѣсь имѣютъ значеніе родственныя привязанности: предстоящая, относительно—продолжительная разлука, отправка въ дальний путь на неизвѣстную сторонушку,—служба, сопряженная съ массой лишений и трудовъ и связанныя съ опасностями для жизни и съ соблазнами для нравственности,—все это заставляетъ скрѣбть его семейныхъ. Но не меньшую, если только не большую роль играютъ въ данномъ случаѣ экономическія соображенія: лишеніе одного, понятно—здороваго, работника — тяжелая утрата для крестьянскаго хозяйства. О рекрутѣ жалѣютъ, какъ о исчезающей для отца и матери «перемѣнѣ», — какъ о корнильце своей жены и сына, который безъ отца ходить разутымъ, раздѣтымъ, голоднымъ..

При такомъ злаченіи рекрутѣ, какъ рабочей силы, и при малоцѣнности въ крестьянскомъ быту женскаго труда—естественно и незавидно положеніе солдатки въ семье свекра и свекрови. Лишившись въ лицѣ мужа своего корнильца и заступника, она является въ семье лишнимъ ртомъ и ненужнымъ человѣкомъ. Чтобы не выслушивать отъ другихъ постоянныхъ попрековъ, ей приходится «всѣмъ угоджать, вездѣ угоджать»... И все-таки ребенокъ ея бываетъ «какъ-бы всѣмъ не рою», — всѣ говорятъ ему, считая съѣденные имъ куски: «обжорный!.. — Какая-то отчужденность, холодность ложится во взаимныхъ чувствахъ жены рекрутѣ и его матери. Послѣдняя, не стѣсняясь, рисуетъ передъ рекрутомъ ужасную картину семейнаго несчастія, какое можетъ случиться въ отсутствіе его на родинѣ, благодаря его жены... А эта, въ свою очередь, также откровенно признается, что по уходѣ мужа она остается въ «чужихъ, для неї людяхъ...

ОТДѢЛЪ II.

Критика и библіографія.

Литовско-латышско-польско-русский словарь, составленный к.е. Мих. Межчиномъ. Тильзитъ, 1894 г. стр. 292.

Литовско-немецкий лексиконъ Фридр. Куршата (Littauisch-deutsches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. Halle, 1883), считающийся въ настоящее время лучшимъ словаремъ литовского языка, отличается, какъ известно, крайней неполнотою. Въ него вошли главнымъ образомъ лишь тѣ слова, которыхъ составитель его, Фр. Куршатъ, слышалъ у себя на родинѣ, въ прусской Литвѣ. Лучшимъ этотъ словарь считается собственно потому, что Фр. Куршатъ отдѣляетъ въ немъ слова, слышанные имъ самимъ, отъ словъ, которыхъ онъ находилъ лишь въ другихъ литовско-немецкихъ словаряхъ или въ произведенияхъ лиговской печати; кроме того, звуки литовского языка онъ передаетъ вполнѣ точно, вездѣ обозначая количество (долготу и краткость) гласныхъ и отмѣчая все три вида литовского ударения. Эти качества словаря настолько важны, что имъ вполне искушаются и некоторые, впрочемъ незначительные, недостатки, въ родѣ изрѣка встрѣчающегося смышленія звуковъ *ē* и *ie*, *o* и *uo*. (Смышленіе этихъ звуковъ усмотрѣно въ такихъ, напр., словахъ, какъ: *tiēsa*, *biēda*, *luokys*, *lobas* вмѣсто единственныи правильныхъ въ нарѣчи Куршата: *tiēsa*, *biēda*, *luokys*, *lobas*).

Въ виду указанныхъ достоинствъ словаря Куршата, приходится только пожалѣть, что составитель его былъ мало знакомъ съ тѣмъ лексическимъ материаломъ, который могутъ дать говоры русской Литвы. Объ этомъ можно пожалѣть тѣмъ болѣе, что съ одной стороны Куршатъ имѣлъ, повидимому, хорошо организованное ухо, необходимое для того, чтобы улавливать особенности звуковъ живого языка, а съ другой—и самый языкъ русской Литвы, столь богатый въ лексическомъ отношеніи, до сихъ поръ изслѣдовавъ сравнительно мало, во всякомъ случаѣ гораздо менѣе, нежели прусское его нарѣчіе.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, съ точки зренія изучающаго литовский языкъ, слѣдовало бы признать вполнѣ своевременнымъ появление всякаго серьезнаго труда, представляющаго сборникъ словъ русской Литвы. Только такой трудъ, конечно, дѣло не легкое и едва ли можетъ быть выполненъ съ полнымъ успѣхомъ однимъ, хотя бы даже компетентнымъ, лицомъ. Въ данномъ случаѣ отдѣльныхъ лица, берущіяся за исполненіе такого труда, могутъ доставить, при всемъ своемъ усилии, только болѣе или менѣе значительный материалъ для будущихъ составителей «полного словаря лиговского языка». Вотъ почему, на появляющіеся теперь и могущіе появиться въ ближайшемъ будущемъ литовские словари надо смотрѣть главнымъ образомъ, какъ на материалъ для будущаго «полного» словаря. Какого-бы инѣнія ни былъ самъ авторъ о своемъ труде, мы а priori можемъ признать, что словъ его не будетъ отличаться полнотою, и потому поступимъ пока совершенно справедливо, не требуя отъ

его словаря недостижимой въ данное время полноты. Достаточно съ автора, если собранный имъ материал записанъ умѣло и переведенъ съ достаточной точностью, а полноты будемъ требовать лишь настолько, насколько она возможна въ настоящее время.

Посмотримъ теперь, насколько удовлетворяетъ этимъ скромнымъ требованіямъ словарь Мих. Межиниса, краткій разборъ котораго и представляетъ настоящая замѣтка.

Авторъ разбираемаго словаря — покойный католический священникъ, проживавшій въ разныхъ приходахъ Ковенской губерніи, преимущественно въ такихъ селахъ, которые расположены на границѣ Курляндіи, мѣстности, населенной латышами. При составленіи своего словаря, Межинисъ не включилъ въ него всѣхъ словъ, встрѣчавшихся въ трудахъ прежнихъ составителей литовскихъ словарей; онъ вносилъ въ словарь, повидимому, только то, что самъ слышалъ въ Ковенской губерніи или находилъ въ случайно попавшихся ему книгахъ. Изъ того, что въ разбираемомъ словарѣ нѣть многихъ словъ, находимыхъ у Куршата или у Нессельмана и въ то же время часто встрѣчающихся въ Ковенской губерніи, можно заключить, что Межинисъ былъ совсѣмъ незнакомъ съ трудами своихъ предшественниковъ; иначе, словари Куршата и Нессельмана по крайней мѣрѣ напомнили бы ему о существованіи въ Ковенской губерніи тѣхъ словъ, которыхъ онъ, Межинисъ, почему-то упустилъ изъ виду. Кроме того, составитель разбираемаго словаря не включилъ въ свой трудъ и всего этого материала, который могутъ дать собирателю словъ произведенія Н. Даукши, М. Волончевскаго, С. Довконтса, а также собранныя въ Ковенской губерніи и уже изданныя литовскія пѣсни, сказки, пословицы, загадки; по крайней мѣрѣ очень много довольно обыкновенныхъ и болѣе или менѣе рѣдкихъ словъ, встрѣчающихся въ этихъ памятникахъ народного творчества литовцевъ и въ произведеніяхъ этихъ литовскихъ авторовъ, не получило никакого объясненія въ словарѣ Межиниса. Въ разбираемый нами словарь не вошли и такие общедоступные материалы по литовскому словарю, какъ слова, записанныя въ Ковенской губерніи и помѣщенные въ «Mitteilungen der litauischen litterarischen Gesellschaft» и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, какъ напр. въ изданіи Э. А. Вольтеромъ «Литовскомъ катихизисѣ Н. Даукши». Что въ словарѣ Межиниса все это ущерено изъ виду, въ этомъ легко можетъ убѣдиться каждый, кто попробуетъ, съ этимъ словаремъ въ рукахъ, прочесть хотя-бы, напримѣръ, народныя пѣсни, собранныя Станевичемъ или Довконтонъ; легко будетъ усмотрѣть, что словарь этого для указанной цѣли можетъ сослужить не особенно большую службу.

О знакомствѣ автора разбираемаго словаря съ данными филологической дисциплины, изслѣдующей литовскій языкъ, не можетъ быть и рѣчи; Межинисъ этой науки, повидимому, совершенно не признаетъ. Мало того; съ латышскими, польскими и русскими языками, на которые переведены въ словарѣ литовскія слова, составитель разбираемаго труда былъ знакомъ крайне поверхностно. Латышскій языкъ онъ зналъ, повидимому, не лучше литовскаго простолюдина, проживающаго въ мѣстности пограничной съ Курляндіею и имѣющаго частныя сношенія съ латышами, а польскій и русскій языки усвоилъ лишь настолько, насколько знаютъ ихъ тѣ литовцы, которые слышать эти языки отъ ополячившейся своей братыи и русскихъ урядниковъ.

Всѣ указанныя обстоятельства, конечно, должны были отразиться самымъ роковымъ образомъ на всемъ труда Межиниса. Чтобы, однако, наше сужденіе объ этомъ труде не показалось читателю голословнымъ, ничѣмъ не мотивированнымъ, переключу къ самымъ фактамъ, которые въ обиціи находимъ въ разбираемомъ словарѣ.

Доказывать, что въ словарѣ Межиниса пропущена масса самыхъ обыкновенныхъ словъ, считаю излишнимъ. Оно будетъ понятно и само по себѣ, если иметь въ виду, что въ словарь попало всего около 15,000 литовскихъ словъ. Это число вошедшіхъ въ словарь Межиниса словъ, собственно говоря, даже слишкомъ велико; оно гораздо больше того, что даетъ словарь въ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что въ этомъ словарѣ значатся нерѣдко, какъ особыя слова, и такія формы, которыхъ вызываются въ языкѣ прямо существованіемъ въ немъ известныхъ словъ и легко отъ нихъ обра-

зуются; въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду такія «формы словъ», которыхъ въ другихъ словаряхъ, напр. въ русскомъ академическомъ, не принято считать за отдельные слова. Такимъ образомъ, изъ словаря Межиниса слѣдовало бы исключить принесенные имъ за «отдельные слова»: 1) всѣ причастія (сравн. *gim̄es* при *gim̄ti*, *arp̄ites*—*arp̄ut̄es* при *arp̄vysti*, *þrintas* или *þrinti*, *keptas* при *kepti* и пр.); 2) формы множеств. числа при существовании отмѣченного въ словарѣ единства. числа (ср. *darḡai* при *darḡbas*, *vaikai* или *vaikas* и др.); 3) полныя формы именъ прилагательныхъ, отмѣченныя особо отъ краткихъ (ср. *gerasis* и *gegas*, *tažasis* и *tažas*, *þventasis* и *þventas* и др.); 4) формы средняго рода и нарѣчія, образованныя отъ качественныхъ имѣнь прилагательныхъ (сравн. *geḡega* и *geḡai* при *gegas*, *taž—taža* и *tažai* при *tažas*, *þalta* и *þaltai* при *þaltas* и пр.); 5) формы сравнительной и превосходной степени имѣнь прилагательныхъ и нарѣчій (сравн. *tažesnis*, *tažiausis*, *tažiai* при *tažas*; *geresnis*, *geriausis*, *geriai* и *geriaus* при *gegas*, и т. д.). Кроме того, въ разбираемомъ словарѣ есть много словъ, составленныхъ самимъ Межинисомъ и не употребляющихся въ живомъ литовскомъ языке; слова эти, какъ дѣланыя и неупотребительныя, тоже должны быть исключены въ словаря. Къ такого рода словамъ слѣдуетъ отнести, напр., слѣдующія: *ažagiuė*, *beržyninis*, *beržotinis*, *brolieninis*, *diduméninis*, *eglyninis*, *gyvskroena*, *granžalas*, *patvaldingas*, *riðpradinis*, *parsekioingas*, формы именит. падежа *pusketvirtas*, *pussėstas* etc., *gažytuva*, *sashdinjkinis* и многое множество другихъ имъ подобныхъ. Въ такой краткій словарь, какимъ является разбираемый трудъ Межиниса, совершенно напрасно попали и слова чисто латышскія, употребляемыя исключительно на границѣ Курляндіи; въ такихъ словамъ мы относимъ, напр., слѣдующія: *abejodas* (лит. *abejoras*), *ada* (лит. *oda*), *jeteslis* (лит. *priežastis*), *skabas* (лит. *skobus*, *rugštis*), *argerbs* (лит. *drabužis*, *drapana*), *rget* (лит. *rieš*, *riešais*), *lieciba* (лит. *liudinimas*), и т. д. Такимъ образомъ, если изъ словаря Межиниса исключить всѣ эти слова, то оставшіяся засвидѣлитъ литовскія слова, вмѣстѣ съ переводомъ ихъ на три языка, можно будетъ умѣстить на какихъ-нибудь 200 страницахъ небольшаго формата. Представьте себѣ, какая небольшая часть литовскихъ словъ могла попасть въ такой крошечный словарикъ! Надо замѣтить, что и самъ Межинисъ зналъ гораздо больше словъ. Онъ не помѣстилъ ихъ въ свой трудъ только потому, что упустилъ ихъ изъ виду, или они, при составлении словаря, не пришли ему въ голову. Такъ, по крайней мѣрѣ, позволительно думать, когда не встрѣчаешь въ словарѣ такихъ словъ, какъ *darḡbūtus* работающій, трудолюбивый, *grogis* красота, *kelšnotas* холмистый, *kvailas* глупый, *lokus* медвѣдь, *rigis* рыхлый, *pustyti* (*dalgi*) точить, бить (косу), или когда находишь въ словарѣ причастныя формы, въ родѣ *arklikštytas* окрещенный, *pasigēgęs* напившійся, и вѣтъ на раду съ ними формъ *arklikštuti* окрестить, *pasigerti* напиться. Ясно, что тутъ очень важную роль сыграла просто небрежность автора, взавшагося не за свое дѣло.

Посмотримъ теперь, какъ переводилъ Межинисъ попавшія въ его словарь литовскія слова. Говорить о томъ, какъ переведены слова на латышскій и польскій языки, не нахожу возможнымъ просто потому, что это заняло бы слишкомъ много места. Впрочемъ, и указаніе на особенности, которыми характеризуется передача литовскихъ словъ на русскій языкъ, дастъ возможность читателю уяснить себѣ, какъ могутъ относиться составитель словаря къ другимъ языкамъ, въ данномъ случаѣ къ польскому и латышскому. Здѣсь настѣнѣ прежде всего поражаетъ полнѣйшее незнаномство автора съ русскимъ языкомъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ русскаго языка, на который переведены литовскія слова: *arkliaganis* «лошадиный пастухъ» (==конскій пастухъ, конопасъ), *arp̄libti*, «克莱сть въ спать» (==ослѣпнуть и др.), *agklipinks* «лошадиный барышникъ» (==торговецъ лошадьми), *atsakytojis* «отка-

затель» (=кто отказывает, отказывающий), *at skaitumas* «отсчитаніе» (=отсчитываю, отчисление), *arpites* (=арпитеты) «овядшій» (=нѣсколько занядшій, нѣск. занявшій), *branda* «бидіе въ зерно» (=урожай, умолоть), *dirges* «задница» (=костерь, *brodus secalinus*), *glumdyti* (?) «шкотивать» (=давать пріютъ), *at godoties* (?), «припомнить» (?=припомнить), *intē* «мужинаго брата жена» (=жена мужина брата), *javimas* «вложеніе въ обувь, вобутіе» (=надѣваніе обуви, и др.), *seseraitis*, —*tē* «племянные дѣти» (=сынъ или дочь сестры, племянникъ, —ница) и пр. При такомъ слабомъ знавіи русскаго языка, конечно, весьма трудно переводить на него литовскія слова. Но Межиниса незнаніе это, повидимому, нисколько не смущаетъ: онъ переводить лит. слова весьма смѣло, нерѣдко пользуясь для этого первымъ поцавшимся, часто с вѣршенно неподходящими русскими словомъ. При этомъ выходитъ иногда крайне курьезно: русскій переводъ не согласуется съ польскимъ, а польскій противорѣчить латышскому. Привозу нѣсколько характерныхъ примѣровъ: *atlixti* (=*atlychtī*) «облегчить, убавить» (=смягчиться, перестать сердиться), *baimingas* «благочестивый» (=боязливый), *ēdrus* «прожорливый, хищный» (=прожорливый), *eikvojinis* «расточаніе, распоряженіе» (=расточеніе), *griežlē* «холлатый жаворонокъ» (=дѣгачъ, сгех ргатеніс), *kaštīlis* (состѣ. *kaštīlys*), «хищникъ» (=состѣ. набойщикъ; обжора), *tečians* (или *tačiaus*) «лучше» (=однако), *gāšytinis* «перо, карандашъ» (слово это—неудачный неологизмъ), *geilus* «головокруженіе» (?=принеизводящій головокруженіе), *važiotas* «піѣхать» (=прич. отъ *vožipoji* фду), *otepa* «память, праздновавіе» (=память), и т. д. Нѣсколько удачнѣе переведены эти слова на латышскій и польскій языки, зато тѣмъ они получили значеніе песс-гласное съ русскимъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ *atlažti*, *eikvojimas*, *griežlē*, *tečiaus*, *otepa* и на эти языки перевѣдены невѣро.

Какъ помимаетъ Межинисъ точность перевода литовскіхъ словъ, показываетъ слѣдующій характерный примѣръ. Прилагательное *geras* (съ *krākīmъ* окончаніемъ) или *gerasis* (съ полнымъ окончавіемъ), которое значить «хорошій, добрый», сравнительная и превосходная степени этого прилагательного—*gerēsnis*, *geriausis*, а также образованное отъ него существительное *gerimas*, «доброта, хорошее качество» переведены въ разбираемъ словарѣ такъ: *geras* «добрый, хороший, милый, добродѣтельный»; *gerasis* «самый хороший, наилучшій»; *gerēsnis*, «болѣе соответствіиный»; *geriausis* «наилучшій, самый наилѣчѣе подходящій»; *gerimas* «доброта, добродушіе, благополучность, беззлобіе». Какъ видѣть читатель, составитель словаря за словомъ въ карманъ не лѣзть; жаль только, что точность перевода отъ этого не только не выигрываетъ, но даже страдаетъ.

При такомъ слабомъ знавіи русскаго языка и такомъ полномъ веновиманіи важности точной передачи значенія словъ, Межинисъ былъ съвершенно неспособенъ переводить литовскія синонимическія слова, по крайней мѣрѣ скончаръ его дасть слѣвомъ мало данныхъ для уразумѣнія значенія такихъ словъ. Чтобы видѣть, какъ переводить онъ эти слова, възьмемъ два примѣра. Слѣга: *lupsnis*, *kiavalas*, *taukika* переведены такъ, что можно было бы подумать, что *lupsnis* (картофельная шелуха) значить то-же, что *kiavalas* (скорлупа, особ. орѣховая) или *taukika* (=древесная кора, лыко). Изъ русскаго перевода словъ: *listens* (состѣ. *listinas*, *listvinas*), *kirīnas*, *lygmalys* (=*lygmalis*), *ričnas*, *sklidinas* совершенно невозможно повѣтъ, что эти слова дѣйствительно (бозначаютъ). При словѣ *listinas* (оно, кажется, тождественно со *sklidinas*) вѣть русскаго перевода, и читатель стыдится врѣмо въ *kirīnas* и *sklidinas*; между тѣмъ, *kirīnas* переведено «переполненный, полный» (въ дѣйствительности же наполненный «вѣрхомъ», лит. «*si kapriu*»), а *sklidinas*—«полный» (состѣ. «полнехонкій», «совершенно полный», бѣльшою частью говоря о сосудахъ, неполненыхъ жидкостью); *lygmalis* переведено русскими «равносторонній, соразмѣрно бѣрегамъ», хотя, собственно говоря, слово это значить «наполненный до краевъ, вро-

весь съ краями» (ср. *lugs* ровный и *tał* край); вполовину переведено только *riłas*, которое, какъ это отмѣчено и у Межиниса, значитъ «полный».

Часто известное литовское слово переводится на русский языкъ какимъ-нибудь подходящимъ или еще чаще неподходящимъ сл. въмъ, а единственный примеръ, приводимый на употребление этого слова, какъ разъ показываетъ, что оно употребляется въ иномъ значеніи. Вотъ два примера. *Gaias* переведено «мохнатый человѣкъ, мохнатое растеніе», между тѣмъ какъ изъ примера *vilkas pavasaguje* разъясняется, что *gaigai* (plur.)—значить «(мохнатая) шерсть»; слово *lipnis* (или *lipšnis*) переведено русскимъ «лип-кій», но изъ примеровъ *lipi kalba*, *lipniai kalbeti* получается для этого слова и другое значеніе, именно «пріятный, милый (въ обращеніи)». И такихъ случаевъ, где переводъ слова не соответствуетъ его значенію, вытекающему изъ примеровъ, въ словарѣ Межиниса очень много.

Если обратить вниманіе на самое начертаніе словъ литовского языка, попавшихъ такъ или иначе въ словарь, то окажется, что Межинисъ и тутъ не вполнѣ удовлетворяетъ своего читателя. Такъ, съ одной стороны онъ пишетъ: *asa*, *vašas*, а съ другой—*gązinti*, *gañtas*, *tąsgrus* или *grąžti*; съ одной стороны встрѣчаемъ формы въ родѣ *gronditi*, *kondimas*, *konsnis*, *konklė*, *šopata*, *gerinti*, а съ другой находимъ *ganka*, *vanta*, *langas*, и пр. Такая непослѣдовательность въ начертаніи общелитовскихъ *ą*, *į* и *an*, *in* (въ сочетаніи съ слѣдующими согласными) объясняется просто отсутствіемъ вдумчивости со стороны автора и смѣшениемъ разныхъ нарѣчій литовского языка; еслибы Межинисъ, при начертаніи литовскихъ словъ, положилъ въ основу языка своего словаря какое-нибудь одно, напр. теперешнее литературное нарѣчіе, то приведенные слова онъ долженъ былъ бы представить въ слѣдующемъ видѣ: *ąsa*, *vąšas* или *ąsas*, *grąžinti*, *gañtas*, *tąsgrus*, *grąžti*, *grantinti* или *gramdinti* (иже собств. *gąladyti*, *grāmdyti*), *kandimas*, *kąsnis*, *kanklės*, *mantas*, *gerinti*, *ganka*, *vanta*, *langas*. Затѣмъ нужно замѣтить, что долгота гласныхъ *i* и *u* рѣдко обозначается; часто *i*, принимаемый въ словарѣ за долгій звукъ, т. е. за *u*, на самомъ дѣлѣ кратокъ, во всакомъ случаѣ не долгий: сравн. *skrilis* (вм. *skrylis*), *ugklas* (вм. *irklas*), *riplys* (вм. *ryplys*), *rigas* (вм. *rigas*, *riža*), *suris* (вм. *suris*), *dumai* (вм. *dumai*), *gyrdytas* (вм. *dirdytas*), и т. д. Кромѣ того, литовское удареніе, — оно бываетъ трехъ видовъ, — нигдѣ не обозначено. Это отсутствіе удареній, въ связи съ неуказаниемъ долготы и краткости гласныхъ и смѣшаніемъ разныхъ нарѣчій, дѣлаютъ, конечно, еще болѣе затруднительнымъ пользованіе словаремъ Межиниса.

Намъ остается отмѣтить еще двѣ стороны разбираемаго труда, на сей разъ уже положительного характера. Тутъ, прежде всего, мы должны признать, что въ разбираемомъ нами словарѣ есть и такія чисто литовскія слова, которыхъ не встрѣчашь въ другихъ словаряхъ этого языка: сравн. *gilna* жена, *intė*¹⁾ (сравн. лат. *estala*) жена мужчина брата (у Куршата *des Bruders Frau*), *gasmė* умодоть, *tu* *egmė* прочность, *žioklė* рыло, челюсть, и т. д.; жаль только, что на этихъ словахъ нигдѣ не простоялено удареніе. Во-вторыхъ, въ словарѣ Межиниса есть много загадокъ, поговорокъ и всякихъ чисто народныхъ выражений. Эти загадки, поговорки и пр. могутъ дать много материала для изучающаго произведенія народнаго творчества литовцевъ и синтаксисъ литовского языка.

Наконецъ, подводя итоги всѣмъ отмѣченнымъ нами качествамъ литовского словаря Межиниса, мы должны признать, что словарь этотъ не удовлетворяетъ са-

¹⁾ Ср. одн. дрвн. слав. *м* тры, р. ятровъ *ж*на брата; срв. *sceti*, gen. *seces*—*sestra*.

мымъ скромнымъ требованиеятъ, даже тѣмъ, которые мы нашли возможный предъявить къ теперешнимъ словарямъ литовского языка: какого-либо вклада въ филологическую науку этотъ словарь, конечно, составить не можетъ, а того, кто захотѣлъ бы пользоваться имъ для цѣлей практическихъ, напр. для того, чтобы съ помощью его разбирать литовскіе тексты, онъ, какъ мы видѣли, опять-таки не удовлетворить; для самихъ литовцевъ, которые пожелали бы съ помощью его учиться другому языку, онъ совершенно не годится, скорѣе можетъ даже сбить ихъ съ толку. По нашему мнѣнію, словарь этотъ явился на свѣтъ просто вслѣдствіе самомнѣнія неумѣло сбиравшаго слова автора или вслѣдствіе какого-либо иного недоразумѣнія. Не иначе смотрѣть на этотъ словарь и молодая литовская печать (см. *V a g r a s*, 1894, № 7).

Ив. Яблонскій.

Монголія и Монголы.—Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣевымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ. Издание И. Р. Г. Общ. СПБ. Типogr. И. Ак. Н. 1886. XXX+696 стр. въ больш. 8-ку.

Этотъ прекрасно изданный томъ съ іллюзиями снабженъ двумя предисловіями. Одно написано вице-предѣдѣдателемъ Г. Общ. П. П. Семеновымъ, гдѣ мастерски очерчено значеніе географическихъ экспедицій, за полуѣвропейское существованіе Г. Общ., для изслѣдованія Внутренней Азіи или застѣнной части Китайской имперіи и вѣрно указана важность трудовъ проф. Позднѣева по изученію Монголіи, граничащей съ Россіею на пространствѣ слишкомъ 3-хъ тысячъ верстъ. Второе предисловіе принадлежитъ перу Позднѣева, гдѣ авторъ говоритъ о послѣдней своей поѣздкѣ въ Монголію въ 1892—1893 г., куда онъ былъ отправленъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и о матеріалахъ и свѣдѣніяхъ, имъ собранныхъ. Первую свою поѣздку въ Монголію А. М. Позднѣевъ совершилъ еще около 20 лѣтъ назадъ, тогтасъ по окончанію курса на Восточномъ факультетѣ Петербургскаго Университета. Поѣзда вта продолжалась три года (съ весны 1876 г.), г. Позднѣевъ вошелъ въ составъ экспедиціи Геогр. Общ. Университета нашъ приобрѣлъ вывезенную Позднѣевымъ большую коллекцію Монгольскихъ рукописей и книгъ, всего 972 тома подъ 157 заглавіями, а въ лицѣ молодого путешественника—отличного преподавателя, доктора въ 1881 г., и въ 1884 г. экстраординарного, а съ 1886 г. ординарного профессора по каѳедрѣ Монгольского языка и Словесности. Послѣдняя поѣздка А. М. Позднѣева доставила нашему Университету новую большую коллекцію рукописныхъ и печатныхъ сочиненій китайскихъ, монгольскихъ и маньчжурскихъ сочиненій, всего 727 томовъ подъ 138 заглавіями. Сверхъ того А. М. для практическихъ занятій со студентами вывезъ рѣдкую коллекцію ламайскихъ и другихъ принадлежностей ламайскаго культа.

Изъ приложенного къ предисловію П. П. Семенова списка видно, какъ обогатилъ Позднѣевъ русскую литературу своими трудами, посвященными монгольскому языку, монгольской этнографіи (маг. диссерт. Образцы народной поэзіи монгольскихъ племенъ 1880. 346 стр. 8° «Калмыцкая народная сказки, собранныя въ калмыцкихъ степахъ Астраханской губ. и изданныя въ подлиннике калмыцкимъ текстѣ. СПБ 1892. 150 стр. 8°), монгольской словесности, исторіи, монгольскому буддизму (докт. диссерт. Монгольская лѣтопись «Эрденійнъ Эрихъ» съ поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 г. СПБ. 1883. XXXVIII+421 стр. 8°—Очерки быта буддийскихъ монастырей и буддийского духовенства въ Монголіи. 1887 г. XVI+492 стр. 8). по географіи Монголіи («Города сѣв. Монголіи.

СПБ. 1880. II+114 стр. 8°). «Замѣчанія къ дорожнымъ замѣткамъ Арх. Палладія 1892. 114 стр. въ Зап. по Общ. Геогр. Т. XXII вып. I. 1892. 114 стр.».

Результаты послѣдней своей поѣздки и всѣхъ прежнихъ своихъ работъ и изслѣдований проф. Позднѣевъ рѣшился обработать и изложить въ обширномъ трудѣ, начало которого нынѣ издано Г. Общ. Этотъ первый томъ содѣржитъ въ себѣ дневникъ путешествія по Монголіи въ 1892 г. и касается главнѣйше сѣверной Монголіи. II т. будетъ содѣржать въ себѣ дневникъ путешествія 1893 г., т. е. путевыя наблюденія по южной и юговосточнѣй Монголіи. Т. III имѣтъ представить очерки администраціи и порядковъ управленія въ этой странѣ, съ выясненіемъ военнаго и политico-экономическаго состоянія Монголовъ въ настоящее время; Т. IV будетъ посвященъ ламаизму въ Монголіи, съ изложеніемъ его догматическаго и нравственнаго вѣроученія, быта и обрядовъ. «Оба эти тома, по словамъ автора, составляютъ собою по преимуществу результаты моихъ занятій въ архивахъ, различныхъ монгольскихъ управленіяхъ, а равно въ монастырскихъ библіотекахъ и школахъ, подъ руководствомъ мѣстныхъ специалистовъ каждого изъ этихъ отдѣловъ знанія».

Т. V будетъ содѣржать свѣдѣнія этнографическія, приобрѣтеныя частью путемъ личныхъ наблюдений, а частью распросами и изученіемъ народной литературы: пѣсень, пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр.

Т. VI—«замѣтки о китайской и русской торговлѣ въ Монголіи, съ приложеніемъ свѣдѣній по исторіи развитія торговли собственно русской».

Наконецъ VII томъ посвященъ историческому изслѣдованію обо всѣхъ владѣтельнѣхъ княжескихъ домахъ Монголіи, возвысившихъ собственно въ періодъ подданства Монголовъ Маньчжурамъ и играющихъ роль именно въ настоящую пору въ Монголіи. Матеріаломъ къ составленію этого изслѣдованія послужили періодически составляемые китайскими правительствомъ послужные списки каждого изъ этихъ княжескихъ домовъ. Издание этого труда (т. е. VII т.) приняла на себя И. Академія Наукъ. Издание же первыхъ шести томовъ взяло на себя И. Р. Географическое Общество.

Конечно, всѣ эти труды являются не результатомъ лишь послѣдней поѣздки проф. Позднѣева въ Монголію (1892—93 г.), а всѣхъ его двадцатилѣтнхъ слишкомъ разностороннѣхъ занятій Монголію и Монголами. Само собой на разработку и изданіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ трудовъ уйдетъ не мало времени, почему авторъ и прибавляетъ: «если только хватитъ моей жизни на то, чтобы издать ихъ».

Почтенный нашъ ученый еще молодъ, въ цѣлѣѣ силъ; остается только пожелать ему бодрости духа и здоровья для успѣшнаго окончанія задуманнаго и такъ прекрасно начатаго имъ ученаго его предпріятія, которое должно доставить ему славу, а наукѣ и Россіи принести великую пользу. Такъ много испытавшая отъ Монголовъ, отъ основанной ими монархіи и отъ ея послѣдовъ безъ чужой помощи освободившаяся отъ нихъ—разныхъ татарскихъ ордъ, на Волгѣ и въ Крыму, и съ тѣхъ поръ занявшая и колонизовавшая громадныя пространства бывшей Монгольской державы, Россія получила наконецъ возможность непосредственнаго и основательнѣйшаго изученія сосѣднѣй намъ теперь страны Монголовъ приобрѣла право на самое многостороннѣе и глубокое въ ней вліяніе, на распространенію въ ней своей образованности и своего языка: Монголія не принадлежитъ къ густо заселеннымъ краямъ сосѣдней намъ многолюдной Имперіи и можетъ въ послѣдствіи принять много русскихъ поселенцевъ.

Якуты. Опытъ этнографического изслѣдованія В. Л. Сѣрошевскаго. И. Р. Г. Общества на средства, пожертвованныя А. И. Громовой. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою. СПБ. Типографія Главн. Управлінія Удѣловъ, Моковая, 40, 1896. XII+719 стр. въ больш. 8-ку.

Этотъ изящно изданный трудъ посвященъ авторомъ «Памяти А. Ф. Миддендорфа» и украшенъ портретомъ этого даровитаго, ученаго знатока В. Сибири.

В. Л. Сирошевский прожилъ въ Якутской области съ марта 1880 по июль 1892 г. При этомъ онъ прожилъ въ г. Верхоянскъ съ мая 1880 по мартъ 1883 г. За это время сверхъ небольшихъ экспедиций въ окрестности, онъ проѣхалъ на лодкѣ по р. Янѣ до Ледовитаго Океана и возвратился обратно изъ с. Казачьяго (900 в.) сухими путемъ лѣтомъ вдоль лѣваго берега Яны по мѣстности мало извѣстныемъ и слабо населеннымъ. Въ мартѣ 1883 г. онъ выѣхалъ изъ Верхоянска въ г. Средне-Колымскъ, а оттуда на западъ, въ почтовую станцію Аидылахъ (300 вер. отъ гор.), где провелъ 8 мѣсяцевъ; затѣмъ опять возвратился въ г. Колымскъ и вторично отправился на урочище Енгжа, которое лежитъ также въ 300 вер. отъ города, но не по тракту, а въ сторонѣ отъ него, въ 100 вер. къ сѣв. Въ 1885 г. онъ выѣхалъ обратно въ г. Якутскъ и оттуда на р. Алданъ въ III Баагантайскій наслегъ улуса того же имени. Въ 1887 г. я перѣхалъ въ Намскій улусъ того же округа, где занялся землемѣромъ и прожилъ до выѣзда въ Иркутскъ въ юнѣ 1892 г. За это время онъ посѣтилъ: селеніе Амшинское, улусы: Баранійский, Батуруссій, Мечеинскій, Восточно-Кацаласкій; въ западномъ Кангаласкомъ провелъ нѣсколько недѣль, и сверхъ того совершилъ еще на лодкѣ путешествіе по Ленѣ къ устью Алдана. «Эти многократныи перемѣщенія и разѣзды дали мнѣ возможность составить себѣ ивѣторое представление о странѣ, записать и провѣрить много варіантовъ преданій и обычаевъ. Для этого я въ началѣ пользовался переводчиками, сопутствовавшими мнѣ казаками и знающими по русски якутами, а затѣмъ самъ настолько узналъ якутскій языкъ, что могъ записывать самостоятельно. Обыкновенно записывалъ я текстъ по-русски, а по-якутски вставлялъ только болѣе характерные обороты или рѣдкія сомнительныи и трудныи для перевода слова. Это значительно сокращало время записи и не такъ утомляло разсказчика. Таково происхожденіе матеріаловъ, составившихъ эту книгу. (Предисл. стр. IX—X). Затѣмъ авторъ занимался полтора года въ Иркутскѣ, въ музѣи и библиотекѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. «Литература обѣ Якутской области, говоритъ авторъ, разрослась въ настоащее время до размѣровъ цѣлой библиотеки; можно насчитать болѣе полуторы тысячи номеровъ книгъ, брошюръ, статей, вышедшихъ отдельными выпусками или разбросанными въ періодическихъ научныхъ и популярныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, добрая третъ, если не больше, представляетъ компиляціи или повторенія однихъ и тѣхъ же первоисточниковъ. Размѣры и назначенія этой книги не позволяли въ ней удѣлять много мѣста ссылкамъ и критикѣ печатныхъ источниковъ; читать оказалось и безъ того много, между тѣмъ я ограничился только признанными авторитетами и выписками изъ рѣдкихъ и трудно доступныхъ сочиненій». Всего болѣе воспользовался онъ трудами знаменитаго путешественника Миддендорфа и также вывезенными имъ матеріалами, обработанными въ извѣстномъ трудахъ ак. Бетлинга, затѣмъ трудами другихъ старыхъ и по ихъ путешественниковъ и знатоковъ В. Сибири Спаасарія (1675 г.), Гмеліна, Словцова, Щукина, Кострова, Кривошапкина, Потанина, Худякова и др.

Введеніе (Геогр. очеркъ, климатъ, растительность, фауна, домашнія животныи), занимающее 141 стр., было дополнено и исправлено авторомъ, по предварительномъ его просмотрѣ въ рукописи, особыми специалистами: Э. Е. Толемъ — (географія и фауна), Э. В. Штедлингомъ (климатъ), С. И. Коржинскимъ и Я. П. Преінемъ (ботаника).

Слишкомъ двѣнадцатилѣтнее пребываніе г. Сирошевскаго въ Якутской области, его разѣзды по ней, основательная разработка собранного матеріала, энергія и даровитость автора, какъ наблюдателя и писателя, его гуманное, любовное отношеніе къ Якутамъ придаютъ этому труду истинно-высокое значеніе въ наукѣ этнографической.

Сверхъ введенія, I т. этого капитального труда состоять изъ слѣд. лѣв. главъ: I. Объ южномъ происхожденіи Якутовъ. — II. Разселеніе — III. Физическія особенности племенъ. IV. Экономическая основы быта. V. Пища. VI. Платье. VII. Постройки. VIII. Ремесла и искусства. IX. О распределеніи богатства, условіяхъ труда и найма. X. Родовой строй. XI. Семья. XII. Дѣти. XIII. Бракъ и любовь. XIV. Народное словесное

творчество. XV. Въорванія. (стр. 183—675). — Въ приложениі напечатана «Въдомость домовъ, юртъ и народонаселеніе инородцемъ Олѣминского округа и улусовъ, съ подраздѣленіемъ на наслеги и роды за 1891 г.» Къ тому приложены еще два Указателя: одинъ—собственныхъ именъ, другой—предметовъ.

Живость и нерѣдко истинно-художественное изложеніе автора дополняется еще многочисленными, большою часть весьма удачными рисунками Якутовъ, Якутъкъ различныхъ классовъ, состояній и возрастовъ, иѣжъ жилищъ, работъ, предметовъ домашнаго обихода и пр. Рисунки по наброскамъ и фотографіямъ автора исполнены художниками С. М. Дудинымъ, А. В. Евреиновымъ и Д. М. Головачевымъ. Наука и русская литература обязаны прекраснымъ изданиемъ этого замѣчательнаго труда Аинѣ Ивановѣ Громовой, главѣ Торгового дома, давно уже ведущаго дѣла въ Якутской области; А. И. Громова дала средства автору, дабы облегчить ему «возможность обработать сырой матеріалъ и затѣмъ издать сочиненіе».

Нельзя не отмѣтить съ особенюю признательностью того обстоятельства, что, давши средства на это изданіе, А. И. Громова пожелала, чтобы оно считалось изданіемъ И. Р. Г. Общества. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ не немногіо миллионеровъ и вѣтъ обладателей миллиардъ, нельзя расчитывать на меценатовъ, которые бы рѣшились тратить на этнографіческія и другія изданія по географіи Россіи, такія суммы, которыя израсходывало и расходуетъ наше Географическое Общество въ теченіи полуѣвка. Ни одинъ меценатъ не превойдетъ въ этомъ отношеніи Общества, справедливо снискавшаго себѣ уваженіе въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Да и честь мецената отъ этого не умалитъ, напротивъ увеличитъ, ибо такого рода прямая и вмѣстъ косвенные пощертованія ученымъ и ихъ трудамъ, чрезъѣ ученыя общества, только облагораживають меценатскія отношенія, привнося въ нихъ ту гуманную деликатность, которой часто прежде въ нихъ не доставало. По изяществу и рѣскоши изданія. Якуты Сѣрошевскаго, изданіе И. Р. Географического Общества на средства, пожертвованныя А. И. Громовой, и вышеупомянутый томъ обширнаго труда Позднѣева, изданнаго на средства Геогр. Общ., пре-восходятъ всѣ новѣйшія русскія этнографическія изданія.

Обычное право выпускъ второй. Материалы для библіографіи обычного права
Ярославль. 1896. XXXVII+544 стр. въ 8-ку.

Выпускъ первый вышелъ въ Ярославлѣ въ 1875 г. (подъ тѣмъ же заглавиемъ, но въ меньшемъ форматѣ и объемѣ—XXXVI+249).

Этотъ превосходный образецъ телковой библіографіи, одно изъ важнейшихъ пособій по русской этнографіи, принадлежитъ, какъ извѣстно, перу образованнаго юриста, просвѣщенного любителя и отличного знатока обычного права Е. И. Якушкина. На оберткѣ 2-го вып. мы прочли пріятное извѣстіе о приготовлениі къ печати втораго изданія 1-го вып. Въ этомъ дѣйствительно была крайняя нужда, такъ какъ первый выпускъ давно уже сталъ рѣдкостью. Если припомнить, что нашъ маститый этнографъ-юристъ постоянно живетъ и работаетъ (съ 1859 г.) въ Ярославлѣ, что собирать библіографическія свѣдѣнія въ губернскомъ городѣ гораздо труднѣе, чѣмъ въ столицахъ, то тѣмъ болѣе заслуживаютъ удивленія и благодарности тщательность и богатство собранныхъ авторомъ библіографическихъ данныхъ. Во второмъ выпускѣ «указаны сочиненія, касающіяся народнаго юридического быта (съ 1876 г. по 1889 г. включительно, а также хотя появившіяся и ранѣе, но пропущенные въ первомъ выпускѣ).

По примѣру первого выпуска, многія книги и статьи не только указаны, но и снабжены мастерски составленнымъ изложеніемъ ихъ содержанія. И при второмъ выпускѣ имѣются указатели: I. систематический (I. Русское обычное право. II. Управление—самоуправление. III. Судъ. IV. Гражданское Право. A. семейное право. a брачный союзъ. б. союзъ

родителей и детей, в. союзъ членовъ семьи. В. Опека и попечительство. В. Право наследственное. Г. Права вещныя. Д. Сдѣлки и обязательства. V. Торговое право. VI. Уголовное право.—Затѣмъ Обычное право инородцевъ) — стр. 457—507. 2. этнографический стр. 508—511; 3. географический стр. 512—532; 4. именной указатель (фамилии авторовъ просмотрѣнныхъ сочиненій) стр. 533—544.

Почтенный трудъ Е. И. Якушкина навсегда сохранитъ значение необходимаго пособія при изученіи русской этнографіи и нашего обычного права въ особенности.

Бартеневъ Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. С.-Петербургъ. 1896. II+154 стр.

Авторъ пробылъ четыре года въ Обдорскѣ и успѣлъ близко ознакомиться съ частью этого дальняго и непргляднаго края. Многія изъ его интересныхъ замѣтокъ о Самоѣдахъ, Остякахъ, Зырянахъ и Русскихъ были бы еще цѣнныѣ, если бы не было неряшливости и какой-то расстрапанности въ изложении. Портить книжку и множество опечатокъ.

Харузинъ, Н. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896. IV+124 стр. въ 8-ку.

Авторъ представляетъ рядъ любопытныхъ соображеній о типахъ жилищъ кочевыхъ народностей тюркскихъ и монгольскихъ нерѣходящихъ постепенно, и сколько известно изъ истории, подъ вліяніемъ по большей части чужого земледѣльческаго населенія, къ жизни осѣдлой, и какъ по мѣрѣ такихъ переходовъ измѣняются ихъ жилища изъ первоначальныхъ коническихъ шалашей въ рѣшетчатыя юрты, а тѣ въ свою очередь въ балаганы и плетиевые жилища, землянки, наконецъ срубы и пр. Почтенный авторъ обращается преимущественно къ новымъ свидѣтельствамъ, но иногда обращается и къ старымъ и къ средневѣковымъ путешественникамъ. Жаль, что авторъ не обратилъ вниманія на любопытнѣшія въ этомъ отношеніи показанія Приска о Гуннахъ Аттилы (Готск. имя, по слав. Отило: От,—отинъ, отъцъ, срвп. Братило. Паскальное и у Славянь, какъ въ Словѣ о П. Иг. «О вѣре вѣтрило»).

Пантюховъ И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896. 142 стр. и XVI табл. рисунковъ, въ 8-ку.

Много любопытныхъ указаний на литературу предмета, на средневѣковыя и новѣйшія описанія быта и жилищъ Кавказскаго населенія (стр. 10—12), на пещеры естественные и искусственные въ разныхъ мѣстахъ края, осмотрѣнныя и описанныя посторонними учеными и мѣстными наблюдателями (стр. 12—22), наконецъ осмотрѣнныя и болѣе или менѣе изслѣдованныя самимъ авторомъ (стр. 22—38). Любопытна глава VIII: Древнѣйшія зданія крѣпости, башни, храмы, города.—Интересныя данные и соображенія сообщены авторомъ о современныхъ подземныхъ и подземныхъ жилищахъ (стр. 82 и сл.), т. е. о полуподземныхъ сакляхъ преимущественно у картвельскаго племени по среднему бассейну Куры и ея верхнимъ притокамъ. Оказывается, что грузинскія напр. сакли въ Мукетѣ лучше и чище армянскихъ въ Глаганахъ; но лучше, просторнѣе и удобнѣе—грузинскія сакли подъ Тифлисомъ въ с. Дигонахъ. Сакли татарскія хуже также грузинскіхъ. Отъ этихъ саклей отличаются сакли подземныя, онѣ сидѣть больше въ землѣ, преимущественно въ холодныхъ плоскостяхъ

Малаго Кавказа и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. «Къ подземнымъ жилищамъ должно отнести и пещеры въ Запущурскомъ и другихъ уѣздахъ. По словамъ д-ра Гедевалова, селенія армянъ и татаръ того уѣзда часто расположены въ мѣстахъ богатыхъ пещерами, служащихъ для многихъ единственнымъ жилищемъ. Помѣщеніе для скота устраивается рядомъ въ такихъ же пещерахъ. Подземная жилища можно раздѣлить на два типа—первый по склонамъ плоскогорья, походиg на грузинскій, ирочемъ скотъ обыкновенно помѣщается отдельно отъ хозяевъ, и второй на самомъ плоскогорѣ, гдѣ помѣщеніе скота не отдѣляется отъ помѣщенія хозяевъ».—Въ гл. XI идетъ рѣчь о деревянныхъ, каменныхъ и друг. жилищахъ.

«Въ послѣднія 30—40 лѣтъ, особенно послѣ освобожденія крестьянъ, устройство жилищъ начало улучшаться. Въ Кахегіи (Гедавскій уѣздъ), кромѣ плензевыхъ и деревянныхъ появились каменные дома, мало отличимы отъ княжескихъ. Въ Кутанско-ской губ. не только у дворянъ, но и у зажиточныхъ крестьянъ домики высматриваются весьма привѣтливо. Съ двухъ сторонъ ихъ красивая, иногда съ рѣзными рѣшетками галлерея, въ домахъ нѣсколько комнатъ, большія окна, деревянные полы и потолки, каминъ; въ гостиной, кроме шахты, и другая мебель. Кухня находится въ отдельномъ зданіи... Характеръ построекъ остается однако и въ новыхъ зданіяхъ прежніи—стѣны толькo, непрочны, нѣрѣдко со щелями, печей нѣть, а только каминъ». (с. 98—99).

Относительно деревянныхъ жилищъ русского крестьянскаго населенія авторъ замѣчаетъ, что «какъ на хододныхъ плоскогорьяхъ Ахалкалакскаго уѣзда и Карской области, такъ и на предгоріяхъ Тифлісскаго и низменностяхъ Ленкоранскаго уѣзда, русское населеніе не подчинилось туземнымъ образцамъ, а при устройствѣ какъ жилыхъ зданій, такъ и хозяйственныхъ построекъ, сообразуясь съ мѣстными условіями, почти совершенно сохранило такой же типъ жилищъ, какой онъ и на равнинахъ сѣверной и южной Россіи. Жилща русскихъ большою частью деревянныя, рѣдко глинныя или каменные. Пользуясь достаточнымъ благосостояніемъ, кавказские Русские живутъ лучше, чѣмъ крестьяне собственной Россіи, въ домахъ ихъ часто нѣсколько комнатъ, стулья, комоды, зеркала, цвѣты, а иногда и газеты». (с. 101).

Пожелаемъ почтенному автору продолжать свои наблюденія и изысканія и приготовить этотъ трудъ вторымъ изданіемъ, гдѣ бы этотъ весьма важный предметъ былъ разработанъ систематически, съ большими деталями и съ приложеніемъ наибольшаго количества чертежей, рисунковъ и фотографическихъ снимковъ. И. Р. Г. Общество, а также и здѣшнее Арх. Общество, можно надѣяться, не преминули бы оказать автору свое содѣйствіе.

ОТДѢЛЪ V.

СМѢСЬ.

О Пасхѣ.

Пароша (легенда), записанная въ Пощинской уѣзѣ, Ярославской губ.

Въ NN одномъ изъ большихъ, по глухихъ мѣль Пощинского уѣзда жила вдова вдовая солдатка Фекла; жила она одиноко въ своей мѣль¹⁾ на сажень краю села. Это было въ сороковыхъ или пятидесятихъ годахъ текущаго столѣтія.

Хотя издревле про солдатокъ сложилось присловье, что «солдатка мір кой человѣкъ», что солдатокъ вѣнчается,—а ужъ «чего ей хочется, то никогда (никогда) не грѣхъ», однако про молодую Феклу нельзя было сказать ничего худого. Честно и не зазорно вдовѣла она третій годъ, панима съ въ поденныя работы къ своимъ односельчанамъ и добывая себѣ этимъ наступившій кусокъ хлѣба.

Ничего худого не могли сказать сосѣди про молодую Феклу, но вѣдь силенья попуталъ ей и бѣдную бабу. Слюбилась Фекла съ сѣднимъ парнемъ, а тамъ пришло время и забеременѣла отъ него. Беременность свою она такъ искусно скрывала отъ всѣхъ, что никто не могъ даже и подумать, что Фекла беременна, тѣмъ болѣе, что никто и не подозрѣвалъ, что Фекла начала «баловать»...

Была ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе. Во всѣхъ домахъ NN свѣтились огоньки—вездѣ готовились къ встрѣчѣ великаго праздника. Въ церкви давно уже началось чтеніе «Дѣяній», народъ изъ отдаленныхъ деревень понемногу собирался къ свѣтлой заутрени... Свѣтился огонекъ и сквозь занавѣщенное оконце Феклиной избѣшки. Но не встрѣчей Свѣтлого Праздника была занята въ это время молодая вдова: иѣть, заперевъ наглухо двери, она мучилась родами, одна одинешенька. По счастью схватки были не сильны и не продолжительны и Фекла скоро стала матерью.

Сгыдь и боязнь за будущее охватили юшу молодой бабы.

— «Что сосѣди теперь скажутъ? думала баба. «Срамъ одинъ только будетъ: приходу не дадутъ ниѣ—засмѣютъ.. а какъ кормиться будешь? съ этимъ на работу не пойдешь наймоваться: придется по міру сбирать ити, такъ думала Фекла и сердце ея защемило отъ ужаса за свою непріглядную будущность, а руки ея все крѣпче и крѣпче сжимали шейку малютки.

Еще одно крѣпкое судорожное движеніе пальцами рукъ, раздался слабый не то хрипъ, не то стонъ, и малютка не стало въ живыхъ..

¹⁾ Изба въ которой живутъ бобыли.

Заколать малютку въ подъибицѣ было для Оеклы дѣломъ получаса...
Межу тѣмъ раздался громкій торжественный благовѣсть къ Свѣтлой заутренѣ...
Оекла поспѣшило прибралась въ кельѣ, одѣлась въ лучшую одежду и отправилась въ церковь...

— «Телерь никто ничего не подумастъ — никому и въ голову ничего не придетъ», думала Оекла, идя къ церкви и отъ слабости еле передвигая ногами.

— «Чтой та это, матка, на тебѣ лица нѣть», засмѣтила въ церкви Оеклѣ одна изъ ее сосѣдокъ.

— «Не можетъся что то.. головушку всю разломило... простудилась должно бѣть», равнодушно отвѣтала Оекла.

Сосѣдка вполне удовлетворилась такимъ отвѣтомъ...

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько дней. Оекла окончательно оправилась отъ рода. Все дѣло, какъ говорится, было и «шито и крыто».

И, Богъ судиль иначе...

По селу понесли иконы. По старинному обычью причтъ съ св. иконами ходилъ о Пѣсахъ изъ дома въ домъ и служилъ молебны. За иконами ходили почти всѣ сельчане. Принесли, изложеи, иконы и въ Оеклину келью.

Священникъ сдѣлалъ взглазъ и началъ молебень. Старикъ дѣчекъ дребезжавшими голосомъ запѣлъ пасхальный стихиры...

Какъ вдругъ въ это время послышался необычайный шорохъ. Изъ за печки и изо всѣхъ щелей Оеклиной кельи показались мириады черныхъ крупныхъ таракановъ. Богомольцы съ ужасомъ поняглились къ дверямъ. Межу тѣмъ легіоны таракановъ двигались по стѣнамъ и по поголку въ стройномъ порядкѣ въсе по одному направлению: быстро сползли они на полъ и собрались огромной кучей надъ тѣмъ самимъ иѣстомъ, где въ подъибицѣ былъ похороненъ у Оеклы ребенокъ.

На Оеклѣ, какъ говорится, лица не было...

Межу тѣмъ тараканы совершенно неподвижно сидѣли до тѣхъ поръ, пока не окончился молебень. Тогда снова полчища ихъ двинулись въ стройномъ порядкѣ на стѣны и въ какія нибудь 5—6 минутъ скрылись по щелямъ и за печью, такъ что не видно стало болѣе ни одного таракана...

Священникъ вопросительно глядѣлъ на Оеклу...

Скрываться долѣе было не возможно...

Съ плачомъ упала молодая баба на колѣна передъ священникомъ и въ присутствіи всѣхъ рассказала свой грѣхъ...

A. Баловъ.

Крапивное заговѣнье.

Подъ названіемъ крапивнаго заговѣнья извѣстно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шошенискаго уѣзда Воскресеніе «Всѣхъ святыхъ» или заговѣніе на Петровъ посты. Въ это воскресеніе царни и дѣвушки, собирающіеся на обычныхъ деревенскія гулянья, жгутъ другъ друга крапивою, откуда и самыи день этиотъ получиль название «крапивнаго» заговѣнья.

Данный обычай представляеть изъ себя остатокъ древнихъ «русальныхъ проводовъ», пріуроченныхъ первоначально къ купальскимъ игрищамъ, а затѣмъ перенесенныхъ съ купальскаго праздника на всѣхъсвятское воскресеніе. Русалки (южнослав. «мавки»), по древнему вѣрованію славянъ, суть души умершихъ (Соловьевъ). Весною, когда вся природа оживаетъ, по мнѣнію нашихъ предковъ язычниковъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ путь водный считался у всѣхъ на-

родовъ проводникъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что по тому же народному повѣрю русалки живутъ съ наступлениемъ весны въ водахъ: рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ. Какъ представительница царства смерти, тьмы и холода, русалкамъ всего естественнѣе обитатать въ тенныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною.

Но вотъ наступаетъ время купальскихъ праздниковъ. Солнце, купаясь въ водахъ, освящаетъ ихъ и оживотворяетъ ихъ¹⁾. Въ этихъ водахъ уже нѣтъ болѣе мѣста для русалокъ — представительницъ мрака и смерти. Отсюда, по народному повѣрю, русалки лѣзутъ на земные деревья — первоначальное обиталище мертвѣцовъ (см. житіе Константина Муромскаго). Но и эта попытка является для нихъ неудачной: деревья послѣ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ, и русалкамъ, представительницамъ холода, мрака и смерти, съ наступлениемъ лѣта — царства тьмы и свѣта, нѣтъ болѣе мѣста на землѣ. Для нихъ остается только одно — уйти въ темные нѣдра земли и заснуть тамъ крѣпкимъ сномъ до новой весны. Въ одной изъ купальскихъ пѣсень по этому поводу говорится:

Русалочки-земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалились, забились.

Эти то проводы русалокъ въ нѣдра земли и совершались въ старину послѣ купальскихъ игрищъ. Съ принятіемъ христіанства они пріурочены были затѣмъ къ началу Петрова поста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской губерніи и до сихъ поръ на канунѣ заговѣнья на Петровъ посты нѣсколько дѣвушекъ изображаютъ изъ себя русалокъ, ходя ночью по улицамъ въ однихъ рубашкахъ съ распущенными волосами. Часовъ въ 12 ночи молодежь вооружается палками, косами, кнутами и бросается на дѣвушекъ, изображающихъ русалокъ, съ крикомъ: «гони русалокъ». Когда «русалкамъ» удастся убѣжать на землю со сѣдней деревни, преслѣдованія прекращаются, и все возвращаются домой говоря: «Ну, теперь прогнали русалокъ». (Жив. Стар. В. IV. 1891 г. 202 стр.).

Между тѣмъ, по старинному народному вѣрованію, русалки, какъ и вѣдьмы, всего болѣе боятся крапивы и осины, растеній, посвященныхъ богу громовнику. Эти растенія очень часто употребляются народомъ для защиты отъ русалокъ и вѣдьмъ: пхъ кладутъ, напр., въ хлѣвахъ, чтобы вѣдьмы не выдавали коровъ и т. д. Эти растенія играли видную роль и въ старинныхъ купальскихъ русальныхъ проводахъ, т. е. ими старались прогнать русалокъ въ нѣдра земли.

Очевидно, что обычай жечь другъ друга въ «крапивное воскресенье» есть ничто иное, какъ остатокъ древнихъ «русальныхъ проводовъ».

А. Баллов.

Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ.

Изъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Пощеконскомъ уѣздѣ,
Ярославской губерніи.

Слѣды язычества, выразившіеся въ масѣ различныхъ народныхъ суетѣй и предразсудковъ, настолько укоренилось и распространілось въ жизни нашего народа, что очень часто мы встречаемъ эти слѣды тамъ, где ихъ, повидніому, вовсе не должно бы и быть. Въ статьѣ нашей «Слѣды язычества въ народномъ иконопочитаніи» (Жи-

¹⁾ О характерѣ и значеніи купальскихъ игрищъ нами будетъ представлена въ скромъ времени особая отдельная статья.

вах Старина 1891 г. № 3) мы подробно указывали на тѣ сувѣрія и предразсудки, которые замѣчаются въ народномъ иконочтитаніи и которые представляютъ изъ себя ничто иное, какъ остатки сѣдой языческой старини.

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся указать на подобныя же сувѣрія и предразсудки, но пріуроченные только къ другимъ священнымъ предметамъ — именно къ «церковнымъ свѣчамъ и ладону».

Особенное значеніе придаетъ народъ свѣчамъ «вѣчальнымъ». Свѣчи эти тщательно сохраняются народомъ вмѣстѣ съ иконами въ киотахъ или просто на полкахъ. Уже во время самого бракосочетанія народъ замѣчаетъ по вѣчальнымъ свѣчамъ, кто изъ брачущихся скорѣе умретъ. Тотъ у кого вѣчальная свѣча сгорѣтъ болѣе во время бракосочетанія, тотъ скорѣе и умретъ. Означенное повѣрье, очевидно, есть ничто иное, какъ видоизмѣненное гаданье съ огнемъ, пріурочившееся въ иѣкоторыхъ мѣстахъ въ Катеринину дню (24 ноября), а въ другихъ — къ Святкамъ. Гаданье это состоитъ въ томъ, что огарки восковыхъ свѣчъ прикрепляютъ къ орѣховымъ скорлупамъ и, зажегши эти огарки, пускаютъ на воду: чей огарокъ погаснетъ скорѣе — тотъ раньше и умретъ.

Варіацій подобнаго гаданья существуетъ очень много, и перечислять ихъ мы не будемъ, такъ какъ это не относится къ интересующему настѣн вопросу.

Во время трудныхъ родовъ вмѣстѣ съ прочими народными средствами употребляется между прочими и зажиганіе «вѣчальныхъ» свѣчъ.

Вѣчальные свѣчи зажигаются точно также во время грозы и пожара, чтобы отвратить отъ дома громовые удары или прекратить начавшійся пожаръ. Такую же силу въ иѣкоторыхъ мѣстахъ народъ приписываетъ свѣчамъ «богоявленскимъ» и «пасхальнымъ» т. е. свѣчамъ, съ которыми стояли въ эти праздники въ церкви. «Богоявленскій» или же «вѣчальный» свѣчи зажигаютъ наконецъ и въ изголовье умирающаго, когда послѣдній долго мучится въ предсмертной агоніи.

Зажигать «богоявленскія» свѣчи во время грозы и пожара, а также въ изголовье умирающаго есть обычай, перешедшій къ наимъ съ юго-запада, изъ католической церкви. Здѣсь долго существовала обычаи въ день Срѣтенія Пресв. Богородицы освящать свѣчи и раздавать ихъ народу. Въ католическихъ требникахъ есть и особыя назначенные для этого молитвы. (Объ уніат. богосл. кн. Хойницкій Хр. Член. стр. 596—597). Свѣчи эти зажигались во время пожара и грозы и давались въ руки умирающему. Если припомнить, что на Пресв. Богородицу съ принятиемъ христіанства было перенесено почитаніе одной изъ «роженицъ», имѣвшихъ въ своей власти бракосочетаніе, рожденіе и смерть человѣка, то разрѣшительная сила «срѣтенскіхъ» свѣчъ при родахъ и при смерти будетъ наимъ вполнѣ понятна. Съ течениемъ времени сила эта стала приписываться не только «срѣтенскимъ», но «богоявленскимъ», «пасхальнымъ» и другимъ церковнымъ свѣчамъ, какъ напр. «четверговымъ».

Что касается до силы «богоявленскихъ», «пасхальныхъ» и «вѣчальныхъ» свѣчъ охранять отъ молнии и прекращать пожары, то сила эта, по всей вѣроятности, приписывалась вначалѣ только «срѣтенскимъ» свѣчамъ. Вѣрованіе въ такую силу этихъ свѣчъ могло зародиться на христіанскомъ представлѣніи Пресв. Богородицы «неопалимою купинкою». Со «срѣтенскими» свѣчъ это вѣрованіе было перенесено затѣмъ на свѣчи «богоявленскія», «вѣчальные», «пасхальные» и т. д.

«Четверговая» свѣча, т. е. свѣча, принесенная изъ церкви въ великий четвергъ, по народному повѣрью, обладаетъ силой уничтожать чары колдуновъ и прогонять вѣдьмъ. Основа такого повѣрья чисто уже языческая. Вѣрованіе въ колдуновъ и вѣдьмъ есть «пережитокъ» языческаго вѣровѣнія въ облачныхъ нимфъ, представительницъ царства ночи и зимы, тѣхъ самыхъ нимфъ, которыхъ Перунъ разгоняетъ своими молниями.

Между тѣмъ четвергъ и посвящался нашими предками Перуну — богу громовнику, разгоняющему облачныхъ нимфъ своими молниями. Четверговая свѣча и служить въ данномъ случаѣ имѣемою молнией бога громовника.

Что касается до ладона, то по народному вѣрованію онъ обладаетъ свойствомъ прогонять отъ человѣка нечистыхъ духовъ. Поэтому то до сихъ поръ въ народѣ довольно распространенъ обычай носить на шей «ладонки», т. е. мѣшечки съ зашитыми въ нихъ ладономъ. Обычай этотъ восходить къ глубокой древности. Всѣ лазыческие народы съ незапамятныхъ поръ носили на шеяхъ особые мѣшечки, называемые амулетами. Въ мѣшечкахъ хранились камешки съ таинственными словами и надписями, лекарственные травы и волшебная вещи, которымъ приписывалась таинственная чудесная сила. Все это въ древности строго запрещалось не только христіанской церковью, но даже и языческими царями.

Ношеніе ладонокъ есть ничто иное, какъ видоизмѣненный обычай ношенія амулетовъ, такъ какъ ладонка есть тотъ же амулетъ, въ которомъ чудесная сила приписывается ладону.

А. Балловъ.

Живая старина.

Жители различныхъ мѣстностей Россіи нерѣко извѣстны бываютъ среди остального населения подъ различными шутливыми прозвищами, соединенными съ такими же шутливыми легендами обѣ этихъ жителейхъ. Такъ напр. про «ярославцевъ» жители остальныхъ уѣздовъ Ярославской губерніи говорятъ, что «ярославцы блѣтѣлы: семь лѣтъ въ баѣ не были, разъ побывали—семь пудовъ грязи съ одного пятнышка на тѣлѣ наскребли», про «даниловцевъ» говорятъ, что «они теденка въ лулькѣ закачали», про любимцевъ, что они «коzu пряниками кормили», про пошехонцевъ, что «они въ трехъ соснахъ заблудились». Анекдоты о пошехонцахъ еще съ 1798 г. были изложены иѣкимъ Березапскими въ отдельной книжѣ подъ заглавіемъ: «анекдоты о древнихъ пошехонцахъ» Сиб. 1798.

Шутливое отношеніе жителей однихъ мѣстностей къ своимъ сосѣдямъ, выражающееся въ различныхъ шуточныхъ прозвищахъ, даваемыхъ этимъ сосѣдямъ, довольно рельефно выказалось въ слѣдующей народной пѣсенкѣ, записанной нами въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

...Даниловски дѣвки—путаницы,
Романовски—луковницы,
Костромскія—пароходиницы,
Онѣ дуры не работницы,
Ярославски дѣвки модницы и т. д.

Нѣть никакого сомнѣнія, что многія изъ такихъ шуточныхъ прозвищъ, усвоенныхъ жителямъ извѣстной мѣстности, берутъ свое начало въ глубокой древности. Продлѣтить происхожденіе такихъ прозвищъ, указать на причины ихъ появленія—было бы весьма интересно. Къ несчастію, дѣло это далеко нелегкое.

Въ нашемъ настоящемъ очеркѣ мы остановимся на прозвищѣ Угожанъ, т. е. жителей села Угодичъ Ростовскаго уѣзда. Угожанъ обыкновенно называются «ершевниками», утверждая, что они «ерша со звономъ встрѣчали». (Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда. Изъ восп. Артынова Яр. Губ. Вѣд.).

Какой смыслъ этого прозвища и гдѣ его начало?

Извѣстный эллинистъ, ученый изслѣдователь Порфирий, епископъ чигиринскій, говоритъ: «я въ юности своей слышалъ отъ отца своего, что въ Ростовскомъ озерѣ во времія оно, явился большой ракъ и обѣими клещами благословлять, какъ архіерей». (Исторія Аѳона. ч. II. Аѳонъ христіанскій. Тр. Кіев. Духовн. Акад. 1871 г., т. 3, стр. 365).

По мнѣнію ученаго изслѣдователя, «насмѣшки язычниковъ надъ христіанами въ первыя времена христіанства и христіанъ надъ язычниками надолго сохранились въ народныхъ повѣрьяхъ». Такъ напр. между жителями Аѳонскаго городка Ериссо до сихъ поръ сохранилось шуточное повѣрье, что потомки прптицителей св. Апостола Павла не єдѣть воловьяго мяса изъ боязни, чтобы изъ нихъ не потекла кровь. Здѣсь видна явная насмѣшка христіанъ надъ язычниками—поклонителями Аполлона, какъ известно, не употреблявшими въ пищу воловьяго мяса.

По мнѣнію ученаго изслѣдователя и въ сказаніи о ракѣ, благословлявшемъ по архіерейски, видна явная насмѣшка ростовскихъ язычниковъ надъ первыми тамъ христіанами и надъ епископомъ ихъ.

Вполнѣ соглашаясь въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя, мы осмѣляемся провести параллель съ сказаніемъ, приведеннымъ нынѣ о ракѣ ростовскаго озера, благословляющими какъ архіерей, и съ выраженіемъ что «Угожане ерша со звономъ встрѣчали».

И послѣднее выраженіе не представляетъ ли изъ себя явную насмѣшку древнихъ ростовскихъ язычниковъ надъ первыми ростовскими христіанами и надъ ихъ епископомъ? Пожалуй, что да.

Во всякомъ случаѣ, если мы примемъ высказанное нами предположеніе, то темное и неясное выраженіе, что «угожане ерша со звономъ встрѣчали» будетъ для насъ вполнѣ ясно и вразумительно.

Желательно бы было, чтобы мѣстные изслѣдователи обратили свое вниманіе на шуточныя прозвища, даваемыя жителями однихъ мѣстностей жителямъ другихъ. Многія изъ такихъ прозвищъ, безъ всякаго сомнѣнія, получили свое начало въ глубокой древности и представляютъ изъ себя ту «живую старину», о которой говорили мы и въ предыдущихъ нашихъ очеркахъ.

Для образца укажемъ, напримѣръ, на шуточное прозвище «оковыаконъ», дававшееся въ некоторыхъ мѣстахъ еще не сбенно давно жителямъ Ростовскаго уѣзда. Прозвище это получило свое начало отъ слова «оковъ»—деревянная юдка, окованная желѣзными обручами, которая употреблялась ростовцами встарину въ мѣсто хлѣбной мѣры.

Уяснить вѣтъ такія прозвища было бы крайне интересно.

А. Балогъ,

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСНИКЪ

Въ 1897 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ, по прежней программѣ.

Содержаніе журнала распадается на пять отдѣловъ.

ОТДѢЛЪ I.

Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ.

ОТДѢЛЪ II.

Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

ОТДѢЛЪ III.

Изъ современной жизни. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ обзорынія современныхъ событий изъ церковной жизни въ Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, а также свѣдѣнія о внутренней жизни Академіи.

ОТДѢЛЪ IV.

Критика, рецензіи и библіографія по богословскимъ, философскимъ и историческимъ наукамъ.

ОТДѢЛЪ V.

Приложенія.

Подписная цѣна за годъ: безъ пересылки *шесть рублей*, съ пересылкой *семь рублей*, за границу *восемь рублей*.

Адресъ: въ Сергіевъ посадѣ, Московской губерніи, въ редакцію «Богословскаго Вѣстника».

Редакторъ в.-орд. проф. В. Соколовъ.